

UNIVERZITA PALACKÉHO V OLOMOUCI

Filozofická fakulta

**СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА И
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПОЛА В
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

**SYMETRIE A ASYMETRIE KATEGORIÍ
GRAMATICKÉHO A PŘIROZENÉHO RODU VE
SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH**

**SYMMETRY AND ASYMMETRY OF THE
CATEGORIES OF GRAMMATICAL AND NATURAL
SEX IN SLAVIC**

Disertační práce

TETIANA ARKHANGELSKA

Školitelka: Prof. PhDr. Ludmila Stěpanová, CSc.

OLOMOUC 2014

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem disertační práci vypracovala samostatně s použitím odborné literatury a pod odborným vedením mé školitelky Prof. PhDr. Ludmily Stěpanové, CSc.

.....

Poděkování:

Velmi děkuji své školitelce Prof. PhDr. Ludmile Stěpanové CSc. za její trpělivost, četné konzultace a laskavé vedení disertační práce. Poděkování patří také mé mamince Alle Arkhanhelské za ochotu, podporu a pomoc. Ráda bych poděkovala všem kolegům a kolegyním, které mi pomáhali při psaní této práce, zejména Prof. PhDr. Marii Sobotkové za cenné rady a připomínky, které mi poskytla.

.....

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	1
ГЛАВА I <i>ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ КАТЕГОРИЙ РОДА И ПОЛА В СИСТЕМЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА</i>.....	9
1.1. Человеческий фактор в современных парадигмах лингвистических знаний.....	9
1.2. Андроцентричная доминанта в системе постпатриархатных констант общественного мышления и системе языка.....	12
1.3. Симметрия и асимметрия как универсальные принципы изучения природы и языка.....	33
1.3.1. Развитие учения о симметрии и асимметрии как общенаучных и языковых понятиях.....	33
1.3.2. Шкала симметрично-асимметричных отношений единиц языка: симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия.....	42
1.4. Симметрия / асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица: взаимодействие означаемого и означающего.....	48
1.5. Лакунарность как категория лексической системологии и характер фемининных лакун в системе личных наименований.....	51
ГЛАВА II <i>СИММЕТРИЯ-АСИММЕТРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА И СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПОЛА В СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ</i>.....	55
2.1. Соотношение грамматической категории рода и семантической категории пола в системе личных существительных.....	55
2.2. Типология симметрично-асимметричных отношений в системе наименований лица мужского и женского пола: взаимодействие означаемого и означающего.....	59
2.2.1. Симметричные отношения категорий <i>genus</i> и <i>sexus</i>	59
2.2.2. Диссимметричные отношения категорий <i>genus</i> и <i>sexus</i>	70
2.2.3. Антисимметричные отношения категорий <i>genus</i> и <i>sexus</i>	80
2.2.4. Асимметричные отношения категорий <i>genus</i> и <i>sexus</i>	86

ГЛАВА III ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ НОМИНАЦИОННЫХ ФЕМИНИННЫХ ЛАКУН И ТЕНДЕНЦИЯ ФЕМИНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ	96
3.1. Специфика лакунарности в системе наименований лица с родо-половым маркером.....	96
3.2. Неофеминативы в контексте динамических процессов в современных славянских языках: системно-структурный и коммуникативный аспект.....	100
3.3. Проблема подхода к анализу и оценке явления феминизации как прогрессивного vs. Дестабилизирующего фактора развития языковой системы.....	120
3.4. Принципы сопоставительного анализа неофеминативов как потенциальных компенсаторов номинационных фемининных лакун в польском, русском, украинском и чешском языках.....	123
3.5. Фемининные номинационные лакуны и современные средства их компенсации в польском, русском, украинском и чешском языках.....	125
3.5.1. Лингвальные фемининные лакуны лексического, словообразовательного и стилеобразующего типа.....	125
3.5.2. Нелингвальные фемининные номинационные лакуны.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
RESUMÉ	158
SUMMARY	178
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	184
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	207

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица в последнее время пребывают в зоне особого внимания исследователей. Повышенный интерес к этой проблематике на рубеже тысячелетий стимулирован активизацией гендерных исследований в сфере лингвистической гендерологии, феминистской лингвистики, социологии, лингвофилософии, лингвокультурологии, социолингвистики, лингвоконцептологии и др., в центре внимания которых – женская составляющая в языке, культуре и социуме. Названная проблематика в языкознании не нова – она имеет в европейской славистике столетнюю традицию изучения с позиций языка, его системы и структуры, начиная от А. Потебни, О. Есперсена, Р. Якобсона, М. Немировского, Ф. Оберпфальцера. Однако во второй половине XX века вопрос о родо-половой дифференциации личных существительных приобретает иное звучание: ученые начинают говорить о несимметричности мужских и женских наименований в связи с неравномерной представленностью в языке лиц обоего пола, о несправедливых по отношению к женщине андроцентричной доминанте и стереотипах маскулинности и фемининности, отраженных в языке, подходя к анализу языка как «мужского изобретения» (Д. Спендер) под особым, феминистским углом зрения абсолютизации пола в ряду других экзистенциальных параметров человеческой личности (Д. Спендер, Р. Лакофф, С. Смит, П. Пуш, С. Тремель-Плетц, Г. Шмаусова, Э. Сикс и др.).

Система наименований лица на уровне лексики и фразеологии с точки зрения маскулинной и фемининной ее составляющей стала предметом анализа в огромном количестве работ, выполненных как на материале разных, в том числе и славянских, языков в контексте как внутриязыкового, так и межъязыкового сопоставления (А. В. Кирилина, С. М. Шульга, М. О. Ласкова, Г. П. Нецименко, А. В. Ефремов, А. А. Загнитко, А. А. Тараненко, С. Чмейркова, Ф. Данеш, П. Гаусер и др.), так и с исторической точки зрения (О. И. Еременко, Л. В. Карлова, С. П. Семенюк, М. П. Брус, В. Блажек, З. Русинова, А. Грегор) Во многих работах, посвященных этому вопросу, фигурирует термин *асимметрия*: гендерная асимметрия (В. И. Коваль, В. А. Никольская), асимметрия существительных со значением лица (Г. П. Нецименко), семантико-грамматическая асимметрия (Т. Ю. Мороз). Однако оказалось, что под симметрией/асимметрией ученые понимают зачастую совершенно различные факты, вплоть до понимания симметрии как наличия в языке парного существительного женского

рода, а асимметрии – как его отсутствия. Сам факт маскулинно-фемининной асимметрии в языке связывают с андроцентричной доминантой постпатриархатных культур, интерпретируя асимметрию такого рода с субъективных, часто – феминистски ориентированных позиций.

Явление симметрии/асимметрии в языке, в частности, и с точки зрения соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица, имеет чрезвычайно разнообразный характер и не может быть сведено только к полярным составляющим оппозиции симметрия – асимметрия. Необходимостью глубокого, всестороннего и непредвзятого изучения этого явления на широком славянском материале с учетом исторических и современных тенденций феминизации объясняется **актуальность данного исследования**. Возможности для этого открывает и полипарадигмальный характер современной лингвистики.

Предметом исследования стали факты проявления симметрично-асимметричных отношений в лексико-фразеологических системах соотносительных маскулинных и фемининных наименований славянских языков в контексте наличия/отсутствия в языковом узусе и современном словоупотреблении коррелятивных пар «наименование лица мужского пола» с формальным маркером маскулинности (маскулинизм) - «наименование лица женского пола» с формальным маркером фемининности (мужское мовирование, феминатив) в динамике их развития.

Целью диссертационного исследования стало комплексное внутриязыковое и межъязыковое сопоставительное изучение маскулинизации и явления мужского мовирования в русском, украинском, польском и чешском языках в синхронной динамике с точки зрения проявлений симметрии и асимметрии на этом участке номинативной системы.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- определить оптимальные исследовательские парадигмы, в границах которых возможно наиболее объективное и непротиворечивое изучение явления маскулинной и фемининной симметрии/асимметрии в системе наименований лица;
- уточнить понимание симметрии/асимметрии в языкознании и смежных науках, структурировать все возможные проявления симметрично-асимметричных и несимметричных отношений (лакун) на соответствующей шкале;
- установить исходные исследовательские позиции и параметры внутриязыкового и межъязыкового сопоставления симметричности/асимметричности вербального отражения соотношения маскулинное – фемининное в системе наименований лица;

- определить соотношение категории грамматического рода и семантической категории пола относительно системы наименований лица;
- осуществить синхронно-диахронный анализ проявлений симметрично-асимметричных отношений на материале наименований лица с родо-половым маркером, представленных в лексико-фразеологических системах изучаемых языков;
- проследить развитие процессов маскулинизации и мужского мовирования в синхронной динамике современных русского, украинского, польского и чешского языков на фоне языковых и неязыковых факторов, стимулирующих эти процессы и ограничивающих их;
- с учетом системно-структурного и социолингвистического подхода определить лингвистический статус неофеминативов, их стабилизирующее vs. дестабилизирующее влияние на языковой прогресс;
- изучить возможности применения к анализу современных процессов феминизации славянских языков исследовательских методов лингвозкологии;
- исследовать явление системной лакуарности как проявления несимметричности в сфере мужского мовирования; изучить возможность приобретения неофеминативами статуса узуальных компенсаторов языковых и неязыковых фемининных лакун.

На пути к решению поставленных задач будут доминировать **подходы к анализу симметрии/асимметрии** в системе наименований лица с родо-половым маркером с точки зрения синхронной динамики; с точки зрения системы и структуры языка; с точки зрения системного сопоставления языковых явлений и их типологии на внутриязыковом и межъязыковом уровне.

Исходной **теоретико-методологической базой** исследования послужили работы ученых, посвященные проблемам симметрии/асимметрии в различных отраслях человеческого знания (В. С. Готт, А. Ф. Перетурин, С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон, Вяч. Вс. Иванов, Е. В. Зубкова, Е. А. Воронцова, Н. А. Голубева, В. Г. Гак, В. Б. Кашкин), изучению различных типов языковой и неязыковой лакуарности (Г. В. Быкова, Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, С. О. Швачко, Л. К. Байрамова) и языковой системности (Ф. де Соссюр, В. М. Солнцев), определению методологических ориентиров полипарадигмальности в исследованиях проблем языка (В. А. Маслова, Л. К. Жаналина, Т. В. Попова), вопросам соотношения рода и пола в номинативных системах языков (В. И. Коваль, А. В. Кирилина, М. О. Ласкова, А. В. Ефремов, С. М. Шульга, А. А. Тараненко, А. А. Загнитко, З. Рудник-Карватова, З. Клеменсевич, В. Дорошевский, М. Лазиньский, М. Новосад-Бакаларчик, М. Куцала, Ф. Оберпфальцер, С. Чмейркова,

Ф. Данеш, Г. П. Нешименко), анализу и оценке современных тенденций языкового развития, в частности неофеминизации (Г. П. Нешименко, Г. В. Бортник, Е. А. Карпиловская, А. М. Нелюба, Х. Ядацка), вопросам лингвоэкологического подхода к явлениям языка и речи (А. П. Сквородников, Ю. А. Сорокин, А. А. Бернацкая, Т. А. Славгородская, А. Бондарь, В. Высочанский, В. Писарек, Ф. Данеш, С. Чмейркова).

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки лексических и фразеологических единиц, реализующих соотношение маскулинное-фемининное в русском, украинском, польском и чешском языках, из *одноязычных толковых, семантических и исторических словарей* (Словарь русского языка Т.1-17 (БАС), Словарь русского языка Т. 1-4 (МАС), Фразеологический словарь русского литературного языка (ФСРЛЯ), Русский семантический словарь (РСС), Т.1-3, Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), Т.1-10; Словник української мови (СУМ) Т.1-11, Великий тлумачний словник сучасної української мови (ВТССУМ), Фразеологічний словник української мови (ФСУМ) Т.1-2, Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т.1-2; Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–15; Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego M. Szymczaka (SJP/Sz., SJP/Dor.), Wielki słownik frazeologiczny (WSF), Słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku, Słownik staropolski (SS), Slovník spisovného jazyka českého (SSJČ) D.1-8, Český slovník věcný a synonymický (ČSVS) D.1-4, Staročeský slovník (SČS), *словарей неологизмов*, приведенных в списке использованной литературы, текстов СМИ, в том числе и электронных, разностилевых текстов, различного рода научных изданий. Привлечение диахронного материала даст возможность всесторонне изучить явление языковой объективации женщины в изучаемых языках в синхронной динамике.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятий *симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия, несимметричность, лакунарность* применительно к системе наименований лица с родо-половым маркером, анализе явления феминизации в современных славянских языках с системно-структурной, социолингвистической и лингвоэкологической точек зрения. Полученные данные могут стать вкладом в изучение типологического и генетического в вербальном воплощении маскулинного и фемининного в системе наименований лица на внутриязыковом и межъязыковом уровнях анализа.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в теоретических и практических курсах лексикологии и лексикографии, словообразования, сопоставительного языкознания,

лингвистической гендерологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также на занятиях по русскому, украинскому, польскому, чешскому языкам как иностранным. Исследование может положить начало составлению словаря языковой идентификации женщины (на материале всех изучаемых языков), а также словарей неофеминативов в русском, украинском и польском языках.

Методы исследования обусловлены спецификой объекта исследования, изучаемого материала и сущностью поставленных задач. Среди них – метод дефиниционного анализа, методы компонентного анализа и компонентного синтеза, сопоставительный метод (двусторонне сопоставление), метод функционально-стилистических и культурных интерпретаций, методы системной диагностики языковой экологичности неофеминативов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Употребление терминов *симметрия* и *асимметрия* применительно к изучению взаимодействия грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица требует уточнения. Более целесообразным при анализе соотношения семантики и формы фемининных коррелятов мужских наименований будет использование пятикомпонентной шкалы: *симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия* и несимметричность (*лакунарность*) с учетом явления *пересечения классов*.
2. Изучение явлений симметрии/асимметрии маскулинного и фемининного в системе наименований лица предполагает исследование соотношения семантики и формы языковых единиц с учетом *генерализирующей функции маскулинизмов*, являющейся объективным проявлением *андроцентризма* языков постпатриархатного типа.
3. Проявления отношений на шкале симметрия – асимметрия в изучаемых языках обнаруживают значительную меру сходства, объясняемую генетическим родством славянских языков, и существенные различия, обусловленные языковой традицией.
4. Сопоставительное изучение явления лакунарности в системе фемининных наименований и путей ее компенсации в современных славянских языках возможно через объект сравнения *тенденция языкового развития*. На пути к решению вопроса о приемлемости и жизнеспособности компенсаторов фемининных лакун рациональным может стать полипарадигмальный подход к

их диагностике как стабилизирующих vs. дестабилизирующих факторов языкового развития.

Работа апробирована на конференциях:

1. Международная конференция «Динамічні процеси у граматиці і лексичній структурі сучасних слов'янських мов», Рівне, Рівненський державний гуманітарний університет, 2011, Україна.
2. Международная конференция «Olomoucké dny rusistů», UP v Olomouci, FF, Olomouc 2011, Česká republika.
3. Международная конференция «Проблеми зіставної семантики», Київський національний лінгвістичний університет, Київ 2011, Україна.
4. Mezinárodní seminář mladých slavistů «Aktuální jevy v moderních slovanských jazycích a literaturách», UP v Olomouci, FF, Olomouc 2011, Česká republika.
5. Международная конференция «Słowo. Tekst. Czas – XI» Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym, Štětín-Greifswald 2011, Polsko – Německo.
6. Международная конференция «Лінгвістичні студії молодих дослідників II», Рівне, Рівненський державний гуманітарний університет 2012, Україна.
7. Международная конференция «VI. Olomoucké sympozium ukrajínistů Současná ukrajínistika: Problémy jazyka, literatury a kultury», UP v Olomouci, FF, Olomouc 2012, Česká republika.
8. Международная конференция «Konference mladých slavistů 2012», Praha, UK v Praze, Praha 2012, Česká republika.
9. Международная конференция «Здобутки та перспективи сучасної лінгвоукраїністики. III Міжнародні наукові читання пам'яті професора К.Ф. Шульжука», Рівненський державний гуманітарний університет, Рівне 2013, Україна.
10. Международная конференция «Міжкультурна комунікація: Мова – Культура – Особистість», Національний університет «Острозька академія», Острог 2013, Україна.
11. Международная конференция «Słowo. Tekst. Czas – XII» Die Phraseologie in Idiolekt und im System der slawischen Sprachen, Štětín-Greifswald 2013, Polsko – Německo.
12. Международная конференция «XLII Международная филологическая конференция. Национальное и интернациональное в славянской фразеологии», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург 2013, Россия.

13. Международная конференция «22. Olomoucké dny rusistů», UP v Olomouci, FF, Olomouc 2013, Česká republika.

14. Международная конференция «Tradycja i wyzwania. Metodologia badań slawistycznych XX i XXI wieku», Jagellonská univerzita, Kraków 2014, Polsko.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Архангельська Т.* Симетричне й асиметричне в номінативній підсистемі польської мови. In: *Lingvistická studia mladých vědců*, Rivne-Olomouc 2011, s. 112-115.

2. *Архангельская Т.* Юля краса – длинная коса (образ белой и пушистой женщины Юлии Тимошенко в зеркале фразеологии). In: *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*, Olomouc 2011, s. 105-113.

3. *Архангельська Т.* Маскуліноцентризм у слов'янських мовах: зіставний аспект. In: *Проблеми зіставної семантики*. Київ 2011, с. 15-20.

4. *Arkhangelska T.* Kulturalno-narodowa specyfika nominacji mężczyzny w polskim języku potocznym. In: *Aktuální jevy v moderních slovanských jazycích a literaturách*, Olomouc 2011, s. 7-9.

5. *Архангельская Т.* Вербальное отражение представлений о мужской красоте в польской лексике и фразеологии. In: *Word. Text. Time. XI*, Štětín-Greifswald 2012, s. 157-164.

6. *Архангельская Т.* Маркированность и немаркированность в системе родовых оппозиций (на материале польского языка). In: *Лінгвістичні студії молодих дослідників*, Rivne-Olomouc 2012, с. 15-18.

8. *Архангельська Т.* Семантична реалізація лексеми 'чоловік' в українській пареміології. In: *Ukrainica V, Současná ukrajínistika: Problémy jazyka, literatury a kultury*, Olomouc 2012, s. 41-45.

9. *Архангельська Т.* Евфемізація як чинник формування маскулінізмів та фемінативів у сфері жаргонної номінації (на матеріалі Словника українського жаргону Л.Ставицької). In: *Slovanský svět: známý či neznámý? Kolektivní monografie*. Červený Kostelec-Praha 2013, s. 41-47.

10. *Архангельская Т.* Фемининная неологизация в современном польском языке: за и против. In: *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*, Olomouc 2013, s. 13-20.

11. *Архангельская Т.* О некоторых тенденциях именовании женщины в современном польском языке: в поисках выхода из тени маскулинности. In: *Současné slovanské jazyky a literatury: problémy a perspektivy*, Olomouc 2013, s. 60-65.

12. *Архангельська Т.* Nowe nazwy żeńskie w kontekście feminizacji słownictwa we współczesnych językach słowiańskich. In: Наукові записки. Серія філологічна, Випуск 35, Острог 2013, с. 34-36.
13. *Архангельская Т.* Родо-половая транспозиция в лексике и фразеологии русского, украинского, польского и чешского языков. In: Word-Text-Zeit XII Die Phraseologie in Idiolekt und im System der slawischen Sprachen, Štětín-Greifswald 2013, s. 11-12.
14. *Архангельская Т.* О доме, в котором курица поет, а петух молчит (социокультурная транспозиция мужского и женского в славянской паремиологии). In: Национальное и интернациональное в славянской фразеологии. Коллективная монография, Greifswald 2013, s. 221-224.
15. *Архангельская Т.* Неофеминативы в современных славянских языках: лингвоэкологический подход, In: Lingvokulturologický a lingvoekologický přístup ke studiu jednotek jazyka a řeči, Olomouc-Ostrog 2013, s. 67-131.
16. *Архангельська Т.* Гендерний складник польських прізвищевих назв. In: Studia slawistyczne, Lublin 2014, s. 171-182.

Структура диссертационной работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (370 позиций) и справочных источников (80 позиций).

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ КАТЕГОРИЙ РОДА И ПОЛА В СИСТЕМЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

1.1. Человеческий фактор в современных парадигмах лингвистических знаний

«Человек в языке» и «язык в человеке»: векторы антропоцентрического анализа языка. Смена лингвистических приоритетов, а также новые стратегии анализа и интерпретации языкового материала переориентировали современную лингвистику последнего времени на изучение языка с позиции его связи с непосредственным создателем и носителем – человеком. Еще Вильгельм фон Гумбольдт говорил о необходимости изучения «человека в языке» и «языка в человеке»: согласно ученому, «человек, пробуждая в себе свою языковую способность и развертывая ее в ходе языкового общения, всякий раз своими собственными усилиями создает сам в себе язык» [<http://jazykoznanie.ru/159>]. «Антропологический принцип», пишет он, - «проявляется в том, что человек становится системой координат при анализе тех или иных явлений, что человек сам включается в этот анализ, определяя его перспективу и конечную цель» [Гумбольдт 1984: 212]. Позже этот союз был обозначен Э. Бенвенистом как проблема «человек в языке» [Бенвенист 1974: 447], лингвистическое содержание которой ученые видели «в изучении мотивированности (детерминированности) языковой системы и ее употребления в речи» [Шелякин 2005: 14]. Такая постановка вопроса предопределила множественность векторов подхода к анализу «человека в языке»: человек как организующая сила процесса познания и оязыковления объективной действительности, человек как создатель языка, «антропоцентричный след» человека в процессе номинации (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина); человек говорящий, продуцент речевой деятельности, пользователь языка,

объект его восприятия, понимания (Ю. С. Степанов, Н. Ю. Шведова, Ю. Н. Караулов, Г. И. Бертенев, А. Вержбицкая, Д. О. Добровольский); образ человека в языке (В. Н. Телия, В. Г. Гак) и т.п. Антропоцентризм, по сути, понимается как исследование механизмов функционирования языка с учетом человеческого фактора, ведь «в языке нет ничего человеческого, кроме <...> самого языка» [Бугорская 2003: 20].

Антропоцентризм как внимание к «фигуре человека» в языке в последние годы не только стал основоположным принципом исследования традиционных областей лингвистики, но и дал толчок для формирования новых антропоцентричных направлений и теорий (теория речевых актов, лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика и др.).

В последнее время ученые пытаются охватить проблему системно, во всем многообразии ее причин, связей и проявлений, рассматривая проблему человека в языке в более широком контексте: «в то время как люди пользуются языком как средством общения, сам язык пользуется человеком как инструментом, с помощью которого он рождается, поддерживает свое здоровье и осуществляет свое развитие» [Морковкин 1988: 132]; «человеческие качества, способности (и неспособности), симпатии, привычки и эмоциональные состояния людей определенным образом влияют на структуру, употребление и эволюционные изменения языка и речи» [Daneš 2009: 97-102]; «язык служит человеку, но и человек ответственен перед языком» [Šmejrková 2010: 297-303]. На рубеже XX - XXI веков ученые заговорили о языковой среде обитания, о том, что понятие среды применительно к языку двупланово: с одной стороны, это языковая среда, в которой существует отдельный человек и социум, с другой – это среда, в которой существует и функционирует язык, т.е. совокупность экстралингвальных факторов, или условий, влияющих на его функционирование и развитие [Сковородников 1996: 7], среди которых человеческий фактор занимает ведущее место. Такой подход позволил соединить структурно-лингвистические и речеповеденческие аспекты изучения языка и поставить вопрос о возникновении нового научного направления изучения языка – лингвоэкологии (А. П. Сковородников, Ю. А. Сорокин, А. А. Бернацкая, Т. А. Славгородская, А. Бондарь, Ф. Данеш, С. Чмейркова). В сферу интересов лингвоэкологии попадает достаточно широкий и разнородный круг вопросов и проблем¹, среди которых взаимодействие языка

¹ Основная задача лингвоэкологии – исследование взаимоотношения языка и среды (Э. Хауген) в ее динамике, факторы, пути и способы обогащения языка и совершенствования собственно-речевой практики (Т. А. Славгородская). Экология языка теснейшим образом связана с экологией духовной культуры и культурно-исторических традиций. Это прежде всего забота о чистоте речевой среды обитания человека и всего народа (В. К. Журавлев, А. К. Михальская). Экологическая интерпретация... возможна не только в

со средой: внешняя среда через человека, социум воздействует на язык, а язык как центральный компонент психосферы человека влияет на социум в целом и индивида, на нравственный и духовный уровень общества определенного времени, следовательно, общество обязано оберегать язык от деструктивных действий в той же мере, как и биологическую среду своего обитания. Здесь А. А. Бернацкая выделяет три аспекта анализа. Первый – традиционный, или интралингвальный, который сориентирован на систему и структуру языка и призван целенаправленно повлиять на снятие или ослабление негативных тенденций в использовании языка, предотвратить проникновение отрицательного узуса в систему, регресс в плане его выразительных ресурсов, нивелирование функциональных и аксиологических оппозиций. В теоретическом плане это проверка онтологической альтернативы: является ли язык саморазвивающейся и самоуправляемой системой (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон) или развиваемой, управляемой (В. М. Солнцев) системой. Второй – интерлингвальный, связанный с полиязычием и проблемами исчезновения языков. Третий – транслингвальный, касающийся проблем трансляции культурных текстов и «экспортирования» чужой культурно-языковой традиции [Бернацкая 2003: 32-38].

Одним из относительно новых направлений антропоцентрической парадигмы изучения языка стала в наше время гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология, в сферу интересов которой оказались включенными вопросы андроцентризма языка, соотношение рода и пола в системе наименований лица, асимметрии, связанные с доминированием маскулинного в языках постпатриархального типа, статус социального пола (гендера), его отражение в языке и связанные с ним проблемы коммуникации (А. В. Кирилина, Е. Горошко, А. А. Тараненко, Я. Пузыренко, М. Дмитриева, М. Карватовска, Й. Шпыра-Козловска, С. Чмейркова, Я. Гоффманнова, Я. Валдрова и др.).

Попытки гендерной лингвистики максимально учесть человеческий фактор в языке с точки зрения биологического и социального пола создателя и пользователя языка, представленности в языке лиц обоего пола опираются на понятие андроцентризма языка и мысль о том, что не реальность определяет язык, на котором о ней говорят, а наоборот, само восприятие реальной действительности сконструировано языком (Э. Сепир, Б. Уорф)

«жестких» ситуациях, когда лингвисту не остается ничего другого, как констатировать гибель языка. Экологический подход правомерен и в менее острых случаях, когда происходят, казалось бы, менее губительные изменения, такие, как возникновение или исчезновение отдельных языковых категорий, типов текстов и коммуникативных функций. Предметом внимания языковой экологии является языковая вариативность, рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит (Ф. Данеш, С. Чмейркова).

и что мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом потому, что наш выбор его интерпретации предопределяется языковыми привычками данного общества (Э. Сепир).

Традиционно же считается, что построение языка как системы детерминировано особенностями человеческого мышления. «Семантическое устройство языка», пишет М. А. Шелякин, - «предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает *ориентацию человека в мире*» (курсив наш – Т.А.) [Шелякин 2005: 132]. Языковая система существует не обособленно от окружающей человека реальности и восприятия им этой реальности. Она функционирует в условиях текущей действительности и является проекцией мышления человека на окружающий мир. Языковая система немислима вне констант общественного мышления, которое вполне объективно имеет постпатриархатный характер, поэтому и для традиционного решения проблемы соотношения языка и мышления вопрос об антропоцентризме и андроцентризме языка оказывается важным.

1.2. Андроцентричная доминанта в системе констант общественного мышления и системе языка

Андроцентризм как социокультурная традиция. Чтобы хотя бы приблизительно определить, каким же был окружающий мир «человека разумного», создававшего язык, начнем с глубокой древности.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, каким был социальный строй в первобытном обществе. Все известные общества являются патриархатными, хотя, по Э. Гидденсу, в них имеются различия в степени патриархатности и природе власти мужчин над женщинами. При этом под *патриархатом* (от греч. *πατήρ* – отец и *ἀρχή* – начало, власть) понимают совокупность экономических, общественных и идеологических отношений, характеризующихся преобладающей ролью мужчины в семье и обществе [ФЭ 1960-1970: 223]. Вопрос о том, был ли патриархат универсальным этапом в истории родового общества, в каком соотношении пребывали патриархат и матриархат в древнейших обществах и имел ли вообще место матриархат в системе социального обустройства человечества, и сегодня остается открытым (И. Я. Бахофен, М. О. Косвен, Л. Г. Морган, А. И. Першиц, Э. Тайлор, С. П. Толстов,

Л. А. Файнберг, С. К. Неуманн и др.). Дискуссионной в древнейшей истории человечества остается и проблема соотношения материнского и отцовского рода.

Одни считают, что времена палеолита и неолита – 50-20 тысяч лет тому назад – были периодами мужского и женского равноправия. К примеру, Х. М. Думанов и И. А. Першиц в статье «Матриархат: новый взгляд на старую проблему» утверждают, что первобытное общество было «обществом равных»²: сама специфика социально-экономических, производственных отношений в раннепервобытном обществе предопределяла экономическое равенство всех членов родов и общин, в том числе и представителей разных полов. Другие утверждают, что на заре истории царил матриархат. При этом большинство исследователей настаивает, что история человечества изначально складывалась как история мужского доминирования, иерархически выстроенных мужских и женских статусов (Э. Гидденс, О'Брайен). Всеобщая распространенность патриархата обусловлена не господством мужской физической силы, а материнскими функциями женщины, которые делали женщину зависимой от мужчины, в том числе и в материальном отношении. Разделение же труда было выстроено по принципу взаимодополняемости, но не на равноценных началах: мужчине отдан на откуп внешний мир, культура, творчество, притязания на господство, женщине – дом, в котором она была существом подчиненным. Мужчина, таким образом, становился субъектом властных отношений, женщина – субъектом власти. Выстроенные таким образом гендерные отношения, по Р. Айслер, - самые фундаментальные из всех человеческих отношений, а их матрица глубочайшим образом предопределила направление культурной эволюции.

² В раннепервобытном обществе вся земля - охотничьи, собирательские и рыболовные угодья - обычно считалась собственностью рода, но находилась в фактическом распоряжении общины. Причем не какой-нибудь одной части членов рода или общины, а всех сородичей или общинников - безразлично мужчин или женщин. В общественном производстве также в равной мере участвовали оба пола, хотя в силу естественно сложившегося разделения труда между полами охота и рыболовство считались мужским занятием, собирательство - женским. При этом распределение общественного продукта могло быть только уравнилительным, или равнообеспечивающим. Если бы вдруг мужчины отказались делиться с женщинами, скажем, охотничьей добычей, то и женщины отказались бы делиться с мужчинами продуктами собирательства. А между тем и то и другое было в одинаковой степени жизненно важно для раннепервобытных коллективов. <...> В позднепервобытном обществе человечество на магистральном пути развития стало переходить от охоты, собирательства и рыболовства к земледелию и скотоводству. <...> Но и теперь ни мужчины, ни женщины не стали единоличными собственниками оставшихся общинно-родовыми условий производства и не отстранили противоположный пол от участия в общественно полезном труде. <...> Словом, и в позднепервобытном обществе вплоть до эпохи его распада нормой оставалось равное участие мужчины и женщины в экономической жизни коллектива. <...> Мужчины имели свои обряды, религиозно-магические культы, иногда даже тайные языки, женщины - свои. Существовали специфически мужские и специфически женские обязанности и привилегии. На основе жесткого межполового разделения труда и связанного с ним общего обособления мужчин и женщин возникали их разные социально-бытовые статусы, но это не были неравные, иерархизованные статусы, ведущие к господству одного пола над другим» [Думанов, Першиц 2000: 622-623].

Само возникновение патриархата и матриархата многие ученые объясняют не сверхвластью в определенном обществе мужчин или женщин. Считается, что эти разновидности общественной организации возникли вполне мирным, логическим и мотивированным путем: при межплеменных браках решающим здесь оказывался вопрос, какому племени должны принадлежать дети. Если они принадлежали к племени отца, можно было говорить о патриархатных основах обустройства общества, если к племени матери – о матриархатных [Neumann 1999: 55-79].

Возможная эгалитарность древнейших обществ подтверждается и фактами языков. Исследователи истории языка настаивают: изначально язык не имел родо-половых дистинкций: все сексуальные термины в дородовую эпоху были асексуальными [Neumann 1999: 63, 198, 280; Март 1930: 42; Трубочев 1959: 14]. О.Н. Трубочев в «Истории славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» пишет: «пять родственных терминов ('отец', 'мать', 'брат', 'дочь', 'сестра') изменяются по единому склонению родственных терминов, *не знавшему родовых различий...*» (курсив наш – Т.А.) [Трубочев 1959: 49]. М. Я. Немировский, изучая вопрос обозначения пола в языках мира [Немировский 1938: 216], отмечает, что тюркские, монгольские, языки банту и множество других не обладали никакой номинальной классификацией. Обращают на себя внимание и асексуальные термины родства и наименования социального статуса лица в древней латыни – *puer* «сын» и «дочь», *parents* «отец» и «мать», *civis* «гражданин и гражданка», *testis* «свидетель и свидетельница», в турецком (османском) языке *karados* «брат» и «сестра», в голландском *ouder* «отец» и «мать», других индоевропейских языках. Некоторые термины родства, такие, как *отец – мать, дед – баба*, по данным М. Я. Немировского и О. Н. Трубочева, использовались в древние периоды существования языка для обозначения старшего поколения без различий пола. Эти и множество других лингвистических примеров лишь подтверждают эгалитарную версию развития событий в первобытном обществе.

На следующем этапе развития мышления и языка, когда человечество начинает осознавать половые различия, стадия половой аморфности переходит в стадию половой дифференциации. Основным способом мыслительного освоения действительности в праиндоевропейскую эпоху было приписывание природе общинно-родовых отношений, которое называют космологичным соматизмом (А. Ф. Лосев). Одушевление природы приводило к тому, что внешний мир персонифицировался, его объектам приписывался мужской или женский пол. Е. Б. Тейлор замечает, что в древних обществах достаточно четко прослеживаются противопоставления между сильным и слабым, суровым и мягким,

грубым и нежным как мужским и женским. Во многих племенных языках понятие «большой» ассоциировалось с мужским, а «маленький» - с женским [Тейлор 1896: 282]. Н. И. Толстой пишет о том, что у славян существовали мужские и женские деревья, мужские и женские дни недели [Толстой 1995]. Мужское ассоциировалось с сильным, активным, благородным, большим, агрессивным, в то время как женское – с предметами небольшими, более слабыми, производными, мягкими, красивыми и неагрессивными. У Ф.Оберпфальцера (Йилека) находим мысль о том, что в хамитских языках мужское и женское противопоставлялось по признакам размера и степени важности [Oberpfalser (Jilek) 1932: 267-271].

Атрибуты мужского и женского связываются с истоками биполярных представлений о мужчине и женщине, которые возникают на ранних стадиях развития человечества в виде системы бинарных оппозиций: *правое - левое, прямое – кривое, белое – черное, движение – спокойствие, светлое – темное, добро – зло, парное – непарное, небесное – земное, идеальное – материальное*. Мужчина издавна ассоциировался в сознании носителей языка с силой, движением, рациональным подходом к действительности, духовностью, положительным, небесным началом (верхом), культурой. Женщине приписывались пассивность, чувственность, телесность, приземленность (низ), земное, природа.

В то же время мужское и женское не воспринималось как прямо противоположное или взаимоисключающее, но как неразрывно связанное, взаимно дополняющее друг друга. В системе основных категорий китайской философии даосизма Инь и Ян (пассивное, женское и активное, мужское начала) выражали универсальную дуальность мира, сливаясь в принципе Дао [Лютый 2010: 15-16].

Отдельно следует сказать и о пифагорейской математике, почитающей числа живыми сущностями. Согласно пифагорейской теории парности, Монада, или Священная Единица, всегда содержится в одном состоянии, то есть не распадается. Она – Единое, сумма любых комбинаций чисел, которые рассматриваются как целое. Диада воплощает неравенство, нестабильность, спор, дерзость, потому что первой отделилась от Единого. Но с добавлением к ней Монады равновесие опять возобновляется. Парное число, прототипом которого была Диада, считалось неопределенным и женским. Таким образом, нечетные числа возводились в ранг божественных, мужских, а парные опускались как нечестивые, женские [Томпсон 2001: 41-44, 257]. Таких примеров в культурной истории человечества множество.

Важной вехой в утверждении патриархата стал известный труд Аристотеля «Политика», в котором философ четко формулирует патриархатную теорию общественного бытия. Идея Аристотеля, вошедшая в доктрину христианской церкви, определила абсолютное господство патриархатной теории не только в древности, но и в средние века и отчасти в новое время [Думанов, Першиц 2000: 621]. Ученые объясняют такое явление, как андроцентризм, историческим развитием общества, культурными константами, которые оказались смещенными в сторону преобладания мужского над женским. Под андроцентризмом (другие термины – маскулиноцентризм, фаллоцентризм) социологи и культурологи понимают глубинную культурную традицию, сводящую общечеловеческую субъективность (общечеловеческие субъективности) к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия. Таким образом, андроцентризм - это не просто взгляд на мир с мужской точки зрения, а выдача мужских нормативных представлений и жизненных моделей за единые универсальные социальные нормы и жизненные модели [СГТ 2002].

Андроцентричная доминанта в языке. Сформировавшиеся на протяжении многовековой истории неравнозначные, нетождественные представления о мужчине и женщине, мужском и женском естественным образом отразились и в языке как явлении общественном, человеческом.

Устойчивое видение носителями языка мужчины как существа разумного, рационального, духовно и физически сильного, его восприятие обществом как главенствующего, а женщины – как существа подчиненного неизбежно повлияло на структуру языка. Язык в системе патриархатного общественного мышления не только антропоцентричен, но и объективно андроцентричен, то есть отражает мужское доминирование и мужскую перспективу. В язык «оказался вписанным определенный родо-половой принцип репрезентации мира» [Šmejrková 2002: 265]. Под андроцентризмом в языкознании понимают неравномерную представленность лиц обоего пола в языке. Под андроцентризмом языка – доминирование маскулинного над фемининным в языковой картине мира, в языковой системе, препозитивную фиксацию и оязыковление лица мужского пола в проекции на социокультурную традицию [Тараненко 2005: 3-25; Коваль 2007; Архангельська 2007: 11]. В идеологически незаангажированных исследованиях андроцентризм понимается не как враждебная форма доминирования

мужского над женским, а как объективно сложившаяся в постпатриархальных культурах вековая языковая традиция, согласно которой язык предпочитает мужские формы.

Термин андроцентризм активно используется теоретиками гендерного подхода и феминистской лингвистикой для критики социального мира культуры, где характеристики мужского и женского разноплановы и разновесны, дихотомично разведены и иерархично структурированы. Утверждается, что «мужчина создал язык» (Д. Спендер), что существующий мир культуры и мир природы осуществлен (через нарратив) от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское понимается как «другое» и «чужое», а чаще всего вообще игнорируется [СГТ 2002].

Механизм «включенности» женского грамматического рода в мужской и теория «немаркированности / маркированности» членов родо-половой корреляции. К ведущим проявлениям андроцентризма в языке относится действие механизма «включенности» женского грамматического рода в мужской (употребление существительных мужского рода в генерализирующей функции, для обозначения лиц любого пола). В лингвистической традиции андроцентричная языковая установка и ее проявления, заключающиеся в способности мужских наименований реализовать генерализирующую функцию, изначально исследовались с точки зрения грамматической и лексической систем языка (А. Мейе, Р. Якобсон, Ф. Оберпфальцер (Йилек) и др). Первостепенное значение здесь имеет категория рода, являющаяся основополагающим средством грамматического маркирования маскулинных и фемининных категорий, в частности, соотношение категорий грамматического рода и биологического пола референта, отраженное в контекстуальном значении лексических единиц. И современные, и древние языки обнаруживают множество примеров андроцентричной асимметрии «мужских» и «женских» категорий, когда один из классов представлен как автономный, а другой как неавтономный или менее автономный. Язык, как известно, предпочитает «мужские» формы, что выражается в потенциальной возможности использования наименований мужского рода со значением лица для обозначения лиц женского пола.

Впервые на это свойство наименований лица мужского рода (маскулинизмов) обратил внимание А. Мейе в очерках теории грамматического рода. Исследуя эволюцию родовых систем в индоевропейском языке (различение «одушевленного – неодушевленного» родов; «мужского – женского – среднего» родов), ученый обращает внимание на «подстроенность и производность женского рода в системе родов» и настаивает на семантическом основании такого явления: мужской род обозначает самца и

родовое понятие, женский род в соотносительных случаях – всегда частную разновидность. Например, *птица* в древнегреческом гомеровском языке всегда мужского рода и лишь в специальных значениях это слово появляется у Гомера в женском роде, при этом в морфологической форме слово в полном соответствии со своим индоевропейским происхождением не несло указания на род – мужской или женский. В идее А. Мейе о несимметричном положении мужского и женского рода в родовой системе содержится уже в зародыше учение о «маркированных» и «немаркированных» членах родовой корреляции, развитое впоследствии Р.Якобсоном на материале славянских языков. В системе, очерченной А. Мейе, мужской род выступает как общий, т.е. немаркированный, по отношению к женскому роду, и как равноправный, эквиполентный по отношению к среднему роду [Степанов 1975: 22]. Л. П. Якубинский, М. В. Шульга связывают это деление с делением на деklinационные группы, которое не имело никакого отношения к делению наименований по родам [Якубинский 1953: 164-165; Шульга 1984: 99].

Дальнейшим развитием теории немаркированности мужского рода и маркированности женского в системе родовых корреляций стало углубление Р. Якобсоном теории оппозиций, разработанной в контексте структурного направления в Пражской лингвистике Н. С. Трубецким. Изначально языковые оппозиции как бинарное противопоставление коррелятов-носителей положительного/отрицательного признака были изучены в фонологии, однако уже в середине XX века принцип построения бинарных оппозиций стал активно использоваться в грамматике и лексикологии.

Основой последующей разработки Р. О. Якобсоном теории морфологических корреляций в языке стало утверждение Н. С. Трубецкого: «Одно из существенных свойств фонологических корреляций состоит в том, что оба члена корреляционной пары неравноправны: один член обладает соответствующим признаком, другой им не обладает; первый определяется как признаковый (маркированный), второй – как беспризнаковый (немаркированный)» [Trubetzkoy 1931: 97]. Р. О. Якобсон, системно анализируя русскую грамматическую традицию времен А. Х. Востокова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и С. И. Карцевского, создает собственную концепцию привативных бинарных оппозиций. «Рассматривая две противопоставленные друг другу морфологические категории», – пишет ученый, – «исследователь часто исходит из предпосылки, что обе эти категории равноправны и каждая из них обладает свойственным ей положительным значением: категория I означает *A*, категория II означает *B*, или, по крайней мере, категория I означает *A*, категория II означает отсутствие, отрицание *A*. В действительности же общие значения коррелятивных категорий распределяются иначе: если категория I указывает на наличие

A, то категория *II* не указывает на наличие *A*, иными словами, она не свидетельствует о том, присутствует в ней *A* или нет. Общее значение категории *II* сравнительно с категорией *I* ограничивается, таким образом, отсутствием «сигнализации *A*» [Якобсон 1985: 210]. То есть сильный член оппозиции сигнализирует о семантическом признаке, слабый же ее член не выражает эксплицитно семантического признака, но может выразить его имплицитно.

Р.О. Якобсон, анализируя пару *осел* – *ослица*, рассматривает слово *ослица* как маркированный член оппозиции, всегда обозначающий самку, тогда как слово *осел* может обозначать и самца, и самку, выполняя тем самым генерализирующую функцию³.

В более поздней своей работе «Нулевой знак» Р. О. Якобсон пишет: «Каково общее (грамматическое) значение категории рода в русском языке? Женский род указывает на то, что если означаемое является одушевленным или может мыслиться как одушевленное, то соответствующее лицо безусловно принадлежит к женскому полу (*супруга* всегда означает женщину). В противоположность этому общее значение мужского рода таково, что оно не содержит *обязательного* указания на пол» [Якобсон 1985: 224]. То есть «имена женского рода образуют признаковую категорию, тогда как имена мужского рода грамматически свидетельствуют лишь о том, что сигнализация женского рода отсутствует» [Якобсон 1985: 216]. Немаркированный мужской номинант, таким образом, выступает в позиции нейтрализации, его номинативные возможности шире, в то время как маркированный женский член оппозиции, значение которого всегда является более конкретным, имеет относительно узкую по сравнению с немаркированным членом сферу употребления. Во всех случаях, когда употребляются слова *мастерица*, *подруга*, *поэтесса*, можно употребить и слова *мастер*, *друг*, *поэт*, но обратное неверно.

Обращаясь к теории Р. Якобсона, М. Докулил акцентирует внимание на том, что употребление немаркированной категории вместо маркированной всегда остается гипостазией (или употреблением нетипологизированной категории вместо типологизированной) и имеет в языке семантические основания: «В немаркированной категории объем общего значения (то есть система всех узуальных употреблений данной категории) обязательно должен быть большим, чем объем общего значения соответствующей категории маркированной: член немаркированный должен полностью включить в себя объем значения члена маркированного. Система всех узуальных словоупотреблений общего значения немаркированной категории должна покрывать не

³ К примеру, *С ним был слуга его и пара ослов* [Библия. Книга судей. Глава 19].

только область, не охваченную категорией маркированной (то есть *non A*), но и ту область, которая есть специфическим значением этой категории (то есть *A*). Однако в смысле логического противопоставления (контрадикции) категория немаркированная становится репрезентантом этого морфологического противопоставления, она может частично включать и значение, с точки зрения *A* контрарное – *A'* (обозначение только лица мужского пола – *T. A.*). Таким образом, семантическая область *non A - A'* будет дефинирована как область, в которой не реализуется ни *A*, ни *A'*. Из такой связи между объемами общих значений асимметричного противопоставления морфологических категорий логически вытекает, что категория немаркированная – как репрезентант целого морфологического противопоставления – имеет место не только там, где речь идет о выражении значения контрарного к *A - A'*, остаточного значения *non A - A'* или только значения *non A*, но может замещать собой и категорию маркированную, то есть выражать непосредственно *A* в случаях, когда значение *A* (которое в ней может быть неактуализованным) реализуется контекстом или конкретной языковой ситуацией» [Dokulil 1958: 90]. Заметим: если Р. Якобсон считал возможность субституции факультативной потенцией немаркированного члена морфологической корреляции, то М. Докулил настаивает на ее обязательности [Dokulil 1958: 90].

В работах Р. Якобсона и его последователей была сделана попытка свести все типы фонологических оппозиций к бинарным привативным. Однако ученые обратили внимание на то, что этих оппозиций для анализа фактов языка оказывается недостаточно. М. Докулил уточняет концепцию асимметричных родовых оппозиций Р. Якобсона в том смысле, что в ряде случаев отношения между членами родовой пары оказываются эквивалентными, равноценными, симметрическими⁴. На это явление обращает внимание и С.Чмейркова [Štejrková 2002: 279]. Речь идет о случаях так наз. расчлененного рода типа рус. *Мастера и мастерицы, желающие продать своё рукоделие, могут выкладывать свои творения здесь!* (Кудеса древнего мира, 10.06.2010); укр. *Студенти та студентки НГУ – володарі Кубка України з карате* (Новини - Національний гірничий університет, 30.11.2011); польск. *Celem głównym projektu jest doskonalenie i rozwój zawodowy 100 osób – nauczycieli i nauczycielek warszawskiego systemu oświaty* (Informator Europejski, 13.09.2011); чешск. *Mladí Češi a Češky objevují pšeničné pivo* (Stravník.cz, 18.05.2011). Есть основания говорить о маркированности маскулинизма относительно пола: в данном контексте

⁴ В своей работе «О структуре русского глагола» Р.О. Якобсон пишет: «Если в определенном контексте категория II все же сигнализирует отсутствие А, то это является лишь одним из употреблений данной категории: значение здесь обусловлено ситуацией» [Якобсон 1985: 211].

мужское наименование не имеет генерализирующего значения, а идентифицирует только лицо мужского пола в противоположность к женскому.

В исследуемых языках известны и примеры употребления феминативов в общеродовой (генерализирующей) функции, что также является отступлением от правила включенности лиц мужского и женского пола в семантический объем мужского номинанта. Так, в примерах рус. *Почему августейшие особы так называются? Почему они, допустим, не «октябрешки»?* (Интернет-газета newslab.ru, 23.10.2007); укр. *Під час сильних морозів служби соціального патрулювання під час рейдів виявили майже 5000 осіб, які потребують сторонньої допомоги* (Golos.ua, Новини, Суспільство, 12.02.2012); польск. *Czy prokurator i Policja będą ścigać wszystkie osoby, które brały udział w popełnieniu przestępstwa, czy tylko te, które wskażą?* (Pokrzywdzeni.gov.pl, 13.04.2011); чешск. *Žadatelé o účast v programu Zažijte Kanadu nejsou oprávněni využívat třetí osoby, které by je zastupovaly v jednání s Ministerstvem zahraničních věcí a mezinárodního obchodu Kanady* (Vláda Kanady, canadainternational.gc.ca, 20.11.2012) существительное женского рода *osoba* не только принимает на себя генерализирующую функцию, но в чешском и польском языках даже становится «отправной точкой» для согласовательной конструкции предложения. Остальные феминативы-существительные общего рода обнаруживают аналогичную тенденцию [Čmejrková 2002: 269-270]. В единственном числе во всех исследуемых языках они могут быть идентифицированы в своей референции только в зависимости от контекста, во множественном же числе интересно употребление этих феминативов-существительных в западнославянских польском и чешском языках. В польском языке в предложениях с подлежащим, выраженным существительным общего рода, синтаксическая конструкция предложения согласовывается по женскому грамматическому роду: *Były to albo sieroty, albo bardzo młode osoby, które zostały odłączone od swoich rodzin z powodu wojny* (Psz.pl, Wywiad z prof. Taylor, 12.05.2010); *Były wśród nas bekсы niemale, dziś przedszkolaki z nas doskonale* (Szkolnastrona.pl, 24.08.2009). В чешском языке согласование по женскому грамматическому роду происходит лишь на уровне определений: *Starosta dělá jedině dobře, že si řekl, že pořádní občani musí mít v něčem přednost, a ty nezbedy nevychované musíme nějak potrestat* (Voříšek: občasník pro Okříšky a okolí, 18.04.2004), ср. *Nejsou všichni, ale slibuju, že si ty nezbedy, kteří chyběli najdu a postarám se, aby byla galerie kompletní* (147. PS Galaxie, Pražská nezisková organizace pro děti s využitím volnočasových aktivit, 20.03.2000); *Když přijdeme do školy, sedím na zemi, dívám se po třídě na ty nezbedy, kteří běhají po třídě kolem dokola a povykují jako šílenci* (<http://maszskt.cz/casopisy/mascasek/rocnik2/>, 10.09.2013). В такой же функции могут

выступать и формулы обращений к высокопоставленным лицам в лингвокультурной традиции исследуемых языков. Обращения рус. *Светлость, Милость*, укр. *Величність, Високість*, польск. *Wysokość, Mość*, чешск. *Výsost, Magnificence* и др., грамматически являясь феминативами (*Ваша Светлость, Ваша Величність, Wasza Wysokość, Vaše Výsost*), обозначают как мужского, так и женского референта.

Ученые также обратили внимание на то, что генерализирующее значение наименования мужского рода не является гомогенным в случае его употребления в единственном и множественном числе. Авторы выделяют несколько степеней генерализации [Безпояско, Городенська, Русанівський 1993: 60], сильные и слабые позиции относительно семы пола для маскулинного номинанта [Архангельская 2011б: 46], замечая при этом, что исключение здесь составляют наименования *masculina tantum*⁵, которые даже потенциально не могут именовать лицо женского пола, а также демографические наименования типа *киевлянин, чех, африканец* и т.п., употребленные в единственном числе в конструкции необобщающего характера (типа *каждый россиянин знает...*), поскольку в этой группе наименований женский коррелят является регулярным во всех языках (*киевлянка, чешка, россиянка, африканка*). В маскулинном номинанте единственного числа потенциально присутствует сема совокупности по полу (человек вообще + мужчина в частности + женщина в частности), или определенной множественности. Здесь наличие лиц мужского и женского пола практически всегда подразумевается (*учитель = учитель + учительница*), поэтому можно говорить об общеродовой функции такого наименования⁶. В формах множественного числа семантика маскулинизма переориентируется исключительно на собирательность, т.е. семантику неопределенной множественности (*У него были хорошие учителя*)⁷, и в таком случае есть основания говорить о внеродовой функции мужского рода в значении «человек вообще» [Архангельская 2011: 48] и приобретении маскулинизмами собирательного значения. Говоря о генерической функции маскулинизмов, С. Чмейркова обращает внимание на

⁵ Речь о маскулинных наименованиях, связанных с биофизиологическими, конфессиональными, социально-имущественными ограничениями относительно женского референта типа *бородач, кастрат, священник, кузнец, шахтер, палач, мясник* и под.

⁶ рус. *Дорогой читатель! Вот мы и подошли к концу нашей книги* (Библия Онлайн, 2003-2014); укр. *Отже, дорогий читачу, у тебе в руках повість "Монолог перед обличчям сина"* (Час і події, 07.09.2009); польск. *Drogi Czytelniku! Publikacja którą trzymasz w ręku, jest intelektualnym fundamentem Turkusowej Rewolucji w Polsce czyli społecznych i politycznych przemian, które wprowadzą w Polsce ustrój demokracji bezpośredniej* (Demokracja Bezpośrednia, 03.01.2013); чешск. *Vážený čtenáři, pohlédni do zrcadla i do duše a možná si domů přivedeš tohle kudrnaté sluníčko* (Blesk.cz, 24.10.2011).

⁷ Согласовательная конструкция в польских и чешских предложениях, соответственно, тоже строится по мужскому грамматическому роду: польск. *Wybitni aktorzy wzięli udział w ceremonii wręczenia nagród* (Feminoteka.pl, 09.12.2005); чешск. *Karel Roden stejně jako další herci jsou ve filmu převedeni do kreslené podoby* (IHNEP.cz, 24.10.2011).

оппозицию «язык – речь»: возможности, потенциально заложенные в языковых знаках, могут быть актуализированы в речи (определенных контекстах) в случае необходимости идентифицировать пол референта [Šmejrková 2002: 268].

Авторы теории построения бинарных оппозиций исходят из характера отношения между членами оппозиции, где каждый член имеет однозначно предсказуемый противочлен. По Н. С. Трубецкому, существует два основных их типа: нейтрализуемые привативные пропорциональные одномерные оппозиции; ненейтрализуемые изолированные неоднородные многомерные оппозиции [Трубецкой 1960: 94]. Однако бинарная структура описания предполагает распределение и на ряд других возможных противопоставлений. В таком случае она перерастает в тринарную, включающую не только две противоположные позиции, но и такую, которая не имеет однозначной окрашенности двух предыдущих, хотя и характеризуется признаком существования [Лютий 2010: 13]. Кроме того, вопрос о типе аналогии между фонологическими и семантико-грамматическими оппозициями не имеет однозначного решения⁸. Для выражения грамматических значений, особенно словоизменяемых (модифицирующих), более пригодны члены одномерных пропорциональных привативных оппозиций. Члены таких оппозиций «состоят между собой в близком родстве и вследствие родства представляют собой не только различия, но и единство» [Аванесов 1956: 93, 182]. Для выражения соотношения грамматического значения рода с семантикой пола применительны три типа оппозиций. Это *привативные оппозиции*, суть которых сводится к тому, что один из членов оппозиции рассматривается как родовая альтернативная категория, не обладающая дифференциальным признаком, в то время как вторая категория им обладает. Такие оппозиции относятся к нейтрализуемым. К одномерным оппозициям относятся и *эквивалентные оппозиции*, члены которых логически равноправны, то есть обладают каждый своим дифференциальным признаком, однако рассматриваются на одном уровне. При этом такие оппозиции являются равнозначными, но не нейтрализуемыми. Анализ оппозиций осуществляется с помощью преимущественно бинарных различительных признаков. Однако в противопоставлениях семантико-грамматического характера они не всегда бинарны. Третий тип оппозиций – это *дизъюнктивные противопоставления*, многомерные неоднородные ненейтрализуемые, которые не ограничиваются только бинарными различительными признаками. Под

⁸ Под семантической оппозицией понимается то омонимия, то вынужденное употребление одной из форм (под давлением лексического или грамматического контекста) независимо от выражаемого значения. То случаи недифференцированного употребления двух форм, семантически противопоставленных в других позициях [ЛЭС: 348].

оппозицией в таком случае традиционно понимается лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания [ЛЭС: 348].

Одномерная, пропорциональная, привативная оппозиция получила у Н. С. Трубецкого название *корреляции*. Однако в лингвистике корреляцию понимают шире – как взаимное соответствие, взаимосвязь и обусловленность языковых элементов [Я/БЭС: 348]. Расширенное понимание корреляции будет использовано и в данном исследовании.

Таким образом, в системе бинарных корреляций мужской род оказывается слабым членом оппозиции, женский род – сильным. Неодномерность таких отношений в речи проявляется в том, что в отдельных случаях (контекстах) мужской и женский род может одновременно оказаться в сильной позиции, именуя при этом лицо мужского и женского пола соответственно, а наименования женского рода – выступать в генерической функции. С семантической точки зрения отношения привативности в системе наименований лица мужского и женского пола превалируют, но они могут трансформироваться и в эквиполентные, и в дизъюнктивные.

Мовирование и проблемы эквивалентности мужского и женского родо-полового номинанта. По утверждению М. Я. Немировского, в каждом языке, включая и неродовые, имеются средства, позволяющие идентифицировать лицо по признаку пола. Наиболее древними лексемами считают гетеронимы-термины родства типа *отец - мать, брат – сестра, дед – баба*, где нейтрализация по мужскому роду не происходит. Однако такие группы наименований в языках обычно немногочисленны. В остальных случаях мужской род, относящийся к категории лиц, обозначал не пол, а выражал общее понятие о человеке (В. В. Виноградов, К. А. Аксаков, А. В. Миртов, М. В. Шульга, В. В. Страусов). Из общего рода как наследника класса имен, обозначающих лиц, впоследствии начинает вычленяться специальный родовой маркер для обозначения лица женского пола (лат. *puer – puella* «мальчик» - «девочка», *gallus – gallina* «петух – курица»). Основой для образования парного существительного женского рода, таким образом, становится мужское наименование.

Аффиксальное словообразование существительных со значением женского пола от существительных мужского рода в науке принято называть процессом мовирования. Н. Ф. Клименко, автор статьи «Моция» в лингвистическом энциклопедическом словаре украинского языка, определяет *моцию* (от лат. *motio* – движение) как способ

суффиксального словообразования существительных со значением женского пола от существительных мужского рода, реже – флексивным способом, при этом только упоминая как случаи единичного характера так наз. «обратное мовирование» типа *вдова – вдовець* [Клименко 2000: 354]. Подобная трактовка моции (*přechylování*) представлена и в энциклопедическом словаре чешского языка [ESČ 2005: 282]. Согласно более полной трактовке В. Флейшера, мовирование - это «эксплицитная деривация существительных другого рода от основы, которая называет лицо или животное» [Fleischer 1969: 168]. Производящие суффиксы, которые служат спецификации пола в наименованиях лица, в учении о словообразовании получили наименование мовационных морфем. Мовирование чаще имеет демаскулинный характер: в качестве производящего слова в процессе номинации в преобладающем большинстве выступает форма в мужском роде. Однако оно может иметь и дефемининный вектор, то есть происходить на базе женского наименования. В связи с этим различают мовирование женского рода (мужское мовирование) и мовирование мужского рода (женское мовирование). В случаях, когда последовательность деривации установить сложно или невозможно (при кодеривации), говорят о так наз. супплетивном мовировании [Неупокоева 2008: 369]. В количественном отношении эти процессы неравноценны.

В свое время мовирование как словообразовательную категорию М. Докулил определил как модификационную [Dokulil 1962: 24-49]. К общим характеристикам модификации относится то, что дериваты модификационных словообразовательных типов всегда принадлежат к той же части речи, что и производящее слово, а лексическое значение производного слова включает в себя лексическое значение производящего [Mluvnice češtiny (I) 1986: 221]. З. Русинова настаивает: у коррелятов при мовировании должно быть общее лексическое значение и общий денотат, это номинационная операция на одном денотате [Rusínová 2004: 232]. Несколько по-иному видит процесс мовирования Ф. Леманн: путь от производящего слова к производному с учетом других лексических изменений он предлагает считать функциональной операцией, с помощью которой можно определить статус и особенности мотивации между производящим словом и дериватом. Модификация, по Ф. Леманну, есть функциональная операция, при которой не изменяется денотат, объект, но изменяются компоненты значения. Предлагая нетрадиционный комплексный взгляд на образование модифицированных словообразовательных единиц, сопровождаемое и семантическими изменениями с точки зрения функциональной операции, понятия модификации и моции ученый понимает традиционно [Lehmann 1995: 255-289].

Мнение о демаскулинном векторе образования феминативов в языкознании можно считать общепризнанным (А. А. Потебня, В. В. Виноградов, И. И. Фекета, И. И. Ковалик, М. Докулил, Ф. Травничек, З. Грушкова), хотя сложные отношения словообразовательной производности ученые в ряде случаев квалифицируют и как кодеривацию (рус. *певец* – *певица*, укр. *діяч* – *діячка*, пол. *śluchacz* – *śluchaczka*, чеш. *jezdec* – *jezdkyně*). В то же время мысль о самостоятельном, параллельном формировании мужских и женских коррелятов [Моисеев 1959: 176-189; Rusínová 2004: 232-233] не нашла поддержки в среде лингвистов.

Мужские и женские корреляты грамматически различаются маркерами мужского и женского рода, однако в отношении идентификации пола такие маркеры не являются равноценными, как не равноценны генетически и онтологически грамматический род и пол. Хотя противопоставление по полу тесно связано с морфологической категорией рода, оно не должно с ней смешиваться. Здесь можно говорить о соотношении родовой принадлежности номинанта и языкового выражения значения пола (Ф. Оберпфальцер (Йилек)).

Мужской род, как известно, обозначает и лицо вообще, и мужчину в частности, женский – только лицо женского пола. В рядах парных противопоставлений суффиксам всех существительных мужского рода свойственна первичная грамматическая функция рода и семантическая функция пола. У существительных женского рода такой закономерности нет. В модификационных дериватах феминизирующий формант практически всегда является однозначным и выражает только словообразовательное значение женскости: рус. *читательница* Ж. к *читатель*, укр. *кранівниця* Ж. до *кранівник*, пол. *pracownica* Ж. к *pracownik*, чеш. *inženýrka* Ж. к *inženýr*, сема «лицо» передается в таких случаях или производящей основой (укр. *читати* – *читачка*), или иным формантом, который предшествует фемининному. На первый взгляд, номинанты типа *учитель* – *учительница* различаются только семой пола (словообразовательное значение феминизирующего форманта квалифицируется как модификационное), однако номинант *учитель* прежде всего сосредоточен на лице, профессиональной деятельности, сема пола здесь оказывается иррелевантной. Маркированность по полу в феминативах оказывается чаще всего абсолютной, феминизирующий формант определяется как сильный, однозначно феминизирующий (укр. *глядач* – *глядачка*). Лишь в незначительном количестве случаев, когда феминативы квалифицируются как андронимы и патронимы, феминизирующий формант оказывается ослабленным, полизначным (рус. *бригадирша* «жена бригадира», укр. *стельмахівна* «незамужняя дочь тележника», пол. *kowalczanka* «незамужняя дочь кузнеца», чеш. *kovářová* «жена кузнеца»). Именно на этом основании

З. Русина настаивает на исключении таких феминативов из разряда парных существительных с модификационным значением женскости [Rusínová 2004: 232].

М. Кронгауз пишет о том, что модификационное значение женского пола ни у кого не вызывает возражений, в то время как модификационное значение мужского пола в грамматиках не выделяется [Кронгауз 2001: 513]. И хотя в некоторых работах встречается термин «маскулинизирующий формант» [Ковалик 1962: 6], ученые считают такой подход лишенным оснований [Архангельска 2011б: 33-34]. Мужской лично-родовой формант практически никогда не служит выражению исключительно родовой грамматики. В случае употребления терминов «маскулинизирующий формант» и «феминизирующий формант» они будут обозначать асимметричные по содержанию явления. Для так наз. «маскулинизирующего» форманта значение «лицо мужского пола» вторично, первичное значение «лицо вообще» оказывается здесь более значимым: *проводник* «тот, кто указывает путь в незнакомой местности; провожатый». О модификационном значении мужского пола можно говорить в исключительных случаях образования маскулинных наименований от фемининных: рус. *доярка* – *дояр* или же укр. *стриптизерка* – *стриптизер*. В отличие от феминативов, между языковым выражением маскулинности и языковым выражением мужского рода далеко не всегда устанавливаются отношения тождественности. Так же, как семантику пола нельзя приписывать грамматическому роду, семантика маскулинности не всегда совпадает со значением мужского пола и мужского рода.

Таким образом, маркер мужского рода оказывается нетождественным маркеру мужского пола, в то время как маркер женского рода и женского пола в языках практически всегда совпадают.

В каждом из четырех изучаемых языков исторически сформировалась своя система феминизирующих формантов с различной степенью их продуктивности на разных этапах развития языка. В украинском языке таких формантов с их вариантами насчитываем 19 [Фекета 1969; Ковалик 1958: 32-68]: *-к(а), -ниц(я), -иц(я) (-чиц(я), -щиц(я)), -ух(а), -их(а), -ш(а), -ин(я) (-ен(я)), -івн(а), -ис(а), -ес(а), -н(а), -л(я) (-ал(я)), -ил(я), -іл(я), -ул(а)*, а также суффикс/окончание *-а*. В русском языке таких аффиксов 31 [Виноградов 1972: 114-116]: *-иц(а), -ниц(а), -щиц(а) (-чиц(а)), -льщиц(а) (-альщиц(а), -ильщиц(а), -ульщиц(а)), тельниц(а), -овщиц(а) (-евщиц(а)), -лиц(а), -к(а), -енк(а), -анк(а), -истк(а), -арк(а), -ачк(а) (-ячк(а)), -овк(а), -ентк(а) (-антк(а)), -итк(а) (-атк(а)), -ш(а), -их(а), -ух(а) (-ушк(а)), -есс(а), -ис(а), -ин(а) и суффикс/окончание *-а*. В польском (согласно традиционным грамматикам) – таких формантов 10: *-k(а), -in(i), (-yn(i)), -ic(а), -ow(а), -in(а), (-yn(а)), -**

ank(a), *-ówk(a)*, *-ówn(a)* [Gramatyka współczesnego języka polskiego 1999: 560; 422-424; Gramatyka Polska 1997: 254-255; Gramatyka języka polskiego 1969: 121-122] плюс суффикс/окончание *-a*, хотя некоторые авторы упоминают в своих работах и другие, достаточно редкие аффиксы *-n(a)*, *-ul(a)*, *-ich(a)*, *-es(a)*, *-ess(a)* [Klemensiewicz 1957: 107; Łaziński 2006: 254]. В чешском – 21 [Hrušková 1967: 556-561]: *-k(a)* (*-nk(a)*, *-enk(a)*, *-ičk(a)*, *-ovk(a)*, *-ezk(a)*), *ic(e)* (*-nic(e)*, *-čic(e)*, *-ovic(e)*, *-evic(e)*), *-yn(ě)* (*-kyn(ě)*, *-ovkyn(ě)*), *-ov(á)*, *-n(a)* (*-ovn(a)*, *-ezn(a)*, *-in(a)*, *-yn(a)*), *-and(a)* и суффикс/окончание *-a*.

А. В. Неупокоева, изучая процесс мовирования, констатирует: «В качестве производящего слова для номинаций лиц чаще всего выступает форма в мужском роде. Следует заметить, что процесс мовирования может происходить также на базе женского наименования». В связи с этим автор предлагает различать виды мовирования: «мовирование мужского рода» и «мовирование женского рода» [Неупокоева 2008: 369]. В количественном отношении эти процессы, как уже отмечалось, неравноценны.

По данным М. Е. Федотовой [Федотова 1997: 95], процесс мужского мовирования наименее распространен (из всех изучаемых нами языков) в русском: аффиксальное словообразование существительных со значением женского пола от существительных мужского рода в русском языке обнаруживаем в 28,3 % случаев, в украинском языке – в 68 % случаев, в польском – в 44 % случаев. В чешском языке мужское мовирование – явление регулярное [Hrušková 1962: 556-561; Šticha 2011: 575-609], большинство феминизирующих формантов здесь представляют живые и продуктивные модели для беспроблемного возникновения наименования женщины в случае необходимости [Rusínová 2004: 232], исключения здесь немногочисленны.

Несмотря на высокую частотность мужского мовирования, в постпатриархатных языках наблюдается и явление обратного порядка – женское мовирование. Дефемининный вектор словообразования имеет место в каждом из четырех изучаемых языков, хотя этот тип мовирования является скорее исключением из правила, нежели правилом: рус. *вдова* → *вдовец*, *доярка* → *дояр*; укр. *сусіда* → *сусід*, *кума* → *кум*; польск. *chrzestna* → *chrzestny*, *praczka* → *pracz*; чешск. *kmotra* → *kmotr*, *malžena* → *malžen*. Кодеривация (отношения совместной (параллельной) производности) также широко представлена в деривационной системе изучаемых славянских языков. В сфере фемининного словообразования полимотивированными словами можно считать кодериваты рус. *ездить* → *наездник* → *наездница*; *Калининград* → *калининградец* → *калининградка*; укр. *дія* → *діяч* → *діячка*, *Полтава* → *полтавець* → *полтавка*; польск. *szuchać* → *szuchacz* → *szuchaczka*, *Polska* → *Polak* → *Polka*; чешск. *jezdit* → *jezdec* → *jezdkyně*, *Čechy* → *Čech* → *Češka*. Кроме того,

фемининное словообразование не ограничивается только коррелятивными моделями, ведь в период древнейшего разделения труда определились чисто «женские» и чисто «мужские» занятия, отражающие роль и социальный статус мужчины и женщины в обществе. «Без пары» остались рус. *конюх, плотник, каменщик*, укр. *коваль, м'ясник, лісоруб*, польск. *cegielnik, cholewkarz, kołodziej*, чешск. *pekař, koželuh, nosič*. Некоторые названия женщин в их социально активных ролях также не имеют мужских соответствий: рус. *корсажница, белошвейка, нянька*, укр. *праля, покоївка, вишивальниця*, польск. *bieliźniarka, cerowaczka, dójka*, чешск. *šatařka, toaletářka, kojná*.

Нельзя обойти вниманием и интересное явление современного словопроизводства – чересступенчатое словообразование. Известно, что слова-мотиваторы и их производные образуют в языке словообразовательные пары, цепочки. Однако такие цепочки не всегда оказываются «полными». Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «реально словообразовательная цепь не обязательно включает все промежуточные звенья. Между любыми двумя компонентами ряда легко устанавливаются прямые семантические, а затем и деривативные отношения. Словообразование может осуществляться с пропуском опосредствующих элементов» [Арутюнова 2007: 128]. То есть, чересступенчатое словообразование – это процесс словопроизводства, при котором «в словообразовательной цепочке оказывается пропущенное звено» [Валгина 2003: 144; Нелюба 2011а: 135-140; Rusínová 2004: 232]. В нашем случае этим звеном оказывается мужской номинант, поэтому Г. П. Нещименко, исследуя процесс образования феминативов по принципу чересступенчатого словообразования, называет их «асимметричными феминативами» [Нещименко 2010: 200], то есть таковыми, которые не имеют маскулинной производящей основы, но образованы по демаскулинной модели. Принцип пропущенного звена (в нашем случае маскулинного номинанта) в деривативной цепочке реализуют лексемы: рус. *матриархат* → ... → *матриархиня, электорат* → ... → *электоратка*; укр. *детектив* → ... → *детективниця, дебатовати* → ... → *дебаторка*; польск. *śliczny* → ... → *ślicznotka, szczebiotać* → ... → *szczebiotka*; чешск. *krása* → ... → *kráska, letět* → ... → *letuška* и др.

Вопрос о семантической эквивалентности мужских и женских коррелятов-наименований лица. Следующим моментом, важным с точки зрения данного исследования, является семантическая неравноценность мужских и женских коррелятов, именующих лицо по профессии, роду деятельности, социальному статусу, что также относится к объективным проявлениям андроцентричной языковой установки. При этом данный факт неравнозначно проявляется в разных языках.

К примеру, в чешском языке такие различия между мужским и женским номинантом проявляются значительно реже, кроме того, они касаются главным образом наименований характеризующего типа. В статусных наименованиях женщины, производных от мужских наименований, такие отличия практически не наблюдаются [Kubík 1965: 115-130; Нецименко 1966: 31-40]. Демаскулинные феминативы, именующие женщину в ее социально активных ролях в русском, украинском и польском языках, нередко нетождественны по объему значения с их мужскими соответствиями. Такие различия проявляются на уровне компонентов как денотативного, так и прагматического значения.

На уровне денотативного компонента значения семантически неравноценны, к примеру⁹, рус. *лучник* 1. Ист. «Воин, вооруженный луком». 2. «Спортсмен, занимающийся стрельбой из лука» → *лучница* «Женск. к лучник (во 2 знач.)», *меховщик* 1. «Специалист по пушному товару, мехам, торговец мехами». 2. «Специалист по выделке мехов из шкур; скорняк» → *меховщица* «Женск. к меховщик (во 2 знач.)», укр. *піонер* 1. «Людина, яка вперше проникає в новий, недосліджений край і освоює його». 2. Перен. «Людина, яка першою прокладає шляхи в якій-небудь новій галузі діяльності; новатор, зачинатель чого-небудь». 3. «Член добровільної масової дитячої комуністичної організації, що об'єднує радянських школярів віком від 9 до 14 років». 4. «В Англії, Франції, Німеччині і до 30-х років XIX ст. у Росії – солдат саперної частини інженерних військ» → *піонерка* «Жін. до піонер 3.», *моряк* «Той, хто служить у флоті» → *морячка* 1. «Жін. до моряк». 2. «Дружина моряка», пол. *gazda* «właściciel gospodarstwa wiejskiego na Podhalu» → *gąździna* «żona gazdy», *gospodarz* 1. «rolnik prowadzący gospodarstwo». 2. «osoba reprezentująca domowników lub organizatorów imprezy wobec gości». 3. «właściciel mieszkania, domu, pensjonatu itp.». 4. «osoba odpowiedzialna za funkcjonowanie zakładu, instytucji». 5. «osoba utrzymująca porządek w budynku mieszkalnym». 6. «osoba najważniejsza w jakimś miejscu, instytucji itp., decydująca o tym, co się tam dzieje» → *gospodyni* 1. «forma ż od gospodarz w zn. 1, 2, 3, 5». 2. «żona gospodarza». 3. «kobieta prowadząca za opłatą czyjeś gospodarstwo domowe», чеш. *kosař* 1. Dř. «výrobce kos». 2. «sekáč, žnec» → *kosařka* «v. kosař 2», *hospodář* 1. «kdo je pověřen hospodařením s hmotnými prostředky». 2. «vlastník zemědělské usedlosti, samostatně hospodařící rolník». 3. «přednosta domácnosti, hlava rodiny». 4. «hlava rodu, vládce, pán». 5. «hostitel, hostinský». 6. «kdo rozvážně, dobře hospodaří». 7. Žert. «kdo mnoho pobývá v hostincích». 8. «domáci skřítek, plivník, hospodářček» → *hospodářka* «v. hospodář 1, 2, 3, 5, 6».

⁹ Примеры здесь и далее приводятся по следующим источникам: СРЯ 1981—1984; СУМ 1970—1980; СРЯ 1995; ССЯС, 1989

На уровне прагматического компонента значения, включая и несоответствие стилистических характеристик, различаются элементы коррелятивных пар рус. *гренадер* 2. перен. разг. «Рослый, плечистый человек» - *гренадерша* 2. шуточн. «Женщина высокого роста, мужиковатая; мужланка», *министр* «Член правительства, возглавляющий министерство» → *министерша* прост. «Жена министра», укр. *шелихвіст* перен. «Пустой, нерассудительный, легкомысленный человек» - *шелихвістка* розм. Ж. к *шелихвіст*, *медик* «Фахівець з медицини // Розм. Студент медичного інституту або факультету» → *медичка* Розм. «Жін. до медик (преважно про студентку медичного інституту або факультету), пол. *przekupień* daw. «człowiek trudniący się drobnym handlem» → *przekupka* 1. «kobieta trudniąca się drobnym handlem» 2. pot. «o kłótlivej kobiecie lub o takiej, która dużo i głośno mówi», *profesor* 1. «tytuł naukowy nadawany samodzielniemu pracownikowi wyższej uczelni lub instytutu naukowego; też: osoba mająca ten tytuł» 2. «zwyczajowo: o nauczycielu szkoły średniej» → *profesorka* pot. «nauczycielka szkoły średniej», чеш. *holec* «mladý, ještě bezvousý muž» - *holka* 1. *Nedospěla* n. *dospívající* osoba ženského pohlaví. 2. *Žena vůbec*. 3. *Milá, milenka*. 4. *dř.* *Služebna*. 5. hanl. *Nevěstka, prostitutka*. Заметим, что в примерах, приведенных выше, встречается несоответствие как денотативных, так и прагматических компонентов значения мужского и женского номинанта. Причем негативные характеристики далеко не всегда связаны исключительно с лицом женского пола (ср. *куртизан* «волокита, желающий пользоваться успехом у женщин; в первонач. значении «ловкий придворный, хитрый и льстивый» - *куртизанка* «женщина дурного поведения, вращающаяся в высшем обществе», укр. *прислужник* 1. Той, хто служити, виконує обов'язки слуги у когось; слуга. 2. зневажд. Той, хто виконує чийсь волю, прислужується комусь; *поплічник*. – *прислужниця* Жін. до прислужник 1.).

Авторы «Lingwistyki płci» М. Карватовска и Й. Шпыра-Козловска называют такие пары мужских и женских коррелятов, именующих лицо по профессии, роду деятельности и социальному статусу, семантически асимметричными, делая при этом акцент на том, что «имя существительное мужского рода всегда дефинирует более престижную профессию или функциональную роль мужчины» [Karwatovska, Szpyra-Kozlowska 2005: 45]. Действительно, женский коррелят таких пар наименований нередко стилистически окрашен, имеет иную, нежели литературный язык, сферу употребления и отрицательнооценочные семантические характеристики, но на вопрос, всегда ли имя существительное дефинирует более престижную профессию или род занятий, мы попытаемся ответить в следующей главе работы. Пока же можем констатировать факт - мужские и женские корреляты далеко не всегда тождественны.

К объективным проявлениям андроцентризма в языке относят также отождествление понятий «человек» и «мужчина», понятий, для которых во многих языках не используется даже двух разных слов; синтаксическое согласование по форме мужского грамматического рода, а не по реальному полу референта. Изучение работ по данному вопросу¹⁰ показывает, что фактов доминирования маскулинного над фемининным в языковых системах гораздо больше и они могут обнаруживать различные проявления в разных языках. Однако говорить о более высокой или более низкой степени андроцентричности того или иного языка не представляется возможным (А. А. Тараненко, А. М. Архангельская).

Применение теории маркированности-немаркированности членов родовых корреляций позволяет изучить специфику и разнообразие функций маскулинизма в генерализирующей позиции в аспекте его референтной соотнесенности, которые оказываются различными в зависимости как от специфики значения мужского номинанта, так и от самого контекста, а также дает возможность выявить симметричные и асимметричные явления в сфере номинации лиц в тесной связи со способами и средствами языковой идентификации маскулинного и фемининного в системе наименований лица. Несовпадение средств и способов вербальной реализации мужского и женского в языке обычно называют термином *асимметрия*. Однако простое соотнесение понятий тождественность – симметрия, нетождественность – асимметрия приводит к тому, что под асимметрией в системе наименований лица мужского и женского пола ученые понимают несколько различные вещи. К примеру, Г. П. Нецименко называет асимметричными феминативами единицы, образованные по принципу чересступенчатого образования, квалифицируя их с точки зрения словообразовательной производности; другие ученые относят к асимметричным феминативам наименования *feminina tantum* типа рус. *кормилица*, укр. *породілля*, пол. *położnica*, чеш. *šestinedělka* (М. П. Брус), третьи считают асимметричными феминативами лакунарные единицы, не имеющие в силу определенных языковых и неязыковых ограничений словообразовательной реализации в языке, вследствие чего для обозначения женщины используется мужской номинант (рус. *профессор*, укр. *доцент*, пол. *frazeolog*, чеш. *rovýšenec* и под.) (И. И. Фекета, Я. Пузиренко и др.). Ученые говорят в сфере наименования лица мужского и женского пола о количественно-качественной асимметрии, о родовой асимметрии как преобладании

¹⁰ См. работы Вильданова 2008; Воскресенская 2007; Гриценко 2008; Ефремов 2010; Кирилина 2005; Коваль 2007; Тараненко 2005: 3-25; Мартинюк 2002: 275-282; Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2005; Łaziński 2006; Čtejrková 2002: 263-286; Valdrová 2003: 277-288 и др.

наименований мужского рода над женскими в рамках наименования лица, о гендерной денотативной, коннотативно-ценностной, функционально-стилистической асимметрии (Е. С. Гриценко), о асимметрии грамматического значения рода и грамматической родовой формы (В.В.Меринов), о гендерной, андроцентричной, антиженской асимметрии (И.И.Савельева) и т.п., называя асимметрией все несовпадающее, неединообразное, не уточняя при этом ни свое понимание симметрии/асимметрии, ни критерии, которые в данном исследовании использованы.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что явление асимметрии очевидно неоднородно, оно предполагает уточнение объема его понятия относительно к предмету исследования, подхода к анализу и выработке шкалы, по которой степень симметрии/асимметрии в данном случае будет определяться. Есть все основания предположить, что степень симметрии и асимметрии в различных проявлениях наименования лица мужского и женского пола в изучаемых языках будет отличаться. Поэтому следующим шагом анализа станут отношения симметрии и асимметрии внутри коррелятивных пар мужских и женских наименований в аспекте тесного взаимодействия с теорией маркированности членов бинарных оппозиций.

1.3. Симметрия и асимметрия как универсальные принципы изучения природы и языка

1.3.1. Развитие учения о симметрии и асимметрии как общенаучных и языковых понятиях. Глубинное изучение философских аспектов бытия неоднократно приводило человечество к необходимости оперировать общенаучными понятиями симметрии и асимметрии. Понятийное содержание этих терминов в науке постоянно развивалось и уточнялось.

Принцип симметрии-асимметрии является основополагающим универсальным принципом изучения как живой и неживой природы, так и теории времени, движения, пространства. Есть все основания полагать, что обнаружение и понимание данного принципа является одним из революционных, фундаментальных открытий и достижений научного мировоззрения [см. Сонин 1987]. Под симметрией понимается «упорядоченность, регулярность, единообразие предметов и явлений объективного мира» [Гак 1998: 114]. Симметрия тесно связана с закономерностью, сохранением,

инвариантностью, она есть проявление устойчивости, состояния равновесия. Асимметрия отражает «нарушение упорядоченности, регулярности, определенное разнообразие. В асимметрии проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с многомерностью, многоаспектностью и разнообразием связей» [Гак 1998: 114].

С глубокой древности, начиная с эпохи среднего палеолита, наши прапредки пытались с помощью изобразительного искусства отобразить факт существования в природе некоторых пространственных закономерностей. Обнаруженная в 1999 году немецкими археологами в пойме реки Дра южнее марокканского города Тан-Тан антропоморфная кварцитовая и абсолютно пропорциональная (!!!) фигурка женщины, которая представляет собой древнейший образец (500—300 тыс. лет) палеолитической культуры [http://en.wikipedia.org/wiki/Venus_of_Tan-Tan], свидетельствует о раннем понимании человеком существующих в мире явлений симметрии-асимметрии. Об этом пишет в своей рукописи «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» известный русский и украинский ученый В. И. Вернадский: «...чувство симметрии и реальное стремление его выразить в быту и в жизни существовало в человечестве с палеолита или даже с эолита, т.е. с самых длительных периодов в доистории человечества (кончая шелейским и ашелейским периодом его истории), который длился для палеолита около полмиллиона лет — от 650000 до 150000 лет тому назад, а для эолита— миллионы лет. Это чувство и связанная с ним работа, еще резко и интенсивно меняясь, сказывались и в неолите 25 000 лет тому назад» [Вернадский 2001: 191-192].

Начиная с античности, природа пространственных закономерностей и, соответственно, понятия симметрии-асимметрии становятся предметом внимания человека. Считается, что понимание симметрии, отображающей красоту, гармонию и пропорции окружающего мира, принадлежит скульптору Пифагору из Региума (Южная Италия, в то время Великая Греция), жившему в V веке до нашей эры [Вернадский 2001: 192]. В эпоху же Пифагора и пифагорейцев категориальное понятие симметрии полностью оформилось как общенаучное. Согласно их учению, одним из ярчайших примеров гармонии и красоты в природе является закон пропорциональной связи целого и составляющих его частей, получивший название «золотого сечения». Золотое сечение — это деление целого на две неравные части так, чтобы большая часть относилась к меньшей, как целое к большей части [Марутаев 2005: 20]. О том, насколько верно пифагорейцы понимали симметрию, можно судить хотя бы по тому, что ими подмечены действительно важные стороны симметрии и, прежде всего, *равенство, однообразие и пропорциональность*: однообразно (в смысле подчинения какой-либо математической

закономерности) располагая равные части, например 4 равнобедренных треугольника, можно построить симметричную фигуру, скажем квадрат. Если же нарушить принятый закон однообразия в расположении равнобедренных треугольников, то мы получим уже менее симметричную, в пределе асимметричную фигуру [Урманцев 1974: 14-15]. Эпоха античности, в частности пифагорейская школа, отличается, в первую очередь, пониманием категорий симметрии-асимметрии с точки зрения математического аспекта: древнегреческие атомисты основывают свои взгляды на принципе симметрии мироздания; Платон считает симметрию воплощением особой математической идеи, Аристотель же отождествляет категорию симметрии с гармонией, соразмерностью и понимает под ней слаженность вещи.

В Новое время отдельные научные суждения о гармонии мироздания и о категориальном понятии симметрии-асимметрии встречаем у Леонардо да Винчи (его «Витрувианский человек» является одним из наглядных примеров билатеральной симметрии), Р. Декарта, истолковывающего симметрию как формально-количественный, пространственный аспект соразмерности, Д. Дидро, применяющего симметрию при изучении эстетики, а также классиков немецкой философии Г. Гегеля, трактующего симметрию как взаимосоответствие нетождественных частей целого, и И. Канта, связывающего единство и различие правого и левого с априорным пространством. Углубленные математические суждения о понятии симметрии-асимметрии находим и у многих других философов и естествоиспытателей этого времени.

Таким образом, под симметрией со времен античности понимается пропорциональность; равно- (разно)подобие; красота, гармония. Хотя само понятие симметрии было знакомо уже мыслителям античности, оно впервые полно, именно как научное понятие, было рассмотрено в XIX веке на материале кристаллографии.

Ученые считают, что категориальное понятие симметрии вошло в науку в 30-х гг. XIX века в связи с открытием немецким минералогом И. Гесселем в 1830 г. 32-х кристаллографических классов. Из этого открытия следует, что в природе может существовать только 32 сочетания, или, как принято говорить, 32 вида симметрии, которые объединены в семь групп — семь сингоний [Кантор 1985: 17]. В 1890 году русский ученый Е. С. Федоров установил, что все возможные соотношения элементов симметрии в пространстве сводятся к 230 группам, и все новые виды кристаллов распределяются по этим группам. Исследование кристаллов показало, что если встряхнуть кристаллическую решетку, то наблюдаются отклонения от симметрии двух видов: появление вакантных мест и перемещение (дислокация) – замена одного шарика другим

[Аврамов 2006]. Изучение симметрии в кристаллографии показало важность асимметрии – то, что в порядке суть элементы беспорядка, а в беспорядке присутствует свой порядок. Симметрия, разработанная в кристаллографии, есть, прежде всего, симметрия статическая, касающаяся одного объекта. Это – структурная симметрия, при которой рассматриваются соотношения признаков, составных частей данного объекта.

Перенос идеи симметрии в геометрию раскрыл новые аспекты этого научного понятия. Здесь внимание исследователей, прежде всего, обращено на сохранение/несохранение симметричных отношений при деформациях, сдвигах структуры, при преобразовании одной фигуры в другую. Так возникла идея геометрической симметрии – симметрии подобия фигур, созданных в результате преобразования одной в другую. Если фигуру (например, квадрат) отразить в разных плоскостях, по-разному повернуть, «транслировать», то создаются новые фигуры, связанные с исходной гомологическими отношениями. Геометрическая симметрия показывает соотношение двух разных объектов, выявляет степень неизменности их признаков и соотношений их элементов. Это достижение науки стало геометрическим выводом всех возможных сочетаний элементов симметрии и именно этому открытию мы обязаны появлением теории групп как области чистой математики [Аврамов 2006]. В области математики огромным достижением можно по праву считать труды французского ученого, создателя основ современной алгебры Э. Галуа, изучавшего алгебраические уравнения на основе симметрических групп, а также немецкого математика Ф. Клейна, который предложил использовать идею симметрии в качестве единого принципа при построении различных геометрий.

Следующим этапом в развитии идеи симметрии было применение их к физике. Физика – наука о динамических процессах, и здесь симметрия получила динамичное толкование. Знаменитый французский физик П. Кюри связал идею симметрии с причинно-следственными отношениями, с сохранением и изменением при движении¹¹. Таким образом, сформировался третий аспект изучения симметрии – динамический – сохранение у объекта некоторых признаков и свойств.

Итак, история изучения симметрии позволяет выделить три ее типа: статическая симметрия отдельного объекта А; гомологическая симметрия – соотношение двух объектов: $A \leftrightarrow B$; динамическая симметрия при развитии объектов: $A \leftrightarrow A1$.

¹¹ Доказательством фундаментальности категорий симметрии-асимметрии как основных для живой и неживой природы послужил принцип сохранения симметрии, или принцип Кюри, обоснованный выдающимся физиком в 1894 году. Правило Кюри выражает симметрический аспект причинности принципа: симметрия причины сохраняется в симметрии следствий [ФЭС 1984: 336].

С наступлением XX века к проблеме симметрии обращается все больше ученых мирового масштаба. Понятия правого и левого как одного из видов симметрии изучает в своей книге «Проблема правого и левого в животном мире и у человека» (1932 г.) известный немецкий ученый В. Людвиг, учения о правизне и левизне развивают советские ученые В. И. Вернадский, В. В. Алпатов, Г. Ф. Гаузе. Что касается как формальных, так и естественных наук, сложно перечислить имена известнейших ученых, исследовавших проблему симметрии-асимметрии в XX веке в области физики, кристаллографии, биологии, в области математики и философии. Отразилась эта тенденция и в гуманитарных науках (антропологии, этнографии, культурологии, психологии, педагогике, экономике, литературоведении и др.)

Симметрия и асимметрия в языке как закономерное следствие его знаковости, иерархичности и функциональных свойств. Идея целостной дихотомии «симметрия-асимметрия», которая характеризует все динамические системы живой и неживой природы, вполне применима и к языковому материалу. Универсальный для всего космоса и всех наук закон есть закон «парный», представляющий собой бинарную оппозицию *симметрия / асимметрия*, и этот закон универсален не только в мире природы, но и в сфере идеальных знаков, в том числе в языке [Черемисина-Ениколопова 2001a: 27; Зубкова 2010; Харина 2008; Маулер 1987: 12-15; Осетров 2009: 55-60; Иванов 1978]. В работах многих исследователей проблема асимметрии в языке считается одним из факторов плюрализма в языкознании наряду с недискретностью языковых фактов и их многоаспектностью [Гак 1998: 112].

Впервые термины *симметрия* и *асимметрия* в приложении к языку использовал С. И. Карцевский в статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929) [Карцевский 1965: 85-90]. В центре его внимания находятся расхождения плана содержания и плана выражения языковых единиц. С тех пор эти категории начали осознаваться как отражение фундаментальных черт строения и функционирования языка. Три обозначенные типа симметрии, выведенные учеными на материале других наук, оказались применимыми и в языкознании. *Статическая симметрия/асимметрия* отдельного объекта в приложении к языку означает изучение отдельного языка в направлении анализа сохранения аналогичных признаков и элементов в звеньях его системы, регулярность/нерегулярность. При этом анализ отдельного языка предполагает его изучение не только с точки зрения его устройства, но и функционирования. *Гомологическая симметрия-асимметрия* сопоставляемых объектов ориентирована на сравнительное изучение языков. Сравнивая языки, можно установить

симметрию/асимметрию (гомоморфизм/гетероморфизм) соотношений. Сравняться могут один язык на его различных синхронных срезах (внутриязыковое сравнение) или разные языки (межъязыковое сравнение). Во всех случаях сравнение может касаться структуры/системы или функционирования языков. Таким образом, можно установить степень симметрии/асимметрии определенного явления конкретных языков. А. А. Кретов предлагает различать на уровне структурной асимметрии адаптивную асимметрию – с преобладанием числа форм над числом функций и компрессивную симметрию – с преобладанием числа функций над числом форм [Кретов 2010: 5-11]. *Динамическая симметрия/асимметрия* выражается в сохранении/нарушении пропорциональности форм и значений при развитии языка, при словообразовании, в других случаях образования одной формы от другой. Динамическая симметрия/асимметрия касается развития отдельных явлений языка.

Два различных подхода к пониманию языка с точки зрения его онтологии – является ли язык саморазвивающейся и самоуправляемой системой (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон) или развиваемой, управляемой (В. М. Солнцев) определил и различное понимание асимметрии: в первом случае она понимается как нарушение равновесия между системой и ее отдельными элементами, обеспечивающее гибкость и динамику системы, ее способность к постоянному изменению и адекватному выполнению постоянно изменяющихся функций. Негативная составляющая дихотомичной пары «симметрия-асимметрия» является в таком понимании не просто нарушением пропорции, стандарта либо утратой устойчивости, но важнейшим условием как для эволюции языка в целом, так и для поддержания его как саморазвивающейся системы в состоянии динамического равновесия. Во втором – как противовес устойчивости, стандарту, симметричному, системному в комплексе центробежных и центростремительных сил, удерживающих элементы определенной системы в состоянии равновесия (в его симметричной упорядоченной статике). В таком случае симметрия понимается как проявление системности, которое тяготеет к ядру системы, асимметрия – как проявление асистемности, которое тяготеет к ее периферии. «Симметрия и асимметрия есть два взаимосвязанных и взаимоисключающих проявления системности языка и речи: языка – в его симметрической упорядоченной статике (всегда, разумеется, относительной и важной прежде всего для характеристики ядра системы) и речи – в ее прагматической динамике» [Черемисина-Ениколопова 2001б: 257]. С другой стороны варьирование, динамические процессы в языке приводят к нарушению симметрии, появлению лингвистически асимметричных явлений. «Неподвижная система симметрична, эволюционирующая –

всегда включает нечто новое, некие варианты, которые, выражая новые, либо просто необходимые для данной ситуации смыслы, нарушают изначально строгую симметрию, служат проявлением асимметрии. Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов, <...> есть победа семантики над формой» [Черемисина-Ениколопова 2001б: 256].

Применительно к языкознанию изучение симметрии/асимметрии сфокусировалось вокруг двух проблем: соотношения плана содержания и плана выражения языковой единицы и сохранения (отступления) от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц.

Первая из них была очерчена в известной работе С. И. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» (1929 г.). Здесь находим наиболее четкое теоретическое переосмысление асимметрических отношений между единицами плана содержания и единицами плана выражения, то есть способностью и тенденцией слова как бы изнутри, относительно независимо друг от друга расщепляться на две составляющие: форму (звучание) и семантику (значение). Ученый считал, что «в «полном» знаке (таком, как слово, которое сравнивается с морфемой) имеется два противоположных центра семиологических функций; один группирует вокруг себя формальные значимости, другой — семантические. Формальные значимости слова (род, число, падеж, вид, время и т.д.) представляют элементы значений, известные всем говорящим; эти элементы не подвергаются, так сказать, опасности субъективного истолкования со стороны говорящих; считается, что они остаются тождественными самим себе в любой ситуации. Семантическая часть слова, напротив, представляет некий род остатка, противящегося всякой попытке разделить его на элементы такие же «объективные», каковыми являются формальные значимости. Точная семантическая значимость слова может быть достаточно установлена лишь в зависимости от конкретной ситуации» [Карцевский 1965: 88]. В своей *теории асимметрии языкового знака* С. И. Карцевский впервые ввел в научный оборот понятие асимметричного, замечая при этом, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно [Карцевский 1965: 85]. С. И. Карцевский, творчески развивая идеи Ф. де Соссюра, исходит из общего положения о языке как «семиологическом механизме», который «движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное» [Карцевский 1965: 85]. Мнение некоторых лингвистов о том, что *теория асимметрии языкового знака* С. И. Карцевского «в сущности, изнутри взрывает концепцию статической лингвистики женеvской школы»

[Поспелов 1957: 50], можно считать справедливым лишь отчасти, ведь, согласно С. И. Карцевскому, «обозначающее и обозначаемое, будучи парными, оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать» [Карцевский 1965: 90]. Теория С. И. Карцевского ориентирована прежде всего на парадигмальный аспект явления симметрии/асимметрии. Он отметил характерный тип лингвальной асимметрии – многозначность / синонимию языковых явлений, возникающих вследствие расхождения плана содержания и плана выражения и проявляющихся в вариативности при неизменном означаемом (алломорфия, вплоть до ее предельного случая – синонимии, супплетивизма, омосемии) и вариативность означаемого при неизменном означающем (полисемия, вплоть до ее предельного случая – омонимии).

Исходя из того, что именно категории симметрии-асимметрии выступают в качестве важнейших методологических элементов исследования языкознания и отражают фундаментальные основы строения и функционирования языка, В. Г. Гак предложил расширенную трактовку асимметрии языкового знака, учитывающую не только парадигматический ее аспект. Ученый считал, что лингвальная асимметрия многоаспектна, поэтому его теория включает также проявления нетождественности на синтагматическом и семиотическом уровнях. «Асимметрия форм и содержания», пишет лингвист, - «проявляется в трех аспектах: синтагматическом, парадигматическом и семиотическом. Она выражается в том, что число элементов плана выражения (означающих) и плана содержания (означаемых) не совпадает: либо первых оказывается больше, чем вторых, либо наоборот. Так образуется шесть типов асимметрии. <...> Эти виды асимметрии обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, где имеются двуплановые единицы (объединяющие форму и содержание)» [Гак 1998: 117].

Таким образом, помимо предложенных С.И. Карцевским двух типов асимметрии, то есть *ономасиологической синонимии* (как ряда означающих при одном означаемом) и *семасиологической полисемии* (как ряда означаемых при одном обозначающем), в науке возникает понимание еще четырех функциональных типов данного явления. В *синтагматическом плане* теория В. Г. Гака предполагает проявления асимметрии при выражении одной смысловой единицы сочетанием двух и более формальных единиц (развернутое обозначение, аналитические конструкции, фразеологизмы), а также при выражении одной формальной единицей сочетания двух и более смысловых единиц (конденсация, свернутое обозначение, амальгамирование, кумуляция и т.п.). В *семиотическом плане*, согласно данной теории, асимметрия охватывает такие явления, как

отсутствие ожидаемой формальной единицы при наличии соответствующей смысловой (упрощенное обозначение, нулевой знак, эллипсис, умолчание) и отсутствие ожидаемой смысловой единицы при наличии соответствующей формальной (десемантизация, употребление пустых знаков, семиотическая избыточность знака). Постулат о том, что на всех уровнях языка действуют принципиально единые отношения формы и содержания, а также предельная обобщенность теории асимметрии В. Г. Гака позволяют применять эту концепцию в самых разных областях лингвистического знания.

В целом же В. Г. Гак видел языковую асимметрию в двух феноменах: в различении ядра-периферии и в расхождении между означающим и означаемым. Во втором феномене он выделял системную, структурную и функциональную асимметрию. Под *системной асимметрией* ученый понимал неравномерное развитие ее сопоставимых звеньев. Под *структурной* – «нарушение взаимодозначного соотношения означающего» в синтагматическом аспекте. В парадигматическом плане это приводит к образованию полисемии и синонимии, а также параллельных форм средств выражения, форм, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции. В речи такая асимметрия редуцируется или снимается благодаря взаимодействию внутри высказывания, ситуации и другим факторам, обуславливающим и сопровождающим акт речи. При *синтагматической асимметрии* аспекты плана содержания и плана выражения членятся непараллельно: с одной стороны, возникают аналитические образования (ряд означающих соотносится с одним означаемым), с другой – несколько означаемых совмещаются в одном означаемом. Возможна и асимметрия в семиотическом плане, когда отсутствует означающее либо означаемое. *Функциональная асимметрия* проявляется в возможности выражать в речи одно и то же содержание разными формами или использовать одну и ту же единицу для выражения различного содержания [Гак 1990: 47]. В то же время специфика отдельных сфер изучения языка требует уточнений данной концепции, что способствует углублению знаний о проявлениях симметрии и асимметрии в языке и речи.

Толковые словари русского языка предлагают нам несколько дефиниций вышеупомянутых категорий: «Симметрия - соразмер, соразмерность, равно (или разнo) подобие, равномерие, равнообразие, соответствие, сходность; одинаковость, либо соразмерное подобие расположенья частей целого, двух половин; сообразие, сообразность; противоравенство, противоподобие» [ТСЖВРЯ/Даль 1955: 186]; «Симметрия – соразмерность, пропорциональность в расположении частей чего-нибудь по обе стороны от середины, центра», «Асимметрия – отсутствие, нарушение симметрии» [СРЯ/Ожегов 1985: 623, 29]; «Симметрия – соразмерное, гармоничное, пропорциональное

расположение частей в исследуемом, рассматриваемом объекте», «Асимметрия – отсутствие или нарушение симметрии» [СРЯ/Евгеньева 1985: 48]. Все эти определения являются примером того, что в современной науке преобладает понимание категорий симметрии-асимметрии на основе перечисления их важнейших признаков, то есть симметрия определяется, в основном, как совокупность гармонии, порядка, тождества, а асимметрия, соответственно, как отсутствие симметричных свойств, разупорядоченность, несоответствие.

В философии симметрия рассматривается как категория, обозначающая процесс существования и становления тождественных элементов при определенных условиях их отношений между разнообразными явлениями мира; асимметрия – демонстрирует отличия и противоположения внутри единства и целостности [Лютий 2010: 13]. Симметрия в различных науках, и в языкознании в частности, понимается как совпадение, сходство, подобие в пределах тождества. Асимметрия – как несовпадение, отсутствие подобия, тождества.

1.3.2 Шкала симметрично-асимметричных отношений единиц языка: симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия. Симметрии в лингвистике, по замечанию А. А. Кретьева, уделялось значительно больше внимания, она провозглашалась основным, если не единственным принципом организации языка¹². Фундаментальным прорывом в лингвистике XX века стало, бесспорно, учение Ф. де Соссюра о системности языковых явлений. Выдающийся швейцарский лингвист утверждал, что язык как знаковая система на статическом срезе анализа всегда стремится к определенной устойчивости, симметризации. В своем «Курсе общей лингвистики» ученый жестко разграничивает синхронию и диахронию, подчеркивая именно вариативные свойства языка, а также говорит о параллелизме звучания и значения. Он пишет: «Вообще говоря, различие предполагает наличие положительных членов отношения, между которыми оно устанавливается. <...> Утверждать, что в языке все отрицательно, верно лишь в отношении означаемого и означающего, взятых в отдельности; как только мы начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным» [Соссюр 1977: 152-153]. Позитивная составляющая пары «симметрия – асимметрия» рассматривалась как фактор, способствующий стабильности любой системы, качество, придающее ей черты

¹² Здесь ученый опирается на работы А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» и «Труды по языкознанию» Ф. де Соссюра.

равновесия, статичности, покоя. Г. Вейль определяет симметрию как научную проблему, как «нечто, обладающее хорошим соотношением пропорций, уравновешенное», как «тот вид согласованности отдельных частей, который объединяет их в единое целое» [Вейль 2007: 35-36].

Ключевым в понимании симметрии является понятие тождества и зеркальности. Тождество – это тот вид отношений, который определяет симметричность многих объектов. Симметрию можно определить как соотношение между рядами автоморфов, как тождество равнозначных частей, которые, собственно, и образуют объект [Осетров 2009: 55-60]. К числу языковых проявлений симметрии можно отнести не только некоторые системные языковые явления (как лексические, так и грамматические, например, синонимию и омонимию), но и повтор (начиная от фонетического и кончая синтаксическим), некоторые приемы организации литературного текста (такие, как анаграмма). Примером симметричного (зеркального) тождества формы языкового знака являются так называемые палиндромы, случаи, когда слова как бы объединяются, их можно читать как слева направо, так и справа налево¹³, обратимые именные словосочетания (*красная полоска зари – полоска красной зари*) и др. (см. подробнее [Осетров 2009: 55-60]). Симметрия в приложении к языковому материалу ярко выражена формально и на уровне омонимии¹⁴. Очевидно, что на разных уровнях языка и в отдельных фрагментах языковой системы симметричность может иметь различные проявления и вызываться взаимодействием различных факторов, в том числе и нелингвального характера.

Асимметрия в языке. Несмотря на то, что языковая асимметрия была отмечена еще древнегреческими стоиками (Хрисипп, III в. до н.э. – книга «Об аномалии», Кратет – «аномалист в вопросах грамматики») [Античные теории языка и стиля 1996: 169], негативная составляющая дихотомии «симметрия – асимметрия» оказалась в центре исследовательских интересов значительно позже, хотя асимметрия является весьма

¹³ как простые типа: укр. *око, дід, піп, наган, Пилип, радар, ротатор*; рус. *казак, шалаш, наворован, комок, потоп, заказ, кабак, мадам*; польск. *kajak, zaraz, oko, Ada, sos, zakaz, radar, potop*; чешск. *nezařazen, Otto, šilíš, madam, rotor, děd, jetej, aha*, так и более сложные, порой в форме целых предложений, не лишенных смысловой нагрузки: укр. «*Я несу гусеня*», «*Де помити мопед?*», «*А результатів? Вітать лузера!*»; рус. «*Аргентина манит негра*», «*Лёша на полке клопа нашёл*», «*Торт с кофе - не фокстрот*», польск. «*Elf ukladał kufle*», «*Kobyła ma mały bok*», «*Może jutro ta dama sama da tortu jeżom*»; чешск. «*Jelenovi pivo nelejš*», «*Ale jak ta Katka jela*», «*Nedej mi rum jeden*». Абсолютно симметричными с точки зрения формы являются и редуцированные конструкции типа: укр. «*ку-ку*», «*буль-буль*»; рус. «*далеко-далеко*», «*шёл-шёл*»; польск. «*kap-kap*», «*buch-buch*», чешск. «*tamtam*», «*ťuk ťuk*».

¹⁴ укр. *ключ* (від замка) — *ключ* (джерело), *рукав* (елемент одягу) — *рукав* (річки); рус. *наряд* (одежда) — *наряд* (распоряжение), *горн* (кузнечный) — *горн* (духовой инструмент); польск. *róża* (kwiat, choroba, róża wiatrów), *klucz* (narzędzie do otwierania, zamykania, wiolinowy, ptaków); чешск. *klika* (držadlo otvírání a zavírání dveří, štěstí), *kolej* (místo pro dopravu, ubytovna vysokoškolských studentů).

существенным фактором не только человеческого мышления, но и эволюции в целом. Одни ученые понимают асимметрию как динамический фактор, способствующий тому, что статичность системы, ее уравновешенность подвергается эволюционному воздействию противоречий. Асимметрия представляет собой не просто нарушение пропорций, соразмерности или гармонии. Это особое свойство саморазвивающихся систем, придающее системе не статическое, а динамическое равновесие [Осетров 2009: 55-60]. Другие понимают ее как статический фактор: асимметрия – это явление, при котором «в норме» одна из структур на одной из сторон развита больше, чем на другой [Van Valen 1962: 125-142]. Говорить об асимметрии применительно к языку можно только при условии, что безусловно признается его системность. И. Г. Осетров отмечает, что классические работы по асимметрии (имея в виду работу С. И. Карцевского) появились только после доказательства системности языка в трудах Ф. де Соссюра [Осетров 2009: 55-60]. Важнейшим свойством симметрии признается сохранение (инвариантность) тех или иных свойств по отношению к определенным преобразованиям [Ляпина 2010: 3].

Понимая асимметрию как нарушение тождества, ученые кардинально расходятся в определении причин, вызвавших к жизни такое явление. Во многих работах утверждается, что нарушения тождества (асимметрия) имеют случайный характер¹⁵ и поэтому не могут оказывать воздействия на саморазвивающуюся систему [Осетров 2009: 56], что асимметрия связана с произволом, случайностью [Вейль 2007: 45-46]; другие настаивают на том, что асимметрия – явление в языке не случайное, а закономерное, обуславливающее компактность и экономичность языковой системы [Ляпина 2010: 3].

При наличии значительного количества работ ученых, которые в последнее время обращаются к проблеме асимметрии в языке и речи, терминологическое значение понятия *асимметрия* в лингвистике остается недостаточно определенным. Очевидно, что к числу явлений асимметричных языковые явления должны быть отнесены на основании четких классификационных критериев. Кроме того, ученые обратили внимание на то, что понятийный аппарат категориальной пары «симметрия – асимметрия» недостаточно полно охватывает весь спектр языковых явлений, сопряженных с исследованием семантики языкового знака и грамматических форм ее выражения, а также сохранения

¹⁵ Асимметрия является движущей силой динамических систем, и в этом смысле ее можно рассматривать как эволюционную составляющую, либо как одну из причин энтропии (как меры неорганизованности системы) в случае ее революционного преобразования (разрушения), так как любая система стремится к разрушению как собственному пределу [Осетров 2009: 55-60]. Однако в заключительной части статьи Г. И. Осетров приходит к прямо противоположным выводам: отождествлять асимметрию со случайностью, произволом, противопоставляя ее закону, по крайней мере, неосмотрительно, поскольку она *столь же детерминирована, как и симметрия* (разрядка наша – Т. А.) [Осетров 2009: 55-60].

(отступления) от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании единиц языка и речи. Двойственность, замечает Т. Лютый, не простая крайность двух позиций. Она предполагает какую-то потенциально-промежуточную или переходную сферу, позволяющую исследователю подняться на качественно иной уровень [Лютый 2010: 14]. Исследователи считают, что между понятием симметрии и ее антиподом – асимметрией – лежат еще два симметричных понятия: антисимметрия и диссимметрия [Сонин 1987].

Принцип диссимметрии и его проявления в языке. Принцип диссимметрии в науке известен давно, однако лингвистическая наука уделяет ему значительно меньше внимания, нежели категориальной паре симметрия-асимметрия. Фундаментальные исследования диссимметрии языка были проведены известным датским лингвистом О. Есперсеном и вслед за ним русско-американским лингвистом Р. О. Якобсоном, однако до сих пор явление диссимметрии не является достаточно исследованным, в частности и на лексическом уровне языка. Отдельные лингвистические работы по диссимметрии связаны, прежде всего, с синтаксическим уровнем языка, уровнем текста, а также сопоставительным переводом с разных языков («диссимметричный метод» Н. С. Поспелова¹⁶ [Поспелов 1968: 111-137; Шатин 1997: 21-27.]).

Учение о диссимметрии развивалось параллельно с эволюцией целостной дихотомии «симметрия-асимметрия» как неотъемлемая ее часть. Исследование этого явления обращает на себя внимание ученых со второй половины XIX века и не может быть изучено изолированно от принципа симметрии/асимметрии. Диссимметрия определяется как «внутренняя, или расстроенная, симметрия, т.е. отсутствие у объекта некоторых элементов симметрии. <...> По Л.Пастеру, диссимметричной является та фигура, которая не совмещается простым наложением со своим зеркальным отражением» [Хорошавина 2005: 89]. Ю. В. Таммару определяет диссимметрию как нарушение симметрии, отсутствие некоторых элементов симметрии по сравнению с некоторой высшей группой симметрии [Таммару 1965: 66]. В. А. Карпов пишет о том, что о диссимметрии принято говорить при частичном совпадении и одновременном частичном несовпадении признаков сопоставляемых объектов, ссылаясь на мысль Пьера Кюри о том, что диссимметрия обнаруживается в любом явлении и причинах, его создающих.

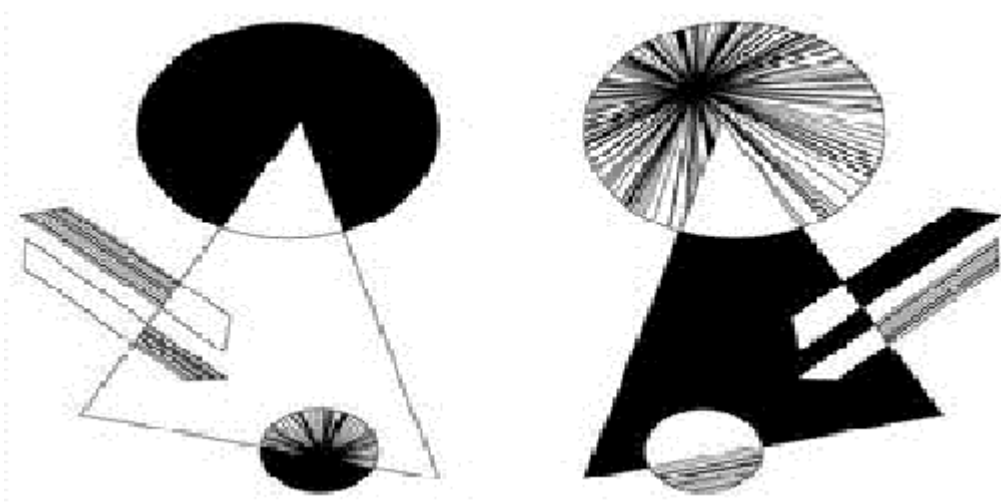
¹⁶ Заметим, что «диссимметричный метод» Н. С. Поспелова И. Г. Осетров относит к идеям асимметризма [Осетров 2011: 36-40].

Диссимметрия может вызываться только причиной, которая сама уже обладает диссимметрией [Вернадский 1977: 149].

С позиций диссимметрического развития реальных объектов любой признак всегда формируется структурными элементами предыдущих уровней развития в рамках заданного семантического поля [Голубева 2009; Голубева 2008: 22-29]. В. А. Карпов замечает, что в диссимметрии обнаруживается явление *изомерии*. Суть его заключается в том, что конструкты могут быть одинаковы, но благодаря разному порядку следования элементов имеют разные свойства [Карпов 2004]. Вяч. Вс. Иванов понимал диссимметрию как энантиоморфность: энантиоморфные разделения единого и сближения различного – основа структурного соотношения частей в смыслопорождающем устройстве [Иванов 1978].

Важно подчеркнуть, что ученые нередко в своих определениях подменяют понятие диссимметрии асимметрией либо же симметрией. Такой подход к явлению диссимметрии в науке весьма распространен. Н. Ф. Овчинников считает что «диссимметрия является скорее частным случаем симметрии» [Овчинников 1966: 226], а Ю. А. Урманцев, в свою очередь, асимметрию понимает как «частный, хотя и самый распространенный и самый важный случай диссимметрии» [Урманцев 1964: 171]. Н. А. Голубева замечает, что понимание диссимметрии как принципа, действующего в отношении отдельно взятых объектов D (правого) и L (левого), автоматически переводит плоскость изучаемых отношений в асимметрию [Голубева 2012: 137-141].

Рассмотрим явление диссимметрии на наглядном примере:

На рисунке изображены две диссимметричные фигуры, абсолютная симметрия форм которых нарушена асимметрией наполнения. Диссимметрия в своем содержательном выражении является асимметрией внутри симметрии, то есть если

симметрия характеризует тождество, а асимметрия – различие, то диссимметрия, - это тождество и различие одновременно.

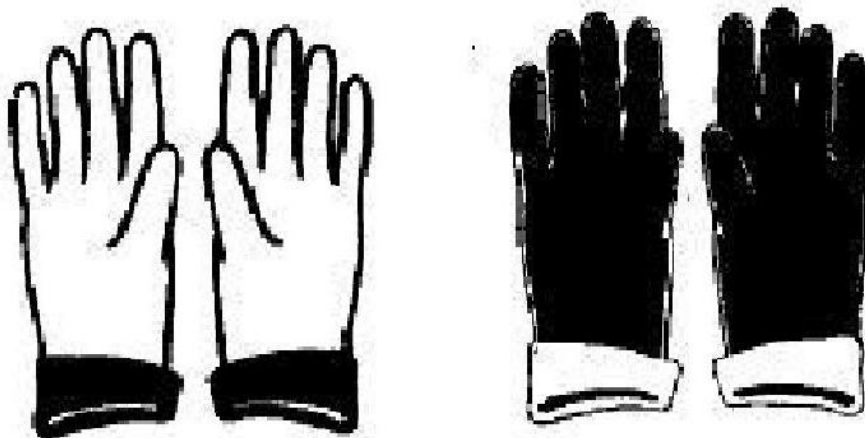
Принцип антисимметрии единиц языка. Идея антисимметрии впервые была выдвинута независимо двумя учеными - немецким исследователем Г. Хешем в 1929 г. («О четырехмерных группах в трехмерном пространстве») и российским кристаллографом А. В. Шубниковым в 1945 г. («Симметрия и антисимметрия конечных фигур»), которые понимают ее как симметрию антиравных фигур или антиравных частей фигур: расширенное понятие симметрии за счет существования четырёх видов равенства (вместо двух рассматриваемых в обычной симметрии): равенство совместимое, равенство зеркальное, антиравенство совместимое и антиравенство зеркальное [Шубников, Копцик 2004: 276-278]. Соответствующие антисимметрии фигуры называются антисимметричными. Они могут быть двух родов: 1) фигуры, составленные из совместимо антиравных частей (напр., правых белых и правых черных фигур или, наоборот, левых белых и левых черных фигур); 2) фигуры, составленные из частей всех четырех родов [Шубников, Копцик 2004: 276]. Проще говоря, антисимметрией в науке именуют свойство многих материальных фигур совмещаться с собой в разных позициях операциями антисимметрии.

Л. Ван Вален относит к антисимметрии бóльшее развитие структуры то на одной, то на другой ее стороне (в таком случае возникает отрицательная связь между сторонами объекта) [Van Valen 1962: 125-142]. Всякая операция антисимметрии состоит из какой-либо операции обыкновенной симметрии в сочетании с операцией перемены знака фигуры, физический смысл которой может быть различным, например: перемена знака заряда, знака движения (вперед — назад), растяжение — сжатие, замена черного на белое, негатива на позитив и т.д. [Савченко, Смагин 2006: 19].

Применительно к языковому материалу явление антисимметрии в современной науке исследовалось главным образом на синтаксическом уровне и на уровне текста, включая проблемы перевода, причем более активно первая проблема разрабатывалась в зарубежной лингвистике (Р. Кейн «Антисимметрия синтаксиса» (1994), Н. Хомский [Хомский 1995: 130–157], Г. Цинкуе, А. Моро, П. Хегстром, Д. Уиллис, Б. Рорбах), вторая – в российской (И. Н. Пономаренко [Пономаренко 2005], А. Ю. Корбут [Корбут 2005], Г. Г. Москальчук [Москальчук 2010], А. А. Фокин [Фокин 2010] и др.). Заметим, что под антисимметрией в структуре текста (так же, как и в номинативных системах) ученые понимают зачастую различные вещи: «отсутствие элемента в ожидаемом месте»

(А. Ю. Корбут), «некоторое свойство и его отрицание» (Г. Г. Москальчук). Как видим, понимание сущности антисимметрии в языкознании далеко от однозначного.

Что же следует понимать под антисимметричным отношением плана содержания и плана выражения лексической единицы? В книге «Симметрия в науке и искусстве» А. В. Шубникова и В. А. Копчика приводится пример с перчатками:

На рисунке изображены четыре перчатки – правая белая с черным отворотом, левая белая с черным отворотом, правая черная с белым отворотом и левая черная с белым отворотом. «Перчатки одного цвета», пишут авторы, - «преобразуются друг в друга с помощью операций симметрии, перчатки различного цвета – с помощью операций антисимметрии» [Шубников, Копчик 2004: 223]. Антисимметрия, таким образом, предполагает преобразование друг в друга, то есть транспозицию антиравных (противоположных) черт одного объекта на другой на основании перемены знаков.

1.4. Симметрия/асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица: взаимодействие означающего и означаемого

Рассматривая факты симметрии/асимметрии в языке как проявление изоморфизма формы и содержания языковой единицы (Е. Курилович, С. Карцевский)¹⁷ и как факты «отступления от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из особенностей строения и функционирования естественного языка» (Большая российская энциклопедия, см. статью

¹⁷ «Форма и содержание в языке обычно находятся как бы в уравновешенном, устойчивом, но чаще всего не в симметричном отношении, поскольку их функции и роль различны» [Плотников 1989].

Разумовская, Соколовский Литература, п. 13)¹⁸, ученые описывают симметрию/асимметрию на уровне лексической семантики [Лось 2010: 13-18; Москвичева 2010], морфологии (грамматическая, семантико-грамматическая, функционально-семантическая симметрия/асимметрия в языке и речи) [Бархударов 1966: 97-110; Воронцова 2004; Štejrková 2002: 263-286; Мороз 2009], на уровне функционирования синтаксических единиц (синтаксическая асимметрия) [Ляпина 2010; Минкин 1982: 6-12; Колосова 2008], на уровне лингвистики текста [Пищальникова 1999: 3-12; Пономаренко 2005; Москальчук 2011: 92-94]. Теорию симметрии/асимметрии в последнее время активно применяют (в частности, и в сопоставительных исследованиях) в лингвокультурологии [Бухонкина 2002: 44-54;], в концептологии [Зубкова 2011; Газизулина 2012: 23-28; Солнышкина 2005: 59-64; Филиппов 1996: 395-397], транслятологии [Врублевская 2011; Харина 2008]. Категории симметрии/асимметрии используются при изучении межъязыковых контактов и изучении проблем функционирования языков [Байрамова 2004: 134-135].

Система наименований лица мужского и женского пола обладает выразительной спецификой. На этот факт обращают внимание многие исследователи, изучавшие с различных позиций систему личных существительных в разных языках [Савельева 2011]. Сложное взаимодействие нелингвальных и лингвальных факторов, о которых упоминалось выше, привело к тому, что в этой системе номинативных единиц имеют место сложные и причудливые формы соотношения между формой и значением в выражении семантики грамматической категории рода, которую О. Есперсен в свое время назвал «самой непредсказуемой из всех категорий языка», и семантической категории пола.

В ходе исторического и культурного развития человечества сформировалось своеобразное единство двух противоположностей – мужского и женского, неравнозначное как онтологически, так и семантически. Сложное взаимодействие мужского и женского как концептов нетождественных, отразилось и в языке в факте доминирования мужского над женским в системе именных классификаций, оказавшем влияние на дальнейшие проявления андроцентризма в языках постпатриархатного типа.

¹⁸ О внимании к этому аспекту изучения симметрии/асимметрии свидетельствуют как тематические сборники научных трудов, так и материалы многочисленных научных конференций: Формально-содержательная асимметрия единиц языка (1982); Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц языка различных уровней (1982); Асимметрические связи в языке (1987); Асимметрические связи в языке (1992).

Вопросам асимметрий в проявлениях социокультурного пола (гендера) (т.н. гендерная, или андроцентричная асимметрия) посвящены многочисленные работы в сфере гендерной лингвистики и лингвистической гендерологии [Кирилина 2003; Коваль 2007; Колесникова 2001; Никольская 2005; Нецименко 1966], однако в них чаще представлена критика такого рода асимметрий как дискриминативных в отношении женщины структур, чем глубокий анализ соотношения рода и пола в вербальном его выражении [Ерофеева 1993; Зыкова 2008; Пузиренко 2008; Чистяк 2011; Karwatovska, Szpyra-Kozłowska 2005 Valdová 1996]¹⁹. В то же время и в идеологически незаангажированных исследованиях этой проблеме уделяется недостаточное внимание. «Асимметрию проявлений соотношения семантики и грамматики в системе морфологической категории рода необходимо исследовать и в связи с половой дифференциацией» - пишет А. Загнитко в качестве замечания в рецензии на монографию Т. Ю. Мороз [Загнітко 2009: 337-340]. Очевидно, что вопрос об изучении симметрий/асимметрий рода и пола в ономаσιологическом, семантико-грамматическом и функционально-семантическом плане остается актуальным и сегодня.

Если понимать под симметрией категорию, обозначающую процесс существования и становления тождественных моментов в определенных условиях и в определенных отношениях между различными и противоположными состояниями явлений мира [Готт 1972: 375-376], а под симметричными отношениями – тип поляризованных оппозиций, элементы которых рассматриваются на одном уровне, как характеризующиеся каждый своим набором отличительных признаков (эквиполентная оппозиция), то, применительно к языковым фактам, ставшим предметом нашего анализа, есть основания утверждать, что симметрия в языке здесь будет скорее исключением, чем правилом. Мужское и женское как концепты и как категории познания, отраженные в языке, нетождественны по сути: женщина – понятие исконности, мужчина – понятие прототипичности. Ж. Бодрийяр замечает: «Можно высказать гипотезу, что женское вообще единственный пол, а мужское существует лишь благодаря сверхчеловеческому усилию в попытке оторваться от него. Стоит мужчине зазеваться – и он вновь отброшен к женскому» [Бордийяр 2000].

Так же, как окружающий нас мир не вписывается в антонимическую модель «черное-белое», многообразный языковой материал, представляющий собой языковую

¹⁹Ср. постановку вопроса об андроцентричной асимметрии и социальной ранжированности гендерных категорий, когда один из классов представлен как неавтономный или менее автономный. В языке это проявляется, в частности, в маркированности женского рода по отношению к мужскому.

презентацию соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица, не вписывается в два крайних полюса дихотомии «симметрия-асимметрия». Отношения симметрии/асимметрии формы и содержания в системе наименований лица по признаку пола будут анализироваться по четырехкомпонентной шкале: симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия.

Следующим, пятым шагом анализа станет изучение явления лакунарности - отсутствия эксплицитно выраженной коррелятивной феминизированной формы репрезентации семантики «женскости» (незаполненные «места» словообразовательных парадигм, где ожидаемое парное существительное противоположного рода потенциально возможно, но в языковом узусе отсутствует) или, наоборот, наличия относительного коррелята, неупотребление которого обусловлено факторами системно-языкового и неязыкового характера, и путей компенсации таких лакун на современном этапе развития изучаемых языков.

1.5. Лакунарность как категория лексической системологии и характер фемининных лакун в системе личных наименований

Большинство исследователей используют термин лакуна (от лат. *lacuna* - углубление, впадина, провал, полость, фр. *lacune* – пустота, брешь) применительно к различным языкам и культурам относительно вопросов теории перевода, текста и его понимания, межкультурной коммуникации, этнолингвистики, теории языковой личности (Ж. П. Вине, Ж. Дарбальне, Ю. С. Ступанов, В. Г. Гак, В. И. Жельвич, И. Ю. Марковина, И. А. Стурнин, Б. А. Харитонова, Е. А. Эйнуллаева и др). с разделением лакун на лингвистические, экстралингвистические и лингвокультурологические. Возможно, именно этот факт стимулировал гораздо более высокий интерес исследователей к явлению лакунарности на межъязыковом, нежели на внутриязыковом уровне. В ряде работ описательно-аналитического характера указывается на неоправданное невнимание языковедов к проблеме изучения явления лакунарности на уровне отдельных подсистем конкретных языков, так называемых внутрисистемных лакун, с возможностью изучения данного явления в сопоставительном плане [Быкова 2003; Швачко 2011: 40-45; Зуенко

2010; Анохіна 2011: 8-13; Стернин 1989]²⁰. Т.А.Анохина говорит даже о перспективах новой науки лакунологии [Анохіна 2011: 12]. В то же самое время большинство ученых лакунарность относят к явлениям, связанным с языковой асимметрией [Кальченко 2002], понимая, однако, асимметрию как номинационный ноль.

Особенностью номинационной подсистемы наименований лица мужского и женского пола, ставшей объектом исследования в данной работе, является неодинаковая заполненность ее маскулинных и фемининных звеньев. В этой системе представлены многочисленные т.н. «незаполненные клетки» (системные лакуны), «слабые звенья», которые наиболее подвержены изменениям, то есть в определенный момент могут начать заполняться по правилам этой системы. В каждом из языков в этой номинационной подсистеме в различном соотношении сосуществует реализованное (рус. *учитель* – *учительница*) и нереализованное как потенциально возможное, лишенное «до поры» словообразовательно феминизированной звуковой оболочки (рус. *инженер* – \emptyset).

Лакунарность как категорию в сфере коррелятов по родо-половой принадлежности обозначаемых референтов (т.н. гендерную лакунарность [Махонина 2003: 40; Махонина, Стернина 2005: 54-55]), по мнению Л. К. Байрамовой, представляют лакунарные единицы в пределах одного языка А (при внутриязыковом сопоставлении) и лакуны как нулевые корреляты лакунарных единиц языка Б при межъязыковом сопоставлении [Байрамова 2011: 22-27]. Принимая во внимание определение, предложенное Г. В. Быковой [Быкова 2003: 9], лакуну понимаем как виртуальную лексическую сущность, семему, не имеющую материального воплощения в виде лексемы, но способную проявиться на уровне словообразовательной объективации в случае возникновения социальной и коммуникативной востребованности наименования. В нашем исследовании лакуна – это синтаксический объект, понятие, имеющее место в языке, но вербально представленное неэкономно – с помощью согласовательных конструкций (*инженер Павлова разработала...*), аппозитивных синтагм (*женщина-космонавт*) или с помощью несвойственной данному понятию грамматической категории (*как хирург она известна всему миру*). Иными словами, нет оснований утверждать, что в этой подсистеме наименований «незаполненные клетки» не заполнены – они заполнены, но иными средствами языковой идентификации женщины.

²⁰ Незаработанность данного вопроса на внутреннем языковом материале на материале чешского языка привела к тому, что термин (*jazyková, lexikální* ap.) *lakuna* вообще не представлен в Энциклопедическом словаре чешского языка [EŠČ]. Встречается в очень ограниченном количестве работ [Čermák 1995: 230; Stich 1994: 265-267; Hortvíková 2012].

На внутриязыковом уровне в системе коррелятивных родовых наименований лица можно говорить о имплицитных (потенциально компенсируемых) лакунах, на которые указывают номинативные ряды, дефектные в отношении феминативов, где их образование жестко ограничивается или сдерживается факторами неязыкового (биофизиологическими, конфессиональными, социально-имущественными и т.п.) или собственно языкового характера. Лакунарной единицей оказывается, таким образом, потенциальное слово - коррелят с актуализированным значением противоположного пола. Потенциальное слово в таком случае – репрезентант категории отсутствия, это не нулевой знак, а материально не выраженный знак [Шунейко 2005: 3-7], в нашем случае фемининный номинационный (словообразовательный) нуль.

Исходя из типологии языковых лакун, разработанной Г. В. Быковой [Быкова 2003], определим те их типы, которые актуальны для данного исследования. Это, прежде всего, потенциально открытые к заполнению лакуны не жесткие лингвальные (вызванные причинами языкового (или главным образом языкового) характера) и не лингвальные (вызванные причинами культурного, социального характера). Среди лингвальных, которые следует считать системными, ведущее место с точки зрения исследования явления симметрии-асимметрии в системе родо-половых наименований лица будет принадлежать таким лакунам. Собственно лексические лакуны связаны с заимствованием новых понятий и их наименований из других языков, а также процессами мовирования заимствованных маскулинизмов. Системные сегментные лексические лакуны, где, по Г. В. Быковой, концентрация смысла, а тем самым и формальная экономия обеспечивается семантическими трансформациями бытующих в языке слов, в смысловой структуре которых предусмотрены семантические «пустоты», деривационные сегменты, которые могут наполняться новыми семами. Такая лакунарность связана с возможностью ее компенсации новыми словообразовательными дериватами, включающимися в явление «совмещенной омонимии». Системные словообразовательные лакуны – в них обнаруживается наибольшее число «белых пятен», отсутствий звеньев в словообразовательной цепи, которые потенциально могут быть заполнены единицами, соответствующими словообразовательной модели, но не разрешенными узусом в словообразовании (наименования типа *филология*, *филоложка* и т.п., по выражению Г. С. Зенкова, «дремлют» в тайниках латентной потенции, существующей как возможность [Зенков 1969: 71-73]). К средствам компенсации «незаполненных клеток» в этих типах лакун будут относиться и наименования женщины, существовавшие в более

ранние периоды развития языка и актуализированные под влиянием неязыковых факторов.

Следующий системный тип лингвистической лакуны – ст и л е о б р а з у ю щ а я , или стилистическая. В определенных типах речи (стилях) существуют жесткие узואльные ограничения относительно использования в них феминизированных наименований женщины. В результате стилистического перераспределения «незаполненные клетки» могут компенсироваться феминативами, изменившими свой стилистический регистр. К компенсаторам таких лакун будут относиться и феминативы, стилистическое перераспределение которых связано со стилистическими изменениями феминизирующего форманта, узואльно стилистически маркированного.

К *нелингвальным* лакунам в нашей типологии будут отнесены с о ц и о к у л ь т у р н ы е л а к у н ы , связанные с субъективным фактором в употреблении феминизированных маскулинизмов как компенсаторов собственно маскулинных наименований в целях именования женщинами как самих себя, так и других женщин

Во всех случаях речь идет главным образом не о семантической (понятие с фемининным маркером в языке есть), а о формальной лакунарности, вербально воплощенной в форме более компактного, экономного словообразовательного номинанта лица женского пола демаскулинного типа или кодеривата.

Выявление и описание лакун названных типов поможет, с одной стороны, обнаружить расхождения между потенциями системы словообразования и тем, как их квалифицирует норма и узус, даст более полное представление о словообразовательном механизме языка на данном участке в новейшее время с точки зрения его системы в целом, с другой – на фоне межъязыкового сопоставления типов лакун, путей и средств их компенсации – проследить типологическое и генетическое в ходе и результатах таких процессов в различных славянских языка.

Таким образом, применение более сложной схемы исследования явления симметрии – асимметрии категорий грамматического рода и биологического пола в системе наименований лица как на формальном, так и на семантическом уровнях в комплексе с явлением лакунарности в сопоставительном ключе является обоснованным и целесообразным.

ГЛАВА II

СИММЕТРИЯ-АСИММЕТРИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА И СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПОЛА В СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

2.1. Соотношение грамматической категории рода и семантической категории пола в системе личных существительных

Грамматический род, по А. А. Потебне, принадлежит к числу общих человекообразных (антропоморфических) категорий, существующих для расчленения, приведения в порядок, усвоения всего содержания мысли [цит. по Виноградов 1972: 57]. К таким же антропоморфическим категориям можно отнести в системе наименований лица и семантическую категорию биологического пола. Грамматический род А. Мейе назвал самой непредсказуемой из всех языковых категорий, а род, как известно, в системе личных существительных тесно связан с биологическим полом.

Изучение категории грамматического рода имеет давнюю традицию (А. А. Потебня, О. Есперсен, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, М. В. Ласкова, И. П. Мучник, Н. А. Янко-Триницкая, М. В. Шульга и др.). При этом одни ученые классифицируют эту категорию как чисто классификационную, лингвистическую (И. Ф. Калайдович, Б. А. Копелиович, Т. В. Шанская, М. В. Шульга), другие – как экстралингвистическую, мотивированную семантически, в частности и социально (Е. А. Вольтер, Ф. Оберпфальцер, М. Я. Немировский). С. Г. Маличков, изучая функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке, приходит к выводу, что субстантивный род – категория с вполне определенным семантическим потенциалом [Маличков 2010:1]. По мнению М. А. Кронгауза, содержательную базу морфологической категории рода составляет универсальная семантическая категория биологического пола [Кронгауз 1996: 510-524]. Взаимодействие грамматической

категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица оказывается бесспорным.

Пол (*sexus*) – универсальная семантическая категория, которая соотносится с естественной биологической характеристикой живых существ. Пол как естественная категория охватывает все их виды и задает удивительно четкое разбиение этих существ на два класса [Кронгауз 1996: 514] – мужской и женский. Пол, по убеждению М. Я. Немировского, находит средства выражения во всех языках мира [Немировский 1938: 196-226]. Система разноуровневых средств языкового выражения биологического пола имеется в любом из языков, однако на нее наслаивается и социокультурная составляющая. Хотя противопоставление по полу и коррелирует с грамматической категорией рода, оно не сливается с ней и не должно с категорией рода смешиваться.

С семантической точки зрения влияние категории пола на категорию рода состоит в том, что в различных разрядах наименований лица разряды пола непосредственно регулируют распределение между мужским, женским, а также общим родом. В то же время формальные показатели рода, которые обычно квалифицируют как типичные, не обнаруживают прямого соотношения с полом. Анализируя оппозицию типа *пианист – пианистка, спортсмен – спортсменка*, можно убедиться, что мужские и женские словообразовательные форманты неоднозначны и несоразмеримы по семантике: за этими различиями стоит не только механизм распределения по родам, но и определенные отличия между денотатами, причем отличия не одноплановые, а двухплановые. Эти отличия связаны, в первую очередь, с несимметричностью объемов родовых значений существительных мужского и женского рода, определенной Р. О. Якобсоном как немаркированность мужского и маркированность женского рода, и различной мерой полифункциональности мужских и женских родо-половых формантов.

Кроме того, парные существительные со значением маскулинности и фемининности (типа *учитель – учительница*) только на первый взгляд различаются семой пола. Наименование *учитель* сосредоточено прежде всего на лице, значении профессиональной деятельности, и сема пола в таком случае оказывается иррелевантной. Такие пары могут различаться и по объему значения (*математик* «ученый», *учитель математики*) - *математичка* «учительница математики»).

Маркированность по полу в феминативах является чаще всего абсолютной, а формант определяется как сильный, однозначно феминизирующий (*художник – художница, певец – певица, бегун – бегунья*). Однако и он в ряде случаев оказывается ослабленным, многозначным (в частности, в патронимичных а андронимичных

наименованиях женщины (жены и дочери): рус. *Петровна, королева*, укр. *стельмахівна, поївна*, пол. *wojewodzianka, wójtówna*, чеш. *kmetična, chlapovna*²¹. Аналогично и маскулинизирующие форманты могут в некоторых случаях превращаться в сильные, однозначно указывающие на мужской пол. Такие единицы не могут обозначать лицо женского пола: рус. *Петрович, королевич*, укр. *стельмахович, попович, Мстиславець*, пол. *wojewodzcic, wójcik*, чеш. *krejčovic, kmetič*.

Как видим, такая корреляция имеет в системе наименований лица достаточно разнообразное и неожиданное проявление. Здесь семантическая и формальная структура наименований лица мужского и женского пола должна бы была совпадать с точностью до семантического компонента «пол». На самом деле такое совпадение осложняется множеством факторов.

В группе наименований лица представлены не только гетеронимы, четко распределенные по полу (*отец – мать, брат – сестра, дед – бабушка* и др.), но и парные существительные, возникшие путем мовирования (*родственник – родственница, правитель – правительница*) и образующие «сексуальные парадигмы» (М. А. Кронгауз), цель которых – актуализация пола лица. В таком случае речь идет не о поле вообще, а о лице, принадлежащем к одному из двух полов. Такие парадигмы, как и парадигмы в грамматике, могут быть полными и неполными. Их неполнота определяется различными факторами как нелингвального, так и лингвального характера (*монтер, шахтер, академик, евнух, селадон, роженица, кормилица, белошвейка*). Здесь представлены и существительные общего рода, и многочисленные случаи родо-половой транспозиции мужского на женское и женского на мужское (*баба «о мужчине», мужик «о женщине»*). Ученые в таких случаях говорят о семантическом варьировании категории рода, о стандартном и нестандартном ее функционировании [Маличков 2010: 4]

В словообразовании форманты со значением «лицо определенного пола» называют модификационными (М. Докулил, Е. А. Земская, Н. Ф. Клименко и др.). Они модифицируют или дополняют основное значение главным образом семантикой «лицо женского пола»: в паре *пенсионер – пенсионерка* лишь второе включает в себя значение конкретного пола. Поэтому чаще говорят именно о модификационном значении женскости.

²¹ Здесь и далее патронимические, матронимические, андронимические и другие номинативные единицы, которые в современных изучаемых языках принадлежат к устаревшим, сниженным и т.п., употребляемые в качестве примеров, приводим (в целях упрощения восприятия текста) без специальной словарной пометы. В случае развернутого толкования слова стилевые, стилистические и др. словарные пометы сохранены.

В научной литературе модификационное значение «лицо мужского пола» вообще не выделяется в связи с наличием у маскулинизмов генерализирующей функции: «Существительные с модификационным значением женскости используются и вновь образуются при необходимости подчеркнуть половую принадлежность лица. Если же такой необходимости нет, для обозначения лица женского пола используются соответствующие существительные мужского рода, лишенные сами по себе указания на половую принадлежность» [Грамматика 80: 204]. В большинстве случаев мужской родо-половой формант имеет лишь вторичное значение «лицо мужского пола», выступая на фоне более значимых семантических компонентов «человек вообще», «человек (лицо) по профессии, роду деятельности, социальному статусу» и под. (*проектировщик, строитель, президент*). Такое же явление наблюдаем и в сфере единиц общего рода типа *пьяница, неряха*, где на первый план выступают личностные характеристики, а не пол человека. Как действительно маскулинизирующий, мужской формант выступает в редких случаях женского мовирования, где актуальной выступает сема «лицо мужского пола» (*стриптизерша* → *стриптизер*).

Очевидно, что однозначного соответствия между родом личного существительного и значением пола нет, как нет прямого соответствия в соотношении рода и специализированного родо-полового форманта (формант фемининности –*a* может представлять женский, мужской или общий род). Есть сложное *взаимодействие* между этими категориями, которое имеет в языке разнообразные проявления. При этом язык, с одной стороны, пытается установить между родом и полом более или менее четкие соотношения, являющиеся, по Ф. Оберпфальцеру, нейтрализацией антиномии грамматического рода [Oberpfalser 1933: 181], с другой – такая нейтрализация не всегда оказывается возможной в границах одного языка и обнаруживает различные рефлексии в разных, даже родственных, родовых языках.

В каждом из изучаемых языков существуют грамматические категории, реализующие идею пола, – не только категория грамматического рода, но и ряд зависимых от нее именных категорий у прилагательных, числительных, местоимений, глагола. В этой работе внимание будет сосредоточено на категории грамматического рода. Именно в этой сфере наблюдается, с одной стороны, наибольшая специализированность данного языкового средства выражения семантики пола, с другой – наибольшее разнообразие проявлений нетипичного соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола. На этом материале и будут определяться отношения

симметричности – асимметричности между составляющими полных и неполных «сексуальных парадигм» в изучаемых языках.

Мы разделяем термин *биологический пол (sexus)* и активно употребляемый в последнее время термин *гендер* «социокультурный пол», которые во многих работах последних лет употребляются как синонимы. *Sexus* – понятие, связанное с объективным биологическим разграничением лиц на мужчин и женщин, это категория денотативно-отражательного типа. *Гендер* – понятие не биологическое, а социальное, которое отражает социальную и культурную обусловленность пола, принятую в лингвокультурном сообществе. В языке гендерные отношения проявляются в гендерных стереотипах мужского и женского поведения, в речевых стратегиях (мужских и женских), в особых коннотациях лексем, позволяющих характеризовать лиц (коммуникантов) по их отношению к биологическому полу [Маличков 2010: 7]. И хотя категория субстантивного рода – это категория не только со структурной, но и с ярко выраженной семантической доминантой, отождествлять понятия «семантический пол» и «социокультурный пол» нет весомых оснований.

2.2. Типология симметрично-асимметричных отношений в системе наименований лица мужского и женского пола: взаимодействие означающего и означаемого

2.2.1. Симметричные отношения категорий *genus* и *sexus*. Исходя из понимания нами симметрии как категории, обозначающей совпадение, сходство, подобие в пределах тождества и симметричных отношений как типа поляризованных оппозиций, элементы которых рассматриваются на одном уровне как характеризующиеся каждый своим набором отличительных признаков (эквиполентная оппозиция), применительно к языковым фактам, ставшим предметом нашего анализа, есть основания утверждать, что среди проявлений симметрии обнаруживаем больше явлений периферийных, нежели ядерных.

Патронимы и матронимы. Наиболее высокую степень эквиполентности обнаруживают в изучаемых языках отмаскулинные и отфемининные имена, связанные со сферой семейных отношений. В современных лингвистических словарях встречаем, с одной стороны, необоснованно суженное понимание терминов патроним и матроним, с другой – терминологическую неупорядоченность в понимании их объема. Прежде всего, и

патронимы, и матронимы относят главным образом к именам собственным. Под термином *патроним* понимают личное имя (сына или дочери), произведенное от имени отца [СЛТ/Ахм.; СЛТ/Жереб.] или личное имя, образованное от имени отца или по отцовской (мужской) линии родства [ЭССЛТП; Чучка 2000: 426], например, *Иваненко – сын Ивана, Иванович* и *Ивановна* – сын и дочь Ивана, укр. *Матвійович – Матвійівна* – сын та дочка Матвія). В польском и чешском языкознании под патронимом понимают не только отпатронимическую фамилию (в связи с отсутствием в современном польском и чешском языках имени по отцу – отчества), причем ее основой может быть не только имя отца, деда или какого-либо мужского предка, но и наименования, указывающие на происхождение лица через употребление имени отца, наименования его профессии, статуса и под.: пол. *Klonowic* «syn Klona», *królewicz* «syn króla», *książe* «syn księcia», чешск. *Sdislavic* «syn Sdislavův», *králevic* «syn krále», *písařovic* «syn písaře» [ESČ: 355; SJP 1995; SJP/Dor 1996-1997].

Подобное явление наблюдаем и у термина *матроним* – личное имя, произведенное от имени матери [СЛТ/Ахм.; СЛТ/Жереб.], иногда также женщины вообще – кормилицы или кого-то из предков по материнской линии: рус. *Марфин, Аннушкин*, укр. *Оленюк* [ЭССЛТП; Смольянинова, Волинкина 2011]. В некоторых работах встречаем термин *матроним* также в значении «матчество» - часть родового имени, которая присваивается ребёнку по имени матери; является противоположностью отчества (патронима), передаваемого от отца [Голомидова 2005: 18]. В чешских и польских лингвистических словарях и научных исследованиях представлено более широкое понимание термина (*matronymum* - jméno založené na křestním jménem matky; jméno ukazující na původ pojmenovávané osoby užitím matčina jména nebo jejího zaměstnání: *Sigmund Mandin* «manžel Mandy»; nazwisko albo nazwa syna utworzone od imienia albo nazwy matki – *Magdzic, Wdowic*) [ESČ: 355; SJP/Dor 1996-1997]. На самом деле, языковой материал содержит куда более разнообразную палитру наименований, которые во всех изучаемых языках могут быть отнесены к отмаскулиненным и отфемининным семейно связанным именам не только проприального, но и апеллятивного характера. Это и собственные, и нарицательные наименования невзрослых, несамостоятельных, не состоящих в браке детей своих родителей, которые объединены деривационными связями с исходным номинантом как по принципу родства, так и по профессии, социальному, сословно-должностному, имущественному статусу, демографическим характеристикам. Только в отдельных работах патронимы и матронимы нарицательного типа квалифицируются как «дополнительные антропонимические единицы личных имен» [Ефименко 2009: 38].

Наименования, которые станут предметом анализа в данном разделе, находятся с точки зрения современных языков на периферии мовирования. Моцию ученые определяют как модификационную ономастическую категорию. Сущность модификационной категории состоит в том, что к объему исходного (производящего) понятия добавляется дополнительный модификационный признак [Dokulil 1962, 1: 29-49]. Таким образом, при модификации лексическое значение производного слова оказывается лишь специфицированным или модифицированным относительно лексического значения производящего слова [Mluvnicke češtiny 1, 1986: 221]. В случае образования парного существительного женского рода это сема женского пола (*учитель* – человек, который учит кого-либо, *учительница* – женщина, которая учит кого-либо). Однако в случае с патронимами и матронимами на модификацию частично накладывается мутация: новое слово обозначает иное понятие, нежели производящее. К семе фемининности в таком добавляется иная по значению сема (рус. *княжич* – сын князя, укр. *Мстиславець* – сын князя, рожденный от наложницы, польск. *apteczek* – незрелый, несамостоятельный сын аптекаря, чешск. *faraonovna* – незамужняя дочь фараона), на признак модификационный накладывается признак мутационный.

Несмотря на то, что патронимы и матронимы занимают в системе мовирования в изучаемых языках периферийное положение (такие наименования неупотребительны с точки зрения современных славянских языков), они являются частью целостной системы наименований лица относительно пола и не могут быть из этой системы исключены.

Патронимическая и матронимическая семантика наименований сферы семейных отношений исторически связана с семантикой притяжательности. Изначально такие наименования содержали, кроме семы фемининности (реже маскулинности), и семантику притяжательности «чья дочь / чей сын».

Патронимы и матронимы мы понимаем как наименования незрелых, несамостоятельных, не состоящих в браке детей посредством личного имени или фамилии отца или матери, их прозвища, наименования по профессии, социальному, сословно-должностному, имущественному статусу, демографическим характеристикам отца/матери.

Первую и основную группу здесь образуют патронимы. В культурах патриархального типа, по определению андроцентричных, отец занимал главенствующее положение в семье и именно с ним связывалось продолжение рода (семьи). В. И. Даль неслучайно определял такие названия как «отцеименные имена» [СЖВРС/Даль, Т.3: 724].

Здесь, в первую очередь, можно говорить о симметричных относительно рода и пола наименованиях – собственных именах сыновей и дочерей по имени отца.

Что касается имени сына по отцу, в славянских странах всегда была распространена традиция передавать имя от отца к сыну или от деда – внуку. Древние верили, что судьба человека предначертана его именем, а потому родственная связь с родителем, заключенная в имени, должна была охранять сына от негативного влияния внешнего мира, вместе с именем сыну якобы передавались положительные качества его отца (рус. *Иван Иванович - царевич, сын Иоанна IV Грозного и Анастасии Романовны*; укр. *вигтязь Мстислав, син Мстислава*; польск. *święty Kazimierz Jagiellończyk królewicz – drugi syn Kazimierza Jagiellończyka i Elżbiety Rakuszanki*; чешск. *kníže Boleslav II - syn Boleslava I; Boleslav III - syn Boleslava II*).

Исследователи антропонимики отмечают, что главнейшая функция имени – легализация человека в обществе через указание на его семейное происхождение. Мужчина именно так и легализировался. Женщина, по данным языка, легализировалась всегда опосредованно. Дочь главным образом легализировалась через имя своего отца. Я. Плескалова замечает, что в системе языческих имен уже в древнейшие времена существовала (пусть и не совсем четкая) родо-половая дифференциация на мужские и женские имена [Pleskalová 1998: 104]. Большинство древнейших имен имело отапеллятивное происхождение. Это касается как пожелательных (*Орел, Сокол, Лебедь*), так и охранных (*Nekrasa, Mrzata, Potvora*) имен. Дальнейшее развитие собственных имен связывают со славянскими автохтонными собственными именами-композициями: они состояли из двух частей, отличались более высокой информативностью и характерологичностью (*Мирослав – славящий мир, Богдан – Богом данный*).

Женские парные имена этого типа указывали на то, чьей дочерью являлась их носительница. К тому времени финалия –*a* становится феминизирующим формантом. Ф. Оберпфальцер приводит в этой связи многочисленные примеры образования примерно в то же время с помощью этого форманта женских наименований из сферы семейных отношений – *vnuka, svekra, choťa* и др. [Oberpfalcer 1933: 158-159], а также женских имен типа *Dobřemila, Drahomíra, Petra, Božetěcha* [Oberpfalcer 1932: 225-232, 230]). Так возникали рус. *Ярослав – Ярослава, Велимир – Велимира*, укр. *Любомир – Любомира, Мирослав – Мирослава*, польск. *Bogusław – Bogusława, Mieczysław – Mieczysława*, чешск.

*Božetěch – Božetěcha, Dobromír – Dobromíra*²². Позже по этой же модели образовывались женские собственные имена – патронимы от имен библейских (рус. *Адельфуй – Адельфина, Агний – Агния*, укр. *Іван – Іванна, Августин – Августина*, польск. *Daniel – Daniela, Michał – Michalina*, чешск. *Petr – Petra, Vít - Víta*)²³.

Значительно реже по аналогичной модели образовывались матронимы – имена сыновей и дочерей по собственному имени или уличному прозвищу матери. Такие имена давались детям в случае, если отец ребенка умирал до его рождения, а женщина, таким, образом, принимала на себя мужские семейные обязанности: рус. *Мариан – Марианна, Марьян – Марьяна*, укр. *Мар'ян – Мар'яна*, польск. *Marian – Marianna*, чешск. *Marián – Mariánna*. Многие источники связывают происхождение этих имен с женским именем Мария [ЕСУМ 1989: 405; Петровский 1966: 151; Илчев 1969: 321; Knappová 1996: 124].

Единицы типа рус. *Іван (сын Ивана) – Іванна (дочь Ивана)*, укр. *Мар'ян (сын Марії) – Мар'яна (дочка Марії)*, польск. *Kazimierz (syn Kazimierza) – Kazimiera (córka Kazimierza)*, чешск. *Boleslav (syn Boleslava) – Boleslava (dcera Boleslava)* можно считать симметричными, поскольку мужское и женское имя связано с разными денотатами, причем мужское имя не имеет генерического статуса.

Фамилии не состоящих в браке детей (наследников) в изучаемых языках также несут в себе древнюю патронимичную (реже матронимичную) семантику. Матроним использовался в случаях, если женщина была вдовой, принимая на себя обязанности главы семьи или же не состояла в браке [Осташ 1990: 161; Bystroń 1927: 64].

В чешском языке незамужняя дочь именовалась по фамилии отца (реже матери) с суффиксом *-ka, -ička, -ica, -ovna, -ová* (в разговорной речи *-ova*): *Šouřička (otec Šourek), Buřička (otec Borek), Doráčka (matka Dora) Kúdelica (otec Kúdel), Petlica (otec Petla), Ščepanica (otec Ščepáník), Přemyslovna (otec Přemysl), Beřakova (matka Beřata), Hodíkova (otec Hodík), Sýkorova (otec Sýkora)*²⁴. Старшая незамужняя дочь идентифицировалась с

²² Исследователи отмечают, что не от всех славянских композитных имен образовывались женские пары. В случае, если одной из частей сложного мужского имени был «агрессивный» компонент **boj, bor, hněv, pluk, rat* (psl. **ratъ* «войско»), женская пара практически никогда не образовывалась (например, от имени *Dalibor* «отдаляющий битву, примиряющий» образовывалось женское имя *Dalibora*, а от *L'utobor* в значении «жестокий, безжалостный воин» женская пара отсутствует). Война и агрессия в лингвокультурном сознании славян с женским не ассоциировались [Архангельська 2006: 86].

²³ Здесь наблюдалась сходная с предыдущими именами феминимизирующая тенденция: от *Савелий* (д.-евр. *šā'ūl* «полученный (от бога)») образовалась женская патронимичная форма *Савела*, но от *Фарнакий* (от гр. *Pharnakēs* «имя персидского сатрапа в Малой Азии в V ст. до н.э.) или *Ромул* (лат. *Romulus* - имя легендарного основателя Рима (от гр. *rhōmē* «сила») женские патронимы не засвидетельствованы [Архангельська 2006: 87].

²⁴ Ф. Оберпфальцер пишет о том, что в начале XX века некоторые ученые предлагали в литературном языке различать финалию *-ová* для обозначения женщин замужних и овдовевших и финалию *-ova* для

помощью суффикса *-ena* (*Pospíšilena, Bartošena*) [Oberpfalcer 1933: 167, 174, 181-183, 186]. Для обозначения неженатого, несамостоятельного сына по отцу изначально употреблялся суффикс *-ic*, который, как считает В. Шмилауэр [Šmilauer 1971: 80], позже изменился на *-ič* под влиянием русского языка, например *Pavlovic* (syn Pavla) → *Pavlovič* (syn Pavla). Позже суффикс *-ic* вместе с *-ouc* закрепился в именах рода – *rodinných jménech* (*rodina Novakovic, Bartouc, Bubeníčkovic* и др.). Иногда сын именовался по матери: *Albiňák, Peřčák, Veruňák, Nánek, Marůš, Marůšek, Mařan, Rozár, Rozín, Marketář* [Oberpfalcer 1933: 57-58].

Польский язык традиционно располагает притяжательными суффиксами *-ówna, -anka* для образования фамилий дочерей по отцу (матери): *Klimowiczówna* (ojciec Klimowicz), *Michałowiczówna* (ojciec Michałowicz), *Mańczakówna* (matka Maria (Mańcza)), *Sapieżanka* (ojciec Sapież), *Łopacianka* (ojciec Łopaciak), *Dorocianka* (matka Dorota)²⁵. Языковая идентификация сыновей осуществлялась с помощью следующих патронимичных (матронимичных) формантов: *-ak, -ek, -ec, -ic, -ik, -yk, -ewicz, -owicz, -cki, -ski*: *Klonowic* (syn Klona), *Magdziarczyk* (syn Magdy), *Piotrowski* (syn Piotra), *Dorociak* (syn Doroty), *Walentynowicz* (syn Walentego), *Wosik* (syn Wojciecha).

В украинском языке незамужняя дочь получала наименование по фамилии отца (матери) путем прибавления андронимичного суффикса *-івна*: *Ковалівна, Бондарівна, Гортищенківна, Парасківна*. Сын идентифицировался по отцу (матери) с помощью формантов *-ич, -енко, -ук*, реже *-ів, -ин*: *Кіндращенко, Іванич, Бондарчук, Петрів, Паращин, Мотрич, Оленчин*. Фамилии типа *Марусій, Парасій, Ганнусій*, по замечанию Ю. К. Редько, не были названиями детей по матери – это исконно пейоративные названия молодых людей, которые ухаживали за Марусей, Парасей и т.п. [Редько 1966: 12].

В русском языке «этимологически форма с суффиксом *-ов(а), -ев(а)* обозначала «ребенок того, чье имя является корнем слова»: *Иванов – сын Ивана, Андреева – дочь Андрея, Кузнецов – сын кузнеца*» [Ушакова 2012: 316]. Незамужняя дочь по отцу получала фамилию на *-ова, -ева, -ина*: *Петрова, Алексеева, Ильина*. Неженатые сыновья же получали отцеименное имя (отчество) или имя по отцу, которое с начала XVIII века закрепилось в качестве фамилии. Б. О. Унбегаун в этой связи приводит следующие

обозначения незамужних дочерей. Однако это предложение не нашло поддержки в среде носителей языка [Oberpfalcer 1933: 182].

²⁵ Сегодня женские формы фамилий по отцу употребляются в основном теми, кто хочет намеренно подчеркнуть уважение к традиции. Чаще всего такие формы фигурируют в артистической либо академической среде, - утверждает М. Лазинский [Łaziński 2006: 251].

суффиксы: *-ов, -ен, -ин* (позднее *-ич*): *Демьянов, Юрьев, Танин, Захарьин, Павлович* [Унбегаун 1972: 15-19].

У восточных славян существовал также особый патронимичный уменьшительный формант для обозначения сыновей незаконнорожденных (от князя и наложницы): рус. *Мстиславец, Ярославец*, укр. *Мстиславець, Ярославець* [Новикова 2001].

Патронимические (реже матронимические) наименования, обозначающие фамилии неженатых, несамостоятельных потомков, несомненно, относятся к разряду симметричных: наряду с семантической тождественностью номинантов обозначаемое в парах фамилий имеет четко выраженные маскулинные либо фемининные маркеры, о симметрии говорит и отсутствие генерической функции у мужского наименования: укр. *Бондарчуки – Бондарівни*, польск. *Dorociacy – Dorocianki*, чешск. *Sýkorovci – Sýkoroví*, исключением здесь оказывается только русский язык, в котором фамилии-наименования сына и дочери по отцу (матери) во множественном числе звучат тождественно.

Отчество как разновидность патронимического наименования лица. Отчество - наименование по отцу, состоящее из основы имени отца и окончаний и обычно прибавляемое к собственному имени [ТСРЯ/Уш., Т. 2: 1010] сегодня распространено повсеместно лишь в России, на Украине и в Белоруссии. В русском языке отчество мужчин имеет окончание *-ович, -евич, -ич*, женщин, соответственно, – *-овна, -евна, -ична, -ична*. Отчества, образованные от мужских имен второго склонения, оканчиваются на *-ович, -овна, -евич, -евна*: *Павлович – Павловна, Федорович – Федоровна, Алексеевич – Алексеевна, Сергеевич – Сергеевна*. Мужские отчества, сформированные от мужских имен первого склонения, оканчиваются на *-ич*: *Лукич, Ильич*; женские – на *-ична, -ична*: *Никитична, Ильинична*. В украинском языке при образовании мужских отчеств употребляется только суффикс *-ович*: *Олексійович, Юрійович, Павлович, Анатолійович*. Женские отчества формируются с помощью суффиксов *-івна, -івна*: *Олегівна, Тарасівна, Григоріївна, Сергіївна*. Таким образом, пары дериватов типа рус. *Павлович – Павловна, Сергеевич – Сергеевна*, укр. *Олексійович – Олексіївна, Олегович – Олегівна* можно считать симметричными, ведь при тождественном значении и маркированности по полу обозначаемого, единицы, обозначающие мужчин, не имеют генерической функции: рус. *Сергеевичи – Сергеевны*, укр. *Олексійовичі – Олексіївни*. Следует также заметить, что деривация отчеств детей от материнских имен не представлена ни в русской, ни в украинской языковой традиции.

Польские исследователи отмечают, что ранее обычай давать детям отчество существовал и в Польше (*Marian Juriewicz Poniński*), однако «вскоре такие патронимы

обрели оттенок наследственности, принимая чаще всего форму фамилий и означая уже не отца, но предка – например, *Pawłowski, Wasilewski* (потомки какого-то *Pawła, Wasyla*) и т.п.» [РЕНГ]. Отголоском сохранившейся у восточных славян традиции можно считать и чешские фамилии на –іч типа *Pavlovič, Martinovič* [Šmilauer 1971: 80], однако обычай давать детям отчество в чешском языке, как и в польском не сохранился. Известный украинский ученый В. Симович в своих работах утверждал: «обычай именовать человека по отцу когда-то был у чехов, поляков и у сербов, но со временем исчез» [Сімович 2005: 285]. Заметим: многие украинские ученые и общественные деятели считали, что обычай именовать человека по отчеству украинский язык заимствовал из русского [Мова і духовність нації 1992: 186-187].

Отдельную группу патронимов как формально и семантически тождественных лексических единиц составляют патронимические пары нарицательных наименований невзрослых, несамостоятельных, не состоящих в браке детей, производные от названий отца по профессии, роду деятельности, социальному, имущественному статусу, а также по демографическому признаку.

В русском языке такие наименования образовывались с помощью суффиксов –ич, –ищ, –ичич, –ичищ, –евич, –ович для обозначения сына по отцу и –евна, –овна, –ица, –ышня, –ична - для обозначения дочери. Значительную группу составляют названия детей, полученные на основании социального статуса их отца: *царевич – царевна* (сын и дочь царя), *боярич – боярышня* (сын и дочь боярина), *господилич – господилична* (сын и дочь господина), *княжич – княжна* (сын и дочь князя), *государич – государышня* (сын и дочь государя) и др. Наименования невзрослых, несамостоятельных, не состоящих в браке детей образовывались также от названия профессии, социального статуса отца с помощью формантов –ич, –ник для мужских номинантов и –евна, –(ич)на, –ка для женских: *попович – поповка* (сын и дочь попа), *пономаревич – пономаревна* (сын и дочь пономаря), *псаревич – псаревна* (сын и дочь псаря). Гораздо реже наименования детей в русском языке формировались по принципу имущественного (*богатилич – богатилична* (сын или дочь богача)) статуса родителя.

Отдельную группу наименований данной группы составляют номинанты, несущие на себе матронимическую семантику: *мамич – мамична* (сын и дочь мамки, молочные брат или сестра питомцу), *вдович, вдовишник – вдовишна* (сын и дочь вдовы, ср. у В. И. Даля *безотный* - безотеческий сирота), *мачешич* (сын мачехи), *блудничищ* (сын блудницы) и др.

Украинский язык располагает маскулинными суффиксами *-ич, -енко, -ук* для обозначения сына по отцу и фемининными суффиксами *-івна, -на* - для обозначения дочери. Среди наименований детей по социальному статусу отца обнаруживаем в ряде случаев и вариативные единицы: *княжич, князенко – княжна, князівна* (молодий син князя та незаміжня князева дочка), *гетьманич – гетьманівна* (син та дочка гетьмана), *царевич, царенко – царівна* (син та дочка царя), *короленко, королевич – королівна* (син та дочка короля) и др. Существенную в количественном отношении группу образуют в украинском языке наименования детей по профессии, социальному статусу отца: *лимаренко – лимарівна* (син та дочка лимаря), *бондарчук, бондаренко – бондарівна* (син та дочка бондаря), *мельниченко – мельниківна* (син та дочка мельника), *коваленко – ковалівна* (син та дочка коваля). В отличие от русского языка, в украинском одна из групп наименований детей основывается на отличительном демографическом признаке их отца: *татарчук, татаренко – татарчучка* (син та дочка татарина), *циганенко, циганчук – циганчучка* (син та дочка цигана).

Группу матронимов здесь составляют единицы типа *мачушенко – мачухівна* (син та дочка мачухи, брат та сестра по батькові, не по матері), *удовенко, удовиченко – удовівна* (син та дочка вдови) и др.

В польском языке несамостоятельные сыновья именовались по отцу (реже матери) с суффиксами *-i/ус, -i/уцз, -owicz, -ewicz, -i/ук, -ак, -ук*, наименования дочерей образовывались в преобладающем большинстве с помощью суффиксов *-ówna, -anka, -na, -niczka* и др. Группу андронимических наименований по социальному статусу отца в польском языке образуют единицы типа *wojewodzie – wojewodzianka* (syn i córka wojewody), *królewicz – królewna* (syn i córka króla), *książe – księżniczka* (syn i córka księcia), *hetmanic, hetmanowicz – hetmanówna* (syn i córka hetmana). Значительная группа – это наименования детей по профессии, социальному статусу отца: *apteczewicz – aptekarzówna* (syn i córka aptekarza), *wójcik – wójtówna* (syn i córka wójta), *sędzic – sędzianka* (syn i córka sędziego), *szewczyk – szewcówna* (syn i córka szewca) и др. Патронимы-наименования детей по отцу в польском языке образуются и от демографической семьи исходного номинанта: *Żydzia – Żydziaówna* (syn i córka Żyda). Группу матронимов здесь составляют единицы типа *wdowiak, wdowicz – wdowianka* (syn i córka kobiety owdowiałej).

В чешском языке для обозначения неженатого, несамостоятельного сына по отцу изначально употреблялись суффиксы *-ic, -ec*, для обозначения дочери – *-na, -ična, -uně, -ová (-ova), -ovna*. Особенностью суффикса *-ová* является то, что в разговорном

чешском языке отсутствие долготы (-ova) указывало на незамужнее семейное положение женщины: (*pani*) *důchodcová* и (*slečna*) *důchodcova* [Oberpfalcer 1933: 182-183]. Суффикс – *ovna* первоначально присоединялся исключительно к наименованиям невзрослых, несамостоятельных дочерей, и лишь потом расширил свое значение до семантики «жена» либо «социальный статус женщины». «Слова *ciesářovna* и *královna*», - пишет Ф. Обрепфальцер, - «этимологически обозначали дочь императора или короля, но вскоре обе эти словоформы стали применяться и для обозначения жены или правящей королевы. <...> Точно таким же образом изменили свое значение слова *rytieřovna*, *chlapovna* и *šlechtična*» [Oberpfalcer 1933: 184]. Группу наименований детей относительно социального статуса их отца, в чешском языке образуют единицы *královec*, *králevic* - *královna*, *králevna* (syn a dcera krále), *kněžic* – *kněžna* (knížecí syn a dcera), *císařevic* – *ciesářovna* (císařoví syn a dcera), *rytieřovic* – *rytieřovna* (syn a dcera rytíře). Среди наименований детей по профессии, социальному положению отца находим *krejčovic* – *krejčovna* (syn a dcera krejčího), *kmetič* – *kmetična* (syn a dcera kmeta), *chlapovec* – *chlapovna* (syn a dcera chlapa), *truhlářovic* - *truhlářovna* (syn a dcera truhláře). Исключительным явлением в чешском языке на этом срезе лексики можно считать матронимию: *žnimčic*, *ženimec* – syn prostitutky (*ženimy*).

Парные мужские и женские наименования по ближайшим родственным связям. Отдельную группу симметричных патронимов и матронимов образуют в исследуемых языках семейно связанные имена – наименования детей по ближайшим родственным связям. Это единицы типа рус. *братанич*, *братан*, *братич* – *братанична*, *братана*, *братична* (братнин сын, племянник – братнина дочь, племянница), *сестрич*, *сестричич* – *сестрична*, *сестринична* (сестрин сын, племянник по сестре – дочь сестры, племянница по сестре), *сыновец* – *сыновница* (племянник и племянница по брату), укр. *братан*, *братанич*, *братанець* – *братаниця* (племінник по братові, небіж – племінниця по братові, небога), *сестрич*, *сестринець* – *сестрениця*, *сестриниця* (племінник, син сестри – племінниця, дочка сестри), *синовець* – *синовиця* (син брата, племінник – дочка брата, племінниця), польск. *brataniec*, *bratanek* – *bratanica*, *bratanka* (synowiec, syn brata – synowica, córka brata), *siostrzeniec*, *siostrzeńczyk*, *siostrzan* – *siostrzenica*, *siostrzana* (syn siostry – córka siostry), *synowiec*, *synowczyk* – *synowica*, *synowiczka* (syn brata w stosunku do braci ojca – córka brata w stosunku do braci ojca), чешск. *ujčen*, *ujčenec* – *ujčena*, *ujčenice* (syn matčina bratra - dcera matčina bratra), *vlastník* – *vlastnice* (syn otcova či matčina bratrance nebo sestřenice - dcera otcova či matčina bratrance nebo sestřenice), *tetěvec*, *tetčic* – *tetěnice*, *tetěna* (syn otcovy nebo matčiny sestry - dcera otcovy nebo matčiny sestry) и др. Такие лексические единицы, равно как и наименования детей по отцу,

производные от его профессии, рода деятельности, социального, имущественного статуса, демографического признака, симметричны по роду и полу как с формальной точки зрения, так и с точки зрения семантики, ведь при разном денотате эти единицы имеют тождественное значение, а мужское наименование во множественном числе не реализует генерализирующую функцию.

Демографические наименования лица мужского и женского пола. На периферии симметрии в системе наименований лица мужского и женского пола оказываются и случаи кодеривации симметричных наименований по демографическому признаку. Систематизация полимотивированных слов, связанных отношениями параллельной производности, на этом срезе лексики изучаемых языков позволила выявить такие основные группы симметричных наименований: 1. наименования людей по национальному признаку (рус. *американец* – *американка*, *француз* – *француженка*, укр. *поляк* – *полька*, *росіянин* – *росіянка*, польск. *Japończyk* – *Japońka*, *Włoch* – *Włoszka*, чешск. *Ukrajinec* – *Ukrajinka*, *Rus* – *Ruska*); 2. наименования территориальному признаку (рус. *сибиряк* – *сибирячка*, *бурят* – *бурятка*, укр. *волиняк* – *волинячка*, *галичанин* – *галичанка*, польск. *Ślązak* – *Ślązaczka*, *Pomorzanin* – *Pomorzanka*, чешск. *Moraván* – *Moravánka*, *Středočech* – *Středočeška*); 3. наименования по расовому признаку (рус. *негр* – *негритянка*, *мулат* – *мулатка*, укр. *індіанець* – *індіанка*, *семіт* – *семітка*, польск. *Metys* – *Metyska*, *Murzyn* – *Murzynka*, чешск. *běloch* – *běloška*, *černoch* – *černoška*); 4. наименования лица по месту рождения / проживания (рус. *парижанин* – *парижанка*, *москвич* – *москвичка*, укр. *острожанин* – *острожанка*, *львів'янин* – *львів'янка*, польск. *warszawianin* – *warszawianka*, *krakowianin* – *krakowianka*, чешск. *pražan* – *pražáčka*, *olomoučan* – *olomoučanka*).

В единственном числе демографические маскулинизмы в подобных парах обозначают исключительно лицо мужского пола (кроме конструкций типа *любой сомалиец...*, *каждый россиянин...*), в то время как во множественном числе они реализуют генерализирующую функцию. Неспособность мужского номинанта в единственном числе называть женщину предопределяет, таким образом, обязательность женского коррелята даже в тех славянских языках, в которых активность моции наиболее низка (русском, украинском, польском). В предложениях типа *Шведку-активистку антифашистского движения изнасиловал и убил сомалиец, хотя она призывала шведок вступить в смешанные браки с приезжими с Востока* (Частный корреспондент, 18.04.2011); *Россиянин, американка и японец спускаются с МКС на Землю* (НТВ.ру, 19.11.2012) обязательное указание на пол референта связано исключительно с неспособностью

мужского номинанта в единственном числе называть женщину, что и является поводом для обоснования симметрии в парах наименований.

Маскулинные и фемининные номинанты в конструкциях расчлененного рода. Принимая во внимание генерализирующую функцию маскулинизмов, относительно симметричными можно считать также контекстуальные случаи тождественности семантики и формы в парах мужских и женских наименований, которые А. А. Тараненко квалифицирует как двучленные (двуполовые) формулы [Тараненко 2005: 20]. Сводя к правилу немаркированность существительных мужского пола и маркированность женского в парах привативных бинарных оппозиций, Р. О. Якобсон в работе «О структуре русского глагола», уточняет: «Если в определенном контексте категория П все же сигнализирует отсутствие А, то это является лишь одним из употреблений данной категории: значение здесь обусловлено ситуацией» [Якобсон 1985: 211]. Так, в реальном словоупотреблении находим и примеры, где соотношение между членами бинарной оппозиции оказывается эквиполентным, равнозначным, симметричным [Šmejrková 2002: 279].

Конструкции так наз. расчлененного рода типа рус. *Кого лучше всего отправить на школьную олимпиаду и кто виновен в драке на перемене, такие вопросы учителя, оказывается, во многом решают, опираясь на стереотипы о внешности в одежде **учениц и учеников*** (Fem.fm, Образование, 02.05.2013); укр. *У сні бути закоханим в **актора** або **актрису** - ви будете працювати із задоволенням, без виснаження, а допоможе вам у цьому талант і відповідні нахили* (Dreambook.in.ua, 2010-2014); польск. *A już w sobotę 13 kwietnia gala finałowa, poznamy wówczas **laureatki i laureatów** tegorocznej edycji konkursu Miss Polski, Miss Polski Nastolatek i Mistera Ziemi Świętokrzyskiej* (E-vive.pl, 07.04.2013); чешск. *Nabídka pro všechny amatérské **bikery, bikerky** a ostatní sportovce a **sportovkyně!*** (Ergoliberec.cz, 17.03.2014) демонстрируют контекстуальную симметризацию маскулинизмов и феминативов как относительно семантики, так формальных маркеров выражения пола. Это явление ввиду низкой частотности его функционирования в языке и исключительной контекстуальности определяется как периферийное, но не может быть исключено из общей схемы языковых симметрий.

2.2.2. Диссимметричные отношения категорий *genus* и *sexus*. Под диссимметрией в анализе соотношения категорий рода (*genus*) и пола (*sexus*) в системе личных существительных в работе понимаем «совмещение означаемых» (Ш. Балли) в пределах одного означающего, - единой формы, являющейся совокупным

узуальным обозначением как человека вообще (по профессии, роду деятельности, социальному статусу, характерному признаку), так и мужчины и женщины в частности.

Первую группу диссимметричных номинантов составляют маскулинные наименования, или двуродовые лексемы [Валгина 2003], формально недифференцированные по признаку рода и пола обозначаемого референта, маркированные мужским грамматическим родом, которые в изучаемых языках в силу определенных ограничений языкового и неязыкового характера не имеют парных женских соответствий: рус. *доцент, философ*, укр. *філолог, ангел*, польск. *dziekan, mecenas*, чешск. *kardiochirurg, vodohospodář*. Заметим, что для чешского языка как языка с регулярным мовированием наличие таких наименований является скорее исключением из правила, нежели правилом. В русском, польском и украинском языках, где феминизация языковой системы четко регулировалась узусом, роль «женской пары» маскулинизма исполняли иные нормативные средства языковой идентификации женщины (маскулинизмы в генерализирующей функции, аппозитивные синтагмы, согласовательные конструкции (рус. *доцент Павлова, пожилая бухгалтер*, укр. *жінка-астронавт, професор Ковальчук виголосила доповідь*, пол. *nowa administrator, Ewa Przybylska została nowym prezesem stowarzyszenia*)).

В русской лингвистической традиции существует несколько точек зрения на родовую отнесенность наименований типа *врач, инженер, профессор*. Классическое мнение о принадлежности таких существительных к мужскому грамматическому роду высказывают В. В. Виноградов, Л. К. Граудина, В. М. Никитевич, Д. Э. Розенталь, А. А. Шахматов и др. [Виноградов 2001: 59-67; Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 97; Никитевич 1963: 37; Розенталь 1989: 183-184; Шахматов 2001: 449]. Л. И. Коновалова, А. Б. Копелиович и М. В. Панов, в свою очередь, квалифицируют такие наименования как существительные общего рода²⁶ [Коновалова 1997: 72-79; Копелиович 1977: 178-192]. Существует и мнение о том, что лексические единицы, формально недифференцированные по признаку рода и пола, пребывают в состоянии перехода из

²⁶ «Нам кажется более убедительной трактовка существительных типа *врач* как существительных общего рода. Во-первых, эти формы в современном языке обозначают профессию без указания на пол. Во-вторых, широкое употребление подобных наименований (гораздо шире, чем во времена В. В. Виноградова) привело к «согласованию по смыслу» глагола-сказуемого в форме прошедшего времени с подлежащим: *на суде прокурор без труда восстановила обстоятельства дела* и др. Уже не вызывает возражений и согласование в им.п. прилагательного и местоимения с существительным: *у нас очень добрая директор; посылку... доставила в редакцию пожилая врач* и др.» [Коновалова 1997: 72-79]; «Форма муж. р., наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т.е. выступать в функции общего рода» [Панов 1968: 21].

мужского рода в общий²⁷ [Милославский 1981: 52-53; Ласкова 2001; Литневская 2000: 221-222]. Украинские традиционные грамматики тоже не дают однозначного ответа на вопрос о родовой отнесенности исконных маскулинизмов типа *лікар, професор, архітектор*. Авторы одних грамматик относят такие наименования к существительным общего рода²⁸, других - к мужскому грамматическому роду²⁹.

Польские исследователи на этот счет более категоричны, - они относят все наименования лица, недифференцированные по форме мужского и женского грамматического рода, к двухродовым (общеродовым) лексемам [SPP; Komunikaty Rady języka polskiego 2002: 72-73]. В чешском языке в связи с регулярным мовированием количество недифференцированных по полу лексем очень мало. Это наименования типа *host, národopisec, choť, vítěz, lakomec, lenoch, sirotek, mazlíček, potomek* и др. «Грамматически это существительные мужского или женского рода, которые могут обозначать без изменения рода и формы лицо мужского и женского пола (ср. *Ten chlapec je úplný sirotek, Ta dívka je úplný sirotek, Dcera je náš jedináček, Petra je strašný lakomec, Náš fňukal* (речь может идти и о мальчике, и о девочке) *řval celý večer, Ten ospalec* (речь может идти и о мальчике, и о девочке) *prospal celý den*)» [Бранднер 2003: 13-24, 19-20].

Наличие в языке наименований, недифференцированных по признаку рода и пола, обозначающих как мужского, так и женского референта, обусловлено многими причинами. Основными из них являются:

- отсутствие продуктивных фемининных образований от многих бессуффиксных слов, относящихся к категории лица и имеющих общее родовое значение (рус. *друг, враг*, укр. *ангел, товариш*, польск. *człowiek, gość*, чешск. *sirotek, jedináček*);
- устранение пейоративных наслоений; обобщенный характер официальных должностных обозначений мужского рода сравнительно с экспрессивно

²⁷ «Есть в русском языке существительные, обозначающие название лица по профессии, которые при обозначении лица мужского пола выступают как слова мужского рода, т. е. присоединяют согласованные слова с окончаниями мужского рода; когда же они обозначают лицо женского пола, определение употребляется в мужском роде. Эти слова — «кандидаты» в общий род, их род иногда называют переходным к общему» [Литневская 2000: 221-222].

²⁸ «Наименования общего рода, внешняя форма которых не содержит указания на пол обозначаемого лица, грамматически оформлены маркерами мужского или женского рода, например: *адвокат, юрист, травматолог, фермер, науковець, депутат; колега, слуга, нероба, задавака, забіяка, зануда*» [Безпояско, Городенська, Русанівський В.М. 1993: 54].

²⁹ «Имена существительные типа *анестезіолог, офтальмолог, геолог, географ, академік* имеют грамматическую форму мужского рода, которая способна обозначать любое лицо, независимо от пола» [Загнітко 2011: 149].

окрашенными парными феминативами³⁰ (рус. *врачиха, техничка, профессорша*, укр. *фразеологиня, філологиня, бухгалтерша*, польск. *filolożka, pedagożka, socjolożka*);

- консерватизм языковой системы, способность некоторых феминизирующих формантов обозначать женщину не только по статусу, должности, профессии, но и по ее семейному положению (рус. *красноармейка* – «жена красноармейца» и «женщина-красноармеец», укр. *млинариха* «жена мельника» и «женщина-мельник», польск. *majorowa* «жена майора» и «женщина-майор», чешск. *sladková* «жена пивовара» и «женщина-пивовар»);
- языковые факторы семантико-морфологического характера (т.н. явление совмещенной омонимии) (рус. *сигаретница* «портсигар, сигарница», «пожилая курящая женщина», укр. *скудельниця* «яма для массовых захоронений», «женщина-гончар», польск. *szoferka* «кабина шофера», «женщина-шофер», чешск. *chemička* «химический завод», «женщина-химик»);
- факторы фонетико-морфологического характера (возникновение труднопроизносимых групп согласных на фонеморфологическом шве) (рус. *музыковедша*, укр. *озвучувачка*, польск. *adiunktka*, чешск. *kardiochirurgka*³¹);
- факторы социально-психологического характера (нежелание женщин актуализировать сему пола в наименованиях по профессии, роду деятельности, социальному статусу ввиду более высокого престижа маскулинизмов).

Генерализация относительно семантики пола изучаемых наименований происходит на трех уровнях: в первом случае субъектом становится не лицо вообще, а конкретный индивид (*Я хочу выпить за хирурга Сидорову потому, что если бы не она, - я бы остался без работы*), во втором – существительное мужского рода вместо выделения субъекта деятеля из ряда ему подобных становится названием-характеристикой (*Татьяна Иванова - дипломированный специалист в области создания и проведения бизнес-тренингов, доктор наук, профессор*), в третьем – мужские номинанты употребляются во внеполовом значении (*Наряду с официантами и барменами часто требуются повара, шеф-повара*) [Безпояско, Городенська, Русанівський 1993: 60].

³⁰ Это явление не характерно для чешского языка, где формально мужской и женских коррелят практически всегда равнозначны и на семантическом, и на прагматическом уровне (ср. *lékař = lékarka, filolog = filoložka, matematik = matematicka, inženýr = inženýrka* и т.п.).

³¹ В чешском языке это скорее недостаточная адаптированность слова иностранного происхождения.

С существительными мужского рода, называющими профессию, должность, звание, но обозначающими женщину в единственном числе, сказуемые и определения сочетаются в исследуемых языках по-разному. В русском языке с подлежащим, которое выражено существительным, способным обозначать лиц мужского и женского пола, сказуемое согласуется по смысловому принципу: *В кабинет вошел врач Иванов; В кабинет вошла врач Иванова*. В то же время определения согласуются с теми же существительными только по грамматическому принципу: *В кабинет вошел новый врач Иванов; В кабинет вошла новый врач Иванова*. В литературной речи категорически недопустимо смысловое согласование определений с существительными, способными обозначать лиц обоих полов, но не относящимися к общему роду (*...*вошла новая врач Иванова*) [Русский язык и культура речи 2002: 284].

Подобную ситуацию наблюдаем и в украинском языке, в котором языковая традиция согласования подлежащего, выраженного существительным, способным обозначать лиц мужского и женского пола, со сказуемым так же, как и в русском, тяготеет к норме согласования по мужскому грамматическому роду [Загнітко, Вінтонів, Сегін 2011: 278; Громко, Стецюк 2009: 309]. Украинские исследователи даже предлагают в таких случаях «конкретизировать род имени существительного, выступающего в роли подлежащего, с целью избежать нарушений правила грамматического согласования подлежащего со сказуемым» [Загнітко, Вінтонів, Сегін 2011: 279], например: *Інспектор у справах неповнолітніх Марія Горошко провела з ним не одну бесіду*. Определения согласуются с существительными мужского рода, называющими профессию, должность, звание, но обозначающими женщину в единственном числе, как и в русском языке, только по грамматическому принципу: *Головний технолог заводу п. Дубровська закінчила нараду*. Авторы учебных пособий по деловому украинскому языку и культуре общения нередко замечают, что «высказывания типа *голова технолог, старша бухгалтер поїхала у відрядження* не отвечают нормам украинского литературного языка» [Пентилюк, Марунич, Гайдаєнко 2011: 190].

В польском языке нормой считается согласование сказуемых и определений с именами существительными мужского рода, называющими профессию, должность, звание, но обозначающими женщину в единственном числе, по женскому грамматическому роду. Причиной является обязательное употребление в литературном языке слова *pani* как части подлежащего, именующего женщину по профессии [Łaziński 2006: 274], с которым впоследствии и согласовывается конструкция предложения: *Pani Profesor zdecydowała, że zrobi wszystko by jak najdłużej chronić mnie przed lekami, które dają*

szybko bardzo dobre efekty ale mają też mnóstwo skutków ubocznych i – jak wiadomo – nawet po nich nie ma żadnych reguł co do czasu, w którym luszczyca znów zaatakuje (Luszczyce.pl/historie-chorych, 2010-2014). В разговорном языке находим и случаи словоупотребления имен существительных, называющих лиц мужского и женского пола по профессии, без обязательного *pani*, что не меняет, однако, тип согласовательной конструкции: *Nowa administrator kamienicy przy ul. Piaskowej w Poznaniu spotkała się z mieszkańcami* (Radiomerkury.pl, 17.11.2011), *Mam spotkanie z nową dyrektorką* [Łaziński 2006: 233]. Однако при конкретизации рода имени существительного, выступающего в роли подлежащего, и в польском языке определения согласуются обычно по мужскому грамматическому роду: *Maria Kowalska została nowym prezesem stowarzyszenia* (чаще, чем: *została nową prezeską*) [Łaziński 2006: 233].

Чешский язык как язык с регулярным мовированием имеет для таких случаев четкие правила: синтаксическое согласование в единственном числе здесь происходит по женскому грамматическому роду: *V 80. letech 20. století pracovala ve Výzkumném ústavu zemědělské univerzity jako inženýrka a vědkyně* (Wikipedia.org, 26.03.2013). Хотя бывают и редчайшие исключения из правила: *A tady stojí před námi a před studenty medicíny jiná Dr. Písařovicová, vědec a pedagog, Ten si vzal pěkného sekanta, Ta holka je pracant* [Basaj 1996: 277]. Чешский исследователь Ф. Оберпфальцер объясняет это исключительное явление так: «Использование мужского рода для обозначения женщины является обычно пейоративным, однако мы выбираем форму мужского рода из уважения, если женщина занимает важное место в обществе, или когда речь идет о каком-то исключительном ее достижении, академическом титуле и т.п.; мы используем мужской род в таком случае даже вопреки правилам грамматического согласования» [Oberpfalzer 1933: 242].

Синтаксическое согласование имен существительных со сказуемыми и определениями во множественном числе по мужскому грамматическому роду в исследуемых языках также носит различный характер. Русский и украинский языки здесь «не делают различий» между мужским и женским полом референта: рус. *Стамбульские профессора были уволены за порнодиплом* (NETВестник, 09.01.2011); укр. *За роки незалежності кількість українських науковців скоротилася утричі. Доктори і кандидати наук, фізики, біологи і медики масово виїжджають за кордон* (Українська правда життя, 03.06.2013). Грамматическая система польского и чешского языков в этом плане предполагают наличие личномужской и неличномужской форм категорий имен и глаголов. Как правило, если речь идет о мужчинах или обществе, включающем мужчин, польский и чешский языки используют личномужскую форму: польск. *Biolodzy i*

zootechnicy zmienia siedzibę? (Radioszczecin.pl, 31.07.2012); чешск. *S oteplením přichází tání, vodohospodáři raději vypouštějí přehradu* (Novinky.cz, 09.04.2013).

Вторую группу диссимметричных номинантов в нашей классификации составляют наименования общего рода (под которыми, мы, придерживаясь общепринятой точки зрения, понимаем «группу слов общего (вернее: и того и другого, и мужского и женского) рода, оканчивающихся в именительном падеже на *-a* (*-я*) и означающих лица не только женского, но и мужского пола» [Виноградов 2001: 69]). Вне контекста такие наименования *sexus*-недифференцированы, их референция относительно пола зависит от синтаксической конструкции предложения, в котором они были употреблены, т.е. они не маркированы относительно пола.

Наименования общего рода зачастую имеют ярко выраженную оценочную, характеристичную семантику (ср. рус. *мямля, умница, подлиза*, укр. *нахаба, гуляка, базика*, польск. *niezdara, gaduła, beksa*, чешск. *nestyda, neposeda, nemluva*). Существует лишь небольшая группа существительных общего (м. и ж.) рода с нейтральной оценкой: рус. *запевала*, укр. *колега*, польск. *sierota*, чешск. *sirota*.

Синтаксическое согласование существительных общего рода в единственном числе реализуется только в предложении. Для этого используются различные синтаксические средства: местоимения, имена собственные, глагол в форме прошедшего времени, прилагательное: рус. *Этот левша - один из самых выдающихся шахматистов планеты* (Otvet.mail.ru, 02.07.2011), *Временами, когда я смотрел, как эта левша выполняет свои утонченные укороченные удары, у меня в голове всплывали образы Навратиловой, Новотны и даже Джона Макинроя* (Sports.ru, 11.05.2010); укр. *Ющенко визнав, що він – каліка* (Вікна-Новини, 07.07.2011), *Я прокинулась, як завжди, від важкого туберкульозного кашлю в мене під вікнами, – розказує вона, попиваючи повільно каву з лимоном, – якась каліка щоранку намагалася бігати, задихаючись від того кашлю, і кожного разу – під моїм вікном* (Proza.kz, 2011-2014), польск. *A przecież Anka i Kasia, Judyta i nawet ten gapa Piotrek, oni wszyscy znaleźli dla siebie dusze, i to niejedną!* (Rynsztok.pl, 14.01.2012) *Ostatnio uparcie powtarzałam jej "ako ako" a ona, gapa jedna, nie wiedziała o co mi chodzi* (Blog jabluszko na www.smyki.pl, 21.06.2008); чешск. *Soudě podle fotek to vypadá, že ačkoli je Mikuláš blondáček s tváří andílka, bude to pěkný neposeda* (Super.cz, 06.03.2013), *Jen nebyla taková neposeda a byla taková uvědomělá.* (Rodina.cz, 17.07.2011).

Небезынтересно, что существительные общего рода, будучи по своей сути феминативами, во множественном числе реализуют генерализирующую функцию: ср. рус.

Почему августейшие особы так называются? Почему они, допустим, не «октябррейшие»? (Интернет-газета newslab.ru, 23.10.2007); укр. *Під час сильних морозів служби соціального патрулювання під час рейдів виявили майже 5000 осіб, які потребують сторонньої допомоги* (Golos.ua, Новини, Суспільство, 12.02.2012); польск. *Czy prokurator i Policja będą ścigać wszystkie osoby, które brały udział w popełnieniu przestępstwa, czy tylko te, które wskażą?* (Pokrzywdzeni.gov.pl, 13.04.2011); чешск. *Žadatelé o účast v programu Zažijte Kanadu nejsou oprávněni využívat třetí osoby, které by je zastupovaly v jednání s Ministerstvem zahraničních věcí a mezinárodního obchodu Kanady* (Vláda Kanady, canadainternational.gc.ca, 20.11.2012).

Существительное общего рода *osoba*, будучи феминативом, не только выполняет генерализирующую функцию, но в чешском и польском языках даже становится «отправной точкой» для согласовательной конструкции предложения. Остальные феминативы-существительные общего рода обнаруживают аналогичную тенденцию. В единственном числе во всех исследуемых языках они могут быть идентифицированы в своей референции только в зависимости от контекста, во множественном же числе интересно употребление этих феминативов-существительных в западнославянских польском и чешском языках.

В польском языке в предложениях с подлежащим, выраженным существительным общего рода, синтаксическая конструкция предложения согласовывается по женскому грамматическому роду: *Były to albo sieroty, albo bardzo młode osoby, które zostały odłączone od swoich rodzin z powodu wojny* (Psz.pl, Wywiad z prof. Taylor, 12.05.2010); *Były wśród nas bekсы niemale, dziś przedszkolaki z nas doskonale* (Szkolnastrona.pl, 24.08.2009). В чешском языке согласование по женскому грамматическому роду происходит лишь на уровне определений: *Starosta dělá jedině dobře, že si řekl, že pořádní občani musí mít v něčem přednost, a ty nezbedy nevychované musíme nějak potrestat* (Voříšek: občasník pro Okříšky a okolí, 18.04.2004), ср. *Nejsou všichni, ale slibuju, že si ty nezbedy, kteří chyběli najdu a postarám se, aby byla galerie kompletní* (147. PS Galaxie, Pražská nezisková organizace pro děti s využitím volnočasových aktivit, 20.03.2000); *Když přijdeme do školy, sedím na zemi, dívám se po třídě na ty nezbedy, kteří běhají po třídě kolem dokola a povykují jako šílenci* (<http://maszskt.cz/casopisy/mascasek/rocnik2/>, 10.09.2013).

Третью группу диссимметричных наименований мужчины и женщины, не эксплицирующих родо-половых различий в плане формы выражения, составляют в исследуемых языках одушевленные существительные среднего рода. Семантика пола у таких наименований находит свое выражение

исключительно контекстуально, так как одушевленные существительные среднего рода обладают потенциальной возможностью обозначать как мужского, так и женского референта.

В современном русском языке существительные среднего рода, обозначающие лицо, - единичны. Это наименования типа *дитя, лицо, животное, существо, божество, чудовище, страшилище, ничтожество*. По В. В. Виноградову, «категория лица не сочетается со средним родом. Со средним родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица (ср.: *существо, божество*). Имена существительные среднего рода только метафорически, в качестве самой общей характеристики или в функции сказуемого (*чудовище, чудище, страшилище*) могут быть применены к живым существам мужского или женского пола (ср. в вульгарном просторечии о врале и вралихе: *такое трепло* и т.д.)» [Виноградов 2001: 77].

Украинский, польский и чешский языки располагают куда большим потенциалом словоформ среднего рода для обозначения лица. Речь идет о наименованиях типа укр. *базікало, ледацо, забудько, одоробло, брехло*³², польск. *cudo, biedactwo, ścierwo, pomiotło, dno*, чешск. *zlobidlo, fintidlo, nebožátko, milátko* и др. Такие единицы обнаруживают высочайший уровень экспрессивно-оценочной насыщенности компонентов парного противопоставления. Асексуальность среднего рода семантически связана с пассивностью, неправомочностью, неполноценностью кого-либо, так как описательно употребление среднего рода обычно обозначает не человека, но вещь. А. А. Тараненко в этой связи приводит такой пример: *ледацо* – это *леда* + *цо* (вместо *кто*), *леда-цо* «первая попавшаяся, несущественная вещь; мелочь» [Тараненко 1993: 78]. Яркая пейоративизация одушевленных существительных среднего рода зачастую связана с наличием в их структуре деминутивной (укр. *паненя*, польск. *kurczátko*, чешск. *kvítko*)³³ или аугментативной семантической составляющей (укр. *бідачисько*, польск. *bożyszczce*, чешск. *člověčisko*), которая, в свою очередь, придает наименованию характер позитивной либо негативной оценки.

³² Ср. мнение авторов «Грамматики украинского языка», которые квалифицируют такие наименования как существительные потенциального рода, то есть часть наименований, маркированных грамматически средним родом, например: *ледацо, мурло, базікало, мазило, одоробло, брехло, убоїще*. Авторы также настаивают на том, что омонимичные формы среднего рода, обозначающие как лицо мужского, так и женского пола, являются спецификой исключительно украинского языка и рассматривают их в группе феминативов [Безпояско, Городенська, Русанівський 1993: 61-63]. Как видим, примеры из других языков опровергают такое категоричное утверждение.

³³ Заметим, что несамостоятельность, беспомощность, уязвимость именуемого может вызывать у носителей исследуемых языков и позитивное, снисходительное, сочувственное отношение: укр. *дитятко, золотко*, польск. *złotko, słonko*, чешск. *nebožátko, milátko*.

Следует также отметить, что в исследовании мы не относим к диссимметричным наименования лиц мужского или женского пола, маркированные средним родом, типа укр. *dívčišce*, *бабишce*, *чоловічшcько*, *дідишcько*, польск. *babsko*, *dziewczynisko*, *chłopisko*, *dziadysko*, чешск. *vdávadlo*, *děvče*, *ženidlo*, *mužisko*. Семантика и референтная соотношенность таких наименований зависит, в первую очередь, от характера образующей их основы, что влечет за собой четкую дифференциацию обозначения референта относительно пола, - укр. *бабишce* – зневажл. збільш. «баба», *чоловічшcько* – збільш. «чоловік», пол. *chłopisko* – 1. pot. «z uznaniem, rzadziej z niechęcią o mężczyźnie», 2. pot. «wysoki, barczysty mężczyzna», *babsko* – pot. «pogardliwie lub z niechęcią o kobiecie», чешск. *mužisko* – expr. «mužik, muž», *děvče* – «dívka (nedospělá i dospělá)» и т.п. Неспособность включения в семантический объем наименований такого рода лиц мужского и женского пола исключает эту группу наименований из диссимметричных как таких, которые контекстуально могут обозначать мужчину и женщину.

Синтаксическое согласование одушевленных существительных среднего рода как в единственном (рус. *Ну и где это ничтожество, этот подлый мерзавец?* (Бриньон Луи. Наказание свадьбой); укр. *Мамо! — говорила Зося, де ви взяли таке одоробло, а не наймичку?* (Иван Нечуй -Левицький. Кайдашева сім'я); польск. *Brzydliwa, infatylna i durnowata baba! Kto to pomiotło wpuszcza na wizję?* (Fakt.pl, 26.11.2011); чешск. *Pro mě je teď největší štěstí Ondrášek, to zlobidlo, co čmárá po zdech pastelkama, to zlobidlo, co vymýšlí lumpárny, ten můj chlapeček který každé ráno přijde a pošeptá mi "maminko já tě mám tak rád"*(Baby-Cafe.Cz, 24.10.2007)), так и во множественном числе (рус. *Знаете, кто настоящие чудовища? Люди! Люди и больше никто!* (MyPage.Ru, 30.04.2013); укр. *Такі базікала, як Гаррі Непосида, ладні обмовити молоду жінку тільки за те, що вона випадково не поділила думки щодо їхньої персони* (Джеймс Фенімор Купер. Звіробій); польск. *Że niby ci żywiący się colą i papierosami, w tych powyciąganych swetrach, w tych buciorach, ci którzy patrzą na ciebie jak na kogoś po drugiej stronie mocy? Oni? To są te bożyszczka seksu? Z nimi zdobywa się szczyty?* (Gazeta.pl, 17.05.2010); чешск. *A z toho hnusu, co jsem včera četl, mě napadlo, jak by asi psal o takových lidech, jako je Olga Hepnarová, manželé Stodolovi, Anders Breiwick, nebo Hitler. Třeba bych se taky dozvěděl, že to jsou chud'átka a nebožátka, která zabijela jen pro to, že je nikdo neměl buď rád, anebo je nepoplácal po ramenu* (Blog.cz, 04.03.2013)) зависит от широкого контекста, что характерно для всех изучаемых групп диссимметрии.

2.2.3. Антисимметричные отношения категорий *genus* и *sexus*. Антисимметричные отношения в системе наименований лица мужского и женского пола определены в работе как факты родо-половой транспозиции. Это языковое явление представляет собой нечто сродни эффекту «кривого зеркала», иными словами, это возможность взаимного преобразования одного признака в противоположный, транспозиция, изменение направленности референции в зависимости от актуализации тех или иных признаков в семантической структуре единицы или под влиянием контекста. Речь идет о транспозиции маскулинного на фемининное и наоборот.

Транспозиция *женского* на *мужское* в именовании мужчины – явление контрадикторное. Традиционно в славянской культуре, как уже было сказано, мужчине приписывались такие качества, как ум, сила, ответственность, объективность, надежность и умение принимать решения. Неудивительно, что для обозначения отсутствия таких стереотипных для мужчины характеристик язык избирает противоположные, «женские» формы. Болтливый, лживый, трусливый, «немужчинный» мужчина становится *бабой*. А. А. Тараненко отмечает, что метафорические переносы «форма женского рода» - «мужской пол» - «маскулинность» затрагивают лиц, которых номинатор считает (или просто хочет представить) глупыми, слабохарактерными, слабонервными, трусливыми, стыдливыми, не в меру болтливыми, чопорными и т.п., выражая, таким образом, отрицательное к ним отношение, приравнивая их к женщине [Тараненко 1993: 87].

Транспозиция женского наименования на мужское может осуществляться на уровне целостной формы маскулинного номинанта, несущего на себе маркер женского рода: рус. *баба, ветреница, проститутка, красная девица, истеричка, гимназистка, вертихвостка, любопытная Варвара, кисейная барышня, переезжая сваха, базарная баба, белоручка*; укр. *баба, свекруха, баба Параска, баба Палажка, язуката Хвеська, базарна баба, дівка на виданні, засватана дівка, кокетка, інститутка, продажна дівка*; польск. *baba, suka, kurwa męska, cnotka, dziwa, ciota, intelektualna prostytutka, dziennikarska prostytutka, sprzedajna dziwka*, чешск. *děvka, klepna, stará kurva, novinářská prostitutka, ženská zástěrka, marcipánová panenka* и др. Такой перенос женского наименования на мужское всегда вдвойне экспрессивен, поскольку при

транспозиции многих типично женских качеств на стереотипный образ мужчины они приобретают резко неодобрительное, пейоративное звучание³⁴.

Транспозиция фемининного на маскулинное может осуществляться также на уровне отдельных компонентов формы, аксиологично маркированных противоположным женским полом. Введение фемининных атрибутов в лексическую структуру мужского наименования сопровождается зачастую его оформлением грамматическим маркером мужского пола, что, однако, не влияет на экспрессивный потенциал мужского наименования.

Женоподобный, слабый или трусливый мужчина оценивается в исследуемых языках резко негативно. Об этом свидетельствуют номинации типа рус. *бабатя, бабуля, девуля, девуня, раздевуля* («женоподобный мужчина»), *бабьяк* («женатый раздевуля»)³⁵, укр. *бабич, бабій* («о нерешительном, разнеженном мужчине»)³⁶, польск. *babstel, babsztyl, babsztych, babsztrych, babus* («женоподобный, трусливый мужчина, ведущий себя как баба»)³⁷, чешск. *zbabělec, pobabělec, zženštilec, ženkýl, babstýl* («женоподобный, трусливый мужчина»)³⁸. Чрезмерное внимание мужчины к собственной внешности в лингвокультурном сознании носителей польского языка также приобретает отрицательную оценочность, ведь гипертрофированная любовь к красивым нарядам и стремление хорошо выглядеть - все же женская прерогатива: *laluś* «мужчина, чрезмерно заботящийся о своей внешности».

На уровне фемининного компонента формы осуществляется в этой группе наименований и транспозиция женского наименования на мужское, обозначающая изнеженного, разбалованного женским вниманием мужчину: рус. *маменькин сынок, мамин хвостик, бабеноч, бабенуш, бабий баловень, матушкин сынок, подподольник*³⁹, укр. *мамій, мамин синок*, польск. *taminsynek, synek tamusi, synuś tamusi*, чешск. *tatkař, tatinkář, taminčin mazlíček*.

³⁴ Ср. *белоручка* (о мужчине) и *белоручка* (о женщине): м. и ж. Неодобр. Тот (та), кто избегает физического труда, трудной или грязной работы [БТСРЯ/Кузн.]. Мужское наименование обнаруживает куда более сильную экспрессивную окраску, нежели женское: *Зоркий глаз старого моряка, бывшего любимого адъютанта Корнилова, сразу угадал в этом почтительно улыбающемся, чистеньком, франтоватом мичмане лодыря и одного из белоручек, «маменькиных сынков» и «племянничков», которые, благодаря моде, полезли во флот, доставляя немало неприятностей командирам судов, на которых плавали эти шалопаи* (К. М. Станюкович, «В море!»).

³⁵ ТСЖВРЯ/Даль.

³⁶ СУМ 1970-1980.

³⁷ SJP/Linde: 40-41.

³⁸ SSJČ 1989.

³⁹ Наименование эксплицирует метонимичную составляющую номинации: *подол*.

Интереснейшую и наиболее разнообразную группу наименований, обнаруживающих транспозиционный потенциал замещения мужской части номинации с помощью женской, представляют собой наименования мужчины, отражающие мужское поведение относительно женщин.

Подчиненное, зависимое отношение мужчины по отношению к женщине в этой группе единиц представляют номинации рус. *подкаблучник*, укр. *підкаблучник* («тот, кто находится в подчинении, под каблуком у жены»), польск. *pantoflarz*, *pantofel* («муж, подчиняющийся во всем своей жене»), *przydupas* («любовник»), чешск. *bačkora*, *pantoflový hrdina* («муж-подкаблучник»). Такие наименования демонстрируют, в первую очередь, образную ассоциацию, которая является метонимичной составляющей фемининной семы в значении номинации: каблук (рус. *подкаблучник*, укр. *підкаблучник*), тапочка (польск. *pantoflarz*, *pantofel*, чешск. *bačkora*, *pantoflový hrdina*), место пониже спины (польск. *przydupas*).

Широкую палитру наименований включает в себя группа номинантов мужчины, являющегося большим любителем женского общества. Это наименования рус. *бабник*, *девочник*, *юбочник*, *женолюб*, *блядун*, *женоугодник*, укр. *бабіій*, *баболюб*, *бабич*, *бабонюх*, *спідничник*, *дівчачур*, *дівчур*, *курваль*, *курвач*, польск. *babiarz*, *bawidamek*, *dziwkarz*, *kobieciarz*, *pies na baby*, *pies na kobiety*, чешск. *ženář*, *pannář*, *holkař*, *holčičkář*, *kuběňář*, *děvkář*, *čupkář*, *nevěstkář*, *kurvář*, *kurevník*, *robák*, *zástěrkář*, *spodničkář*, *sukenkář* и др. Мужчину, проявляющего повышенный интерес к женскому полу вообще, здесь характеризуют наименования: рус. *бабник*, *юбочник*, *женолюб*, *женоугодник*, укр. *бабіій*, *баболюб*, *бабич*, *бабонюх*, *спідничник*, польск. *babiarz*, *bawidamek*, *kobieciarz*, *pies na baby*, *pies na kobiety*, чешск. *ženář*, *robák*, *zástěrkář*, *spodničkář*, *sukničkář*, *sukenkář*; к девушкам – рус. *девочник*, укр. *дівчачур*, *дівчур*, чешск. *holkař*, *holčičkář*, *pannář*; мужчину, отдающего предпочтение общению с женщинами легкого поведения, - рус. *блядун*, укр. *курваль*, *курвач*, польск. *dziwkarz*, чешск. *kuběňář*, *děvkář*, *čupkář*, *nevěstkář*, *kurvář*, *kurevník*. Метонимичную составляющую фемининной семы в значении номинации демонстрируют «женские атрибуты»: юбка (рус. *юбочник*, укр. *спідничник*, чешск. *robák*, *spodničkář*, *sukenkář*) и передник (чешск. *zástěrkář*).

Высокую степень отрицательной экспрессии отражают пейоративные наименования, транспонированные на уровне фемининного компонента формы: рус. *сукин сын*, *сукин кот*, *блядин сын*, *выблядок*, *выблядыш*, укр. *виблядок*, *сукин син*, *скурвий син*, *скурвай*, польск. *skurwiel*, *skurwysyn*, *sukinsyn*, *sukinkot*, чешск. *kurvy syn*, *zkurvy syn* и др.

Как разновидность родо-половой транспозиции в группе мужских наименований квалифицированы и примеры существительных общего рода с женским родовым формантом *-a*, аксиологично маркированные женскими эталонными характеристиками. Наименования, потенциально содержащие формальные маркеры противоположного пола, зачастую проявляют различную степень пренебрежительности относительно мужского и женского референта. Типично женские характеристики, транспонированные на мужского референта, усиливают экспрессивность значения маскулинизма с женским родовым формантом *-a*, подчеркивая ироническое отношение к референту: ср. о мужчине – рус. *пакса, рева, тараторка*, укр. *базика, недоторка, верещака*, польск. *kuchta, beksa, gadula, ciamcia*, чешск. *kokta, tetýkavka, brepta, mluvka*. Оттенок пейоративности таких наименований обусловлен не только их транспонированным значением (отражающем скорее женские, нежели мужские черты характера), но и оформлением номинантов женским родовым формантом *-a*, который, безусловно, повышает уровень экспрессивной потенции слова⁴⁰.

Оригинальное по своей природе явление синтаксической феминизации мужских наименований обнаруживаем в чешском языке. Примером отступления от языковой нормы здесь является согласование маскулинизмов и существительных общего рода, потенциально именующих мужчину, с определением в форме прилагательного женского рода. Разнообразие оценочной семантики таких наименований колеблется от выражения позитивного восприятия референта (*síla chlap, kluk ušatá, milá bratr, chlap hromská, chudák stará*) до резко негативной его оценки (*kluk pitomá, pitomec pitomá, vůl volská, chlap svinská, kluk sakramentská, trouba troubská, hovado hovadská*).

Транспозиция мужского наименования на женское, равным образом, как и транспозиция фемининного на маскулинное, может осуществляться как на уровне целостной формы концептуально маскулинного номинанта, так и на уровне отдельных компонентов формы, аксиологично маркированных мужским полом.

Интересно, что перенос мужского наименования на женское здесь носит совершенно иной характер, нежели перенос женского наименования на мужское. Именуя женщину мужским наименованием в системе постпатриархатных координат языка, мы, тем самым, позиционируем ее как существо умное, сильное, рациональное и ответственное. Эти эталонно мужские характеристики, заключенные в семантике женской

⁴⁰ «Я убежден», - замечает П. Айснер, - «что в нашем языковом сознании существует четкое противопоставление биологического рода и окончания, которое воспринимается нами как женское. *Rozšafa* звучит куда более выразительно, чем *rozšafník, brepta*, чем *breptal, trulda*, чем *trulant, nezdara*, чем *nezdarník, štoura*, чем *štoural, pajda*, чем *pajdavec*» [Eisner 1998: 144].

номинации, предопределяют выразительную положительнооценочную коннотацию слова: ср. рус. *свой человек, наш человек, свой (в доску) парень, рубаха-парень, свой брат*; укр. *свій хлопець, хлопець-друга, козак, хвацький хлоп, мужик*; польск. *swój chłop, złoty chłop, chłop na schwał, prawdziwy mężczyzna*; чешск. *pravý muž, prima chlap, regúr*. Все эти примеры характеризуют женщину как решительного, смелого и верного в дружбе товарища. О положительной экспрессии в оценке эталонно мужских качеств женщины свидетельствуют и фразеологизмы: рус. *мужская хватка, мужская рука, мужская логика*, укр. *чоловічий характер, чоловіче рішення, чоловічий розум*, польск. *męska odwaga, męski czyn, męska godność*, чешск. *mužská mysl, mužská síla, mužská smrt* (применительно к женщине).

Противоположное в семантическом плане явление наблюдаем в исследуемых языках в случае, когда речь идет о внешних либо поведенческих характеристиках женщины. Мужевидная, мужеподобная женщина, а также женщина, обладающая мужскими повадками, оценивается в языке исключительно негативно: рус. *генерал в юбке, мужик в юбке* разг. ирон. «женщина, выполняющая мужскую работу», *мужик мужиком* «мужеподобная женщина; женщина, ведущая себя как мужчина», *супарень* муж., новг., костр. «мужловатая женщина, мужиковатая девка», *мужлан* иноск. «женщина мужеподобная», укр. *гренадер* «мужеподобная женщина», *термінатор* шутл.-ирон. «прозвище широкоплечей девушки», польск. *chłop w spódnicy* «мужеподобная женщина; женщина, ведущая себя как мужчина», чешск. *hořan* «девушка, ведущая себя как мальчишка», *kyrysar, pravý kyrysar* «женщина или девушка мощного телосложения» (*ta žena je pravý kyrysar*).

Семантически к этому типу единиц принадлежат и грамматические сращения типа польск. *babochłop, baba-chłop*, чешск. *baba chlap* разг. «мужеподобная женщина; женщина, ведущая себя как мужчина».

В группе единиц, обозначающих внешние, а также поведенческие характеристики женщины, обнаруживаем также наименования, транспозиция значения которых осуществляется на уровне компонентов формы, маркированных мужским грамматическим родом: рус. *пацанка, размужичье, бородуля, мужланка, мужлатка*, укр. *хлопчурниця*, польск. *chłopczyca*, чешск. *klučice, hochna, hořanka, mužatka, muženka*, что, однако, не влияет на экспрессивный потенциал таких наименований (ср. *пацанка* разг. «девушка с мужскими чертами характера», *размужичье* «полупарень, женщина, похожая по наружности, приемами, голосом и пр. на мужчину», *бородуля* «бородатая баба», *мужланка, мужлатка* «мужевидная, мужеподобная

женщина»; укр. *хлопчурниця* «дівчина, яка бігає за хлопцями», польск. *chłopczyca* разг. «мужеподобная девушка или девушка, ведущая себя как мужчина; также девушка, волочащаяся за парнями», чешск. *klučice, hochna* «девушка, волочащаяся за парнями», *hošanka* «девушка, поведением напоминающая мужчину», *tužatka, tuženka* «женщина, имеющая мужские черты характера, повадки, увлечения»).

Отдельную группу единиц, транспозиция значения которых осуществляется на уровне компонентов формы, маркированных мужским грамматическим родом, составляют факты оформления фемининных единиц противоположным родовым формантом: рус. *бабец* фам. «о привлекательной женщине»⁴¹, укр. *piddivok, divchuk* «девочка-подросток», польск. *babon, babus, babsztyl* разг. презр. «с неприязнью о женщине», чеш. *babec, baboch* презр. «старуха, женщина вообще». Исключения в плане отрицательной оценочности в этой группе наименований составляют только русский и украинский языки (рус. *бабец*, укр. *piddivok, divchuk*). Следует отметить, что слово *бабец* в русском языке обнаруживает нетипичное с точки зрения языковой нормы синтаксическое согласование в сфере жаргонной номинации: *ночная бабец* жарг. мол. шутол. «проститутка» [БСРП/Мок. 2007].

Как факты антисимметрии квалифицированы и примеры общего рода с женским родовым формантом – *a*, аксиологично маркированные мужскими характеристиками, потенциально содержащие формальные маркеры мужского пола: о женщине – рус. *ворюга, забулдыга, громила*, укр. *злodyга, волоцюга, дpузьяка*, пол. *toczygęba, pijaczyna, włóczęga*, чеш. *chlupatina, kořalista, ochlasta*. Степень пренебрежительности в семантической структуре женского наименования здесь более высока, чем в том же наименовании, называющем мужчину, ведь применительно к женщине такие характеристики, как пьянство, разгульное поведение, воровство, внешнее сходство с мужчиной становятся антиэталонными.

Особую подгруппу женских антисимметричных наименований составляют интимные обращения мужчины к женщине. Такое обращение зачастую сопровождается появлением уменьшительно-ласкательных суффиксов, эпитетов, перифраз: рус. *свет очей моих, ангелочек, малыш, котенок, масик, зайчик*; укр. *ангел мій, котик, зайчик, кичончик*; польск. *kotek, skarb, maluszek, kwiatuszek, aniołek*; чешск. *drahoušek, miláček, hlupáček, prcek, čertík*. Практически, будучи маскулинизмами, эти номинанты не только называют женщину, но и отображают сверхположительное

⁴¹ Такое определение слова *бабец* дает Большой толковый словарь русского языка [БТСРЯ/Кузн.].

отношение к ней со стороны мужчины. К этой группе относим и уменьшительно-ласкательные женские имена: рус. *Олюнчик, Галчонок, Танюшкин*; укр. *Галюнчик, Вірунчик, Олюсик*; польск. *Moniczek, Aniusiaczek, Justysiaczek, Kasiaczek*, чешск. *Veroušek, Anoušek, Maroušek*.

Все факты переноса как женских номинационных компонентов на мужское, так и мужских на женское иллюстрируют контрадикторные отношения между содержанием формы и формальным выражением семантики исследуемых единиц. Такое взаимное преобразование, транспозиция является отклонением от факта андроцентричности языка и находится на периферии системы, что дает основание квалифицировать его как антисимметричное.

2.2.4. Асимметричные отношения категорий *genus* и *sexus*. Анализ лингвистической литературы последнего времени, как уже было сказано выше, свидетельствует о том, что проблема асимметрии в языке и речи уже давно является объектом внимания многих языковедов, между тем исчерпывающее значение термина *асимметрия* в лингвистике донныне не определено.

Под асимметрией в системе наименований лица мужского и женского пола в работе понимается, согласно Б. С. Галимову и В. С. Готту, существование и становление в определенных условиях и отношениях различий и противоположностей внутри единства, тождества, отражающее появление несоответствий в количественных и качественных характеристиках структурных элементов языковой системы [Галимов 1981: 148; Готт 1972: 375-376].

В то время как симметрия, будучи категорией, обозначающей отношения тождественности в языковой системе, в нашей работе представляет собой достаточно четкую, слаженную и упорядоченную модель описания наименований лица, асимметрия являет собой довольно пеструю совокупность разнотипных по языковому характеру явлений.

Первую группу асимметричных наименований лица мужского и женского пола в нашей классификации составляют маркированные и немаркированные относительно рода и пола маскулинизмы и феминативы, реализующие действие механизма «включенности» женского грамматического рода в мужской (существительные мужского рода в генерализирующей

ф у н к ц и и , то есть для обозначения лиц любого пола). Действительно, языковая система обнаруживает множество примеров андроцентричной асимметрии «мужских» и «женских» категорий, когда один из классов представлен как автономный, а другой как неавтономный или менее автономный.

В сфере наименований лица семантическим звеном, определяющим возможность употребления мужского рода в генерализирующем значении, является включенность лиц мужского и женского пола в семантический объем мужского номинанта [Архангельская 2011: 45]. Номинативные возможности маскулинизма, таким образом, гораздо более широки, сема пола здесь оказывается иррелевантной, тогда как женский номинант зачастую маркирован относительно пола и несет на себе четкую семантику «женскости».

Славянские языки, как и многие другие, предпочитают «мужские» формы женским. Так, например, для выражения обобщенно-собирательного значения из семантически и формально тождественной коррелятивной пары рус. *актер – актриса*, укр. *актор – акторка*, польск. *aktor – aktorka*, чешск. *herec – herečka* для обозначения человека вообще по роду занятий выбирается именно мужской род – *актеры, актору, aktorzy, herci* как немаркированный и актуализирующий функцию включения. Согласовательная конструкция в польских и чешских предложениях, соответственно, тоже строится по мужскому грамматическому роду: польск. *Wybitni aktorzy wzięli udział w ceremonii wręczenia nagród* (Feminoteka.pl, 09.12.2005); чешск. *Karel Roden stejně jako další herci jsou ve filmu převedeni do kreslené podoby* (IHNEC.cz, 24.10.2011)⁴². В контекстах обобщающего характера во всех исследуемых языках неспецифицированное по полу значение выражают существительные мужского рода в единственном числе: рус. *Дорогой читатель! Вот мы и подошли к концу нашей книги* (Библия Онлайн, 2003-2014); укр. *Отже, дорогий читачу, у тебе в руках повість "Монолог перед обличчям сина"* (Час і події, 07.09.2009); польск. *Drogi Czytelniku! Publikacja którą trzymasz w ręku, jest intelektualnym fundamentem Turkusowej Rewolucji w Polsce czyli społecznych i politycznych przemian, które wprowadzą w Polsce ustrój demokracji bezpośredniej* (Demokracja Bezpośrednia, 03.01.2013); чешск. *Vážení čtenáři, pohlédni do zrcadla i do duše a možná si domů přivedeš tohle kudrnaté sluníčko* (Blesk.cz, 24.10.2011).

⁴² Более того, даже в случаях, когда подлежащее выражено словосочетанием сочинительного типа, одним из членов которого является неличное существительное либо название животного, польский и чешский языки избирают согласование по мужскому грамматическому роду: пол. *Dziewczyna i jej pomarańczowy motocykl widoczni byli z daleka; Niechlujna kobieta i jej wyliniały kot byli częstym przedmiotem żartów* [Karwatowska, Szpyga-Kozłowska 2005: 51]; чешск. *Zmocněnec se případu ujal s nebývalou chutí a navrhl přísné vyšetření, zda Znamenáčková a její pes byli řádně očkováni proti nakažlivým chorobám a pokud nikoli, zda nedošlo ke kontaminaci rasové menšiny a tudíž i k újmě jejich práv a svobod* [<http://ikarie.vecnost.cz/techno/199910.html>].

Асимметричный характер в коррелятивных парах наименований в этой группе вызван, в первую очередь, несоответствием объема семантического значения мужского и женского наименований, поскольку семантический объем маскулизма всегда оказывается шире. Бывают, однако, и исключения из правила. В реальном словоупотреблении находим примеры, где соотношение между членами бинарной оппозиции оказывается обратно пропорциональным. Таким исключением являются диссимметричные по своей природе наименования общего рода (являющиеся грамматическими феминативами): ср. рус. *Член комитета Госдумы РФ по международным делам Ян Зелинский подготовил обращение к министру иностранных дел Сергею Лаврову с просьбой включить в число персон нон-грата на территории России некоторых лидеров Евромайдана, сообщают Известия (Izvestia.ru, 24.01.2014);* укр. *Харківський міський центр реінтеграції бездомних осіб є комунальним закладом соціального захисту з комплексного обслуговування бездомних осіб, діяльність якого спрямована на поступове повернення особи до самостійного повноцінного життя шляхом надання їй соціальних послуг з урахуванням індивідуальних потреб (Esm.kharkov.ua, 11.02.2014);* польск. *Proszę mi wierzyć, że podejmując ślubowanie adwokackie wiedziałem, że zobowiązuję się do tego, aby bronić różne osoby (Tvn24.pl, 24.01.2014);* чешск. *Jak zachránit Beskydy před Korejci nestydy? (Kurzy.cz, 28.03.2006).*

Вторую группу асимметричных наименований в исследуемых языках образуют пары коррелятов имен собственных, которые, в противовес нарицательным, конкретизируют значение маскулизмов и феминативов, служат для идентификации отдельной личности.

Первую подгруппу здесь составляют антропонимы-онимы, асимметрия значения которых рассматривается в славянских языках с точки зрения несимметричного (демаскулинного, реже дефемининного) характера их словообразующей основы. Демаскулинный вектор образования феминативов обнаруживается уже в наиболее древних коррелятивных парах имен мужских и женских языческих божеств: рус. *Род – Рожаница, Перун – Перуница*, укр. *Лель (Полель) – Леля, Див – Дива*, пол. *Perun – Perperuna, Żywie - Siwa (Żywa, Żywia)*, чешск. *Rod – Rožanice, Perun – Perperuna (Perperuna)*. В то же время система собственных имен «земных» людей свидетельствует о проявлениях как гетеронимической дифференциации мужских и женских языческих имен: рус. *Кощей, Орел, Храбр // Краса, Алена, Милава*, укр. *Кий, Вовк, Гавран // Калина, Прекраса, Либідь*, пол. *Gniewosz, Dąb, Strach // Krasa, Milada, Kalina*, чешск. *Hroznata, Mstiš, Bivoj // Růžena, Vesna, Květava*, так и словообразовательной их дифференциации.

Общей для всех славянских языков является тенденция, тяготеющая к образованию женских антропонимов от мужских композитных имен с помощью феминизирующего форманта *-а*: рус. *Казимир* → *Казимира*, *Добромил* → *Добромила*, *Владимир* → *Владимира*, укр. *Ярослав* → *Ярослава*, *Броніслав* → *Броніслава*, *Богдан* → *Богдана*, пол. *Mirosław* → *Mirosława*, *Ścibor* → *Ścibora*, *Sławomir*, *Sławomiar* → *Sławomira*, чешск. *Radoslav* → *Radoslava*, *Vladan* → *Vladěna*, *Jaromír* → *Jaromíra*. Многие имена неславянского происхождения обнаруживают аналогичную тенденцию; формирование отмаскулированных женских имен распространяется в этом случае и на корневые имена: рус. *Василий* → *Василиса*, *Евгений* → *Евгения*, *Александр* → *Александра*, укр. *Анастасій* → *Анастасія*, *Євламій* → *Євламнія*, *Олесь* → *Олеся*, пол. *Damian* → *Damiana*, *Eugeniusz* → *Eugenia*, *Zenon* → *Zenona*, чешск. *Petr* → *Petra*, *Denis* → *Denisa*, *Michal* – *Michaela*. Таким образом, демаскулированная доминанта прослеживается во всех языках и в системе христианских имен, исключение составляет лишь мужское имя *Марьян* (укр. *Мар'ян*, пол. *Marian*, чешск. *Marián*), что объясняется марианским культом.

С точки зрения отношений симметрии рода и пола антропонимы-онимы всегда асимметричны, ведь при полном формальном согласовании и внешнем семантическом сходстве они обнаруживают радикальные несоответствия во внутреннем семантическом значении, связанные с демаскулированным (редко дефемининным) характером словообразовательной основы.

Вторую подгруппу в этой группе наименований составляют пары коррелятов отыменных фамилий мужчины и женщины, происходящих от личного имени: большинство таких фамильных наименований являются исконными патронимами, обозначающими сына своего отца: рус. *Ильин*, *Романов*, укр. *Іваненко*, *Петренчук*, пол. *Jurkowicz*, *Klemesiewicz*, чешск. *Michalec*, *Tománek*.

Фамилии, образованные от мужских и женских личных имен, во всех славянских языках составляют, по сравнению с другими семантическими группами, одну из наиболее многочисленных. Это вполне закономерно, поскольку, как отмечает Ю. К. Редько, на начальных этапах развития человеческого общества люди не имели фамилий, но даже в тот период не могли обходиться без имени [Редько 1966: 8]. Позже возникла потребность в распознавании людей, которые имели одинаковые имена, а впоследствии - и в создании постоянных фамилий, мотивационной базой для которых стали именно имена - преимущественно отца, матери или деда.

Отыменные фамилии во всех славянских языках исконно выполняли собственно патронимическую (реже матронимическую) функцию. Прежде всего это касалось

необычных, редкоупотребимых имен (ср. например, польские имена *Damaży, Klemens, Sylwester*), позже эта тенденция распространилась и стала для славянских языков устойчивой [Bystroń 1927: 15]. Сына *Zoma, Изома* называли *Зотовым, Изотовым*, сына *Петра – Петренчуком, Przybysława – Przybyszewskim*, сына *Marka – Markovičem*. До сих пор поражает многообразие способов образования этого типа фамилий. Например, от имени *Piotr* в польском языке происходят такие фамилии: *Pietrasz, Pietraszek, Pietraszak, Pietruszko, Pietrucha, Pietruszka, Pietroń, Pietrus, Pietrzak, Pietrzyk, Piestrzak, Pietrowiak, Peter, Peterek, Petryczek, Petras, Petraś, Petri, Petry, Petrino, Petrulewicz, Pietraszkievicz, Pietrkiewicz, Pietrowicz, Piotrowicz, Pietrusiewicz, Pietrkiewicz, Piotrowski, Piotraszewski, Petrażycki, Piestrzyński, Pietracki, Pietruszyński, Pietrykowski, Pietrycki, Pietrzykowski*, от имени *Иван* в русском языке: *Иваненко, Иванец, Ивановец, Иванович, Иванишын, Иванко, Ишутин, Иванишко, Ивакин, Иваков, Иванаев, Иваненков, Иваников, Иванилов, Иванин, Иванисов, Иваничев, Иванишев, Иванишин, Иванищев, Иванкин, Иванков, Иванников, Иванов, Ивантеев, Ивантьев, Иванусьев, Иванушкин, Иванцев, Иванцов, Иванченков, Иванчиков, Иванчин, Иванчов, Иванишинцев, Иванютин, Иванюшин, Иваньев* и другие.

Поскольку все исследуемые языки, будучи постпатриархатными, являются объективно маскулиноцентричными, то и корпус собственно отыменных фамилий тяготеет, прежде всего, к образованию фамилий от имен мужчин. Фамилиями, производными от имени, являются фамилии типа: рус. *Захаров, Фомичев, Михайлов, Андреев, Алексеев, Мелехов*, укр. *Антипенко, Самсонюк, Янковенко, Іванів, Клименко, Пулипович*, пол. *Antoniewicz, Bohdanowski, Marciniec, Łukaszewicz, Stasiak, Walentynowicz*, чешск. *Adamovič, Josefčák, Matějček, Jakubec, Janáček, Vondráček*.

Гораздо реже встречаются в исследуемых языках фамилии, в основе которых лежат женские имена (матери или жены). Потомки, как правило, получали прозвище, а впоследствии фамилию, производную от имени отца или деда, и только в отдельных случаях, когда отец был неизвестен, давно умер, бросил семью, и все бремя содержания семьи и воспитания детей несла мать, дети получали фамилию от ее имени [Редько 1966: 8]. Польский исследователь Я. Ст. Быстроень добавляет, что фамилии этого типа возникали и тогда, когда мать была более известной или более состоятельной, чем отец ребенка, когда она была богаче или темпераментнее мужа (сын *Doroty*, соответственно, получал фамилию *Dorociak*, мужа *Weroniki* или *Justyny* звали *Justynin* или *Weronin*, *Jewiarz* – это любовник *Ewy*) [Bystroń 1927: 17]. Фамилии этого типа в исследуемых языках немногочисленны: рус. *Варварин, Варваркин, Галин, Маришин, Марушин, Марьин*, укр. *Маренко, Маланчин, Горпинич, Гасюк, Одокієнко, Катрич*, пол. *Gierczak, Gertrudziak*,

Magdziarczyk, Jewański, Esterczyk, Maryniaczyk, чешск. *Hana, Marušák, Vendulák, Běták, Frančin, Žofka*.

Рассмотрим материал славянских отыменных фамилий с точки зрения родо-половых оппозиций. Патронимический или матронимический подход к образованию отыменных фамилий свидетельствует о том, что на уровне семантики словообразовательной основы пары коррелятов мужских и женских фамилий асимметричны по смыслу: маскулинонаправленный характер асимметрии обнаруживают фамилии, образованные от мужских имен типа *Иванов, Пулипович, Łukaszewicz, Vondráček*, феминонаправленная смысловая асимметрия характерна для фамилий типа *Марьин, Горпинич, Maryniaczyk, Vendulák*.

Третью группу асимметрии образуют пары наименований мужчины и женщины, различные по денотативному и/или прагматическому значению. Первую подгруппу наименований здесь составляют пары формально симметричных коррелятов маскулинизмов и феминативов, которые, будучи языковыми омонимами, реализуют в исследуемых языках не мощию, а квазимощию: противопоставление грамматических и формальных показателей мужского и женского рода не отображает симметричного семантического противопоставления описываемых объектов действительности. Различными по денотативному значению являются пары мужских и женских наименований типа: рус. *машинист* 1. «Рабочий, управляющий машиной», 2. «Специалист рядового состава на кораблях флота, в обязанности которого входит управление главными машинами и вспомогательными механизмами и уход за ними», 3. «Работник железнодорожного транспорта, метрополитена, водящий поезда», 4. «Работник, в ведении которого находится оборудование сцены, смена декораций во время спектакля и т.п. (в театре)» - *машинистка* 1. «Женщина, работающая на пишущей машинке», 2. «Швея, работающая на швейной машине»; укр. *друкар* 1. «Фахівець друкарської справи, поліграфічного виробництва», 2. «Той, хто працює в друкарні», 3. спец. «Той, хто працює в друкарському цеху» - *друкарка* «Жінка, що друкує на друкарській машинці»; пол. *klucznik* 1. «urzędnik zarządzający kluczem majątków ziemskich; później godność honorowa», 2. daw. «osoba mająca pod swoim zarządkiem klucze od czegoś» - *kluczniczka* «ochmistrzyni we dworze zarządzająca gospodarstwem

domowym», чешск. *pastýř* 2. cirk. «(o Kristu, knězi) ochránce, vzdělavatel lidu» - *pastýřka* 2. ob. «žena pastýře»⁴³.

Вторая подгруппа наименований с этим типом асимметрии характеризуется двумя ее уровнями: асимметричные отношения в парах мужских и женских наименований проявляются как на уровне денотативного, так и на уровне прагматического значения наименования. Примером такого рода асимметрии являются наименования типа: рус. *дальнобойщик* 1. разг. «Водитель дальнобоя - тяжёлого большегрузного автомобиля с прицепом-фургоном для междугородных и международных перевозок, которым управляют дальнобойщики, перевозящие грузы на дальние расстояния», 2. разг. «Тот, кто уезжает на заработки в дальние края на долгое время», 3. разг. «Бегун на марафонские и сверхмарафонские дистанции» - *дальнобойщица* разг. «Проститутка, обслуживающая дальнобойщиков», *куртизан* «Волокита, желающий пользоваться успехом у женщин; в первонач. значении «ловкий придворный, хитрый и льстивый» - *куртизанка* «Женщина легкого поведения, вращающаяся в высшем обществе», укр. *трасовик* «Той, хто прокладає трасу» - *трасовичка* мол. «Повія, яка обслуговує клієнтів на автотрасах», *вуличник* заст. «Той, хто не має притулку; безпритульний, бродяга» - *вуличниця* «Вулична жінка (дівка)», пол. *tirowiec* «zawodowy kierowca Tira» - *tirówka* pogard. « prostytutka szukająca klientów wśród kierowców TIR-ów», *chłopiec* 1. «dziecko płci męskiej», 2. «młodzienc», 3. «młody mężczyzna będący sympatią dziewczyny», 4. daw. «młody pracownik

⁴³ Особую подгруппу в этой группе наименований образуют андронимы. Подобно терминам *патроним* и *матроним*, и термин *андроним* не имеет в изучаемых языках дефиниции, покрывающей весь его семантический объем. Под андронимом (маритонимом) обычно понимают собственное именование женщины по имени, фамилии или прозвищу ее мужа: рус. *Астраханская* от *Астраханский*, пол. *Mazurowa* от *Mazur*, *Zarembina* от *Zaremba*, чеш. *Kučerová* от *Kučera*, *Nováková*, *Novačka* от *Novák* [СЛП/Ахм. ССЛП: 344; Bystroń 1927: 63-64; Pastyřik 2010], в украинской лингвокультуре – это еще и уличное прозвище жены по фамилии или имени ее мужа: *Терпелиха* – жена мужа по фамилии *Терпило*, *Бондаренчиха* - жена мужа по фамилии *Бондаренко*, *Долинючка* – жена мужа по фамилии *Долинюк*, *Кайдашиха* – жена мужа по имени *Кайдаш* [Чучка 2000: 26; ССЛП: 34; Смольянинова, Волинкина 2011; SLNF/Lotko]. Однако и здесь дефиниции понятия «андроним» не исчерпывают всего многообразия андронимических номинантов, исключая из их состава, таким образом, широко бытовавшие в славянских лингвокультурах наименования жен по профессии, социальному, сословно-должностному, имущественному статусу, демографическим характеристикам мужа: ср. рус. *кузнец* – *кузнечиха* разг.-сниж. «жена кузнеца», *бондарь* – *бондариха* прост. «жена бондаря», укр. *москаль* – *москалиха* заст. «дружина москаля», *коваль* – *ковалиха* розм. «дружина коваля», пол. *wojewoda* – *wojewodzina* daw. «żona wojewody», *kowal* – *kowalicha* reg. «żona kowala», *učitel* – *učitelová* заст. «žena učitele», *kovář* – *kovářka* об. «žena kováře».

Такие наименования, подобно как и патронимические, находятся на периферии традиционной моции. Лексическое значение производного слова при создании формально симметричного коррелята сильно трансформируется. З. Русинова даже настаивает, что из сферы мовирования следует исключить андронимы – названия жен, производные от названий мужей по профессии, роду деятельности, социальному статусу, а также по демографическому признаку (*kovářka*, *hejtanka*, *učitelová*, *hrobnice*, *královná* и т.п.), поскольку их семантика оказывается шире, чем при классической моции (семантическая операция при этом осуществляется на разных денотатах). Исключениями могут стать наименования типа *krejčová*, - не только жена портного, но и женщина-портной. Именно на основании второго значения З. Русинова предлагает квалифицировать такие наименования как моцию. Остальные же – как мутацию [Rusínová 2004: 232].

wykonyjący pomocnicze prace» - *chłopczyca* 1. pot. «dziewczyna podobna do chłopca lub zachowująca się jak chłopiec», 2. pot. «dziewczyna zabiegająca o względy chłopców»⁴⁴, чешск. *hampejzník* zhrub. «návštěvník hampejzu» - *hampejznice* zhrub. «nevěstka; majitelka nevěstince», *profesionál* «špičkový odborník ve svém povolání» - *profesionálka* «prostitutka».

Третью подгруппу асимметричных наименований в этой группе асимметрии образуют формально симметричные маскулинизмы и феминативы, равнозначные по денотативному значению, но различные по прагматике. На уровне прагматического компонента значения, включая и несоответствие стилистических характеристик, различаются рус. *гренадер* 2. перен. разг. «Рослый, плечистый человек» - *гренадерша* 2. шуточн. «Женщина высокого роста, мужиковатая; мужланка», *урод* 2. перен. разг. «Человек с некрасивой, безобразной внешностью», 3. перен. разг. «Человек с дурными, неестественными привычками» - *уродка* разг.-сниж. «Женск. к сущ. урод», укр. *дурень* розм. «Розумово обмежена, тупа людина» - *дурена* зневажл. «Розумово обмежена, тупа жінка», *байстрюк* зневажл. лайл. «Позашлюбний син» - *байстрючка* зневажл. «Позашлюбна дочка», пол. *brzydal (brzydul)* «człowiek brzydki» - *brzydula* pot. «z odcieniem pieszczotliwości, życzliwości o kimś brzydkim (zwykle w zastosowaniu do istot rodzaju żeńskiego)», *Cygan* 1. «człowiek z koczowniczego plemienia indoeuropejskiego rozproszonego w Europie i Azji», 2. «człowiek prowadzący życie nieuporządkowane, nie ustabilizowane, beztroskie; człowiek prowadzący wędrowny tryb życia, włóczęga» - *Cyganicha* «zgrubiale, pogardliwie o Cygance», чешск. *fešák* 1. fam. «švarný člověk, švihák», 2. slang. expr. «pohledný muž» - *fešačka* «f. k fešák 1.» и другие⁴⁵.

Четвертую группу асимметричных наименований в исследуемых языках образуют пары коррелятов мужских и женских наименований, характеризующихся нетипичным для маскулиноцентричных славянских языков дефемининным вектором образования маскулинизма.

Образцами изначально дефемининного словообразования в славянских языках можно по праву считать пары типа рус. *кум* «Крестный отец по отношению к крестной матери и к родителям крестника; отец ребенка по отношению к крестному отцу и

⁴⁴ Заметим, что, наравне с наличием в этой коррелятивной паре двух различных денотатов, а также негативным оценочным значением женского коррелята (внешнее сходство девушки с мужчиной никогда не оценивается в языке положительно) пара наименований *chłopiec – chłopczyca* характеризуется также выразительным демаскулинным вектором образования феминатива (слово *chłopiec* в этом случае определяет негативную смысловую нагрузку женского коррелята).

⁴⁵ Здесь мы всецело руководствуемся дефинициями и стилистическими и стилевыми маркерами, зафиксированными в словарях, хотя не исключаем того, что понимание и трактовка специальных помет с точки зрения составителей словарей может отличаться определенным субъективизмом.

крестной матери» ← *кума* «Крестная мать по отношению к крестному отцу и к родителям крестника; мать ребенка по отношению к крестному отцу и крестной матери», *дояр* «Работник животноводческой фермы, доящий коров (обычно доильным аппаратом) и ухаживающий за ними» ← *доярка* «Работница животноводческой фермы, доящая коров и ухаживающая за ними», укр. *сусід* «Той, хто мешкає поруч, поблизу кого-небудь» ← *сусіда* «Жіночий рід до сусід», *вдівець* «Чоловік, який після смерті дружини не одружився вдруге» ← *вдова* «Жінка, яка після смерті чоловіка не одружилася вдруге», пол. *supergwiazdor* «gwiazdor filmowy, piosenkarz itp. o światowej sławie» ← *supergwiazda* «gwiazda filmu, estrady, sportu itp. o światowej sławie», *dojarz* «mężczyzna dojący krowy» ← *dojarka* «kobieta zajmująca się dojeniem krów; dójka», чешск. *pradlák* «kdo se zabývá praním (v průmyslových prádelnách), pradlář» ← *pradlena* «žena zaměstnávající se praním prádla», *kmotr* «zástupce dítěte při křtu n. biřmování» ← *kmotra* «zástupkyně dítěte při křtu n. biřmování».

Дефемининный вектор словообразования имеет место и в иной, достаточно специфической сфере наименований, связанных с сексуальной жизнью либо сексуальным поведением референта: рус. *блудник* ← *блудница*, *развратник* ← *развратница*, укр. *стриптузер* ← *стриптузерка*, *проститут* ← *проститутка*, пол. *striptizer* ← *striptizerka*, *puszczalski* ← *puszczalska*, чешск. *záletník* ← *záletnice*, *putifář* ← *putifářka*.

Создание женских коррелятов от мужских в славянских языках является вековой языковой традицией, дефемининный же вектор словообразования – явление исключительное, именно поэтому есть основания классифицировать этот феномен как проявление языковой асимметрии, отступление от общеязыковых правил демаскулинного образования феминативов.

Языковая асимметрия в русском, украинском, польском и чешском языках проявляется и на уровне количественно-качественных семантических характеристик многих парных мужских и женских наименований. *Урод* в русском языке – это 1. «Человек с физическим уродством», 2. «Человек, некрасивый до безобразия», 3. «Человек с какими-н. дурными, отрицательными свойствами; нравственный урод», в то время как *уродка* – это исключительно «ж. То же, что урод (во 2 знач.)», украинское слово *кумась* обозначает ласк. «кум», *кумась* же не только 1. ласк. «кума», но и перен. пренебр. 2. «Женщина, которая разносит сплетни», аналогично польское слово *czarodziej* «w bajkach: człowiek mający moc czynienia czarów» не соответствует по объему и количеству значений женскому наименованию *czarodziejka* 1. «w bajkach: kobieta mająca moc czynienia czarów», 2. «o kobiecie pięknej, czarującej»,

чешское *frajer* – это 1. dial. «milenec», 2. «člověk, který chce u druhých vzbuzovati dojem nastrojeným zevnějškem a okázalým chováním, obletuje ženy; parádník, fešák, švihák, zástěrkař», 3. «hejsek, darebák», а вот *frajerka* третьего значения уже не имеет: 1. dial. «milenska», 2. «strojivá, fintivá, namlouvačná žena».

Асимметрия в парах коррелятивных наименований мужчины и женщины – явление разноплановое и разнохарактерное. Она может проявляться как на уровне генерализирующей функции маскулинизма в сравнении с феминативом, так и на уровне несимметричного характера словообразующих основ (ср. вторая и четвертая группы асимметрии в нашей классификации). Отдельную группу асимметричных наименований составляют различные по денотативному и прагматическому характеру значения маскулинизмы и феминативы.

Обобщение анализа симметрично-асимметричных относительно значения грамматического рода и семантического пола номинативных единиц маскулинного и фемининного характера дает основания говорить о значительном многообразии таких отношений в системе наименований лица, о сходствах и различиях проявления таких отношений в русском, украинском, польском и чешском языках. Кроме того, здесь имеет место явление, названное Н. Ю. Шведовой «пересечением классов» [РСС, Т.1: 12]: единицы одной лексико-семантической группы могут включаться в различные отношения на шкале симметрия – диссимметрия – антисимметрия – асимметрия.

В целом изучение симметрично-асимметричных отношений экспликации рода и пола в системе наименований дало возможность определить те «незаполненные клетки» сексуальных парадигм и «незаполненные клетки» в семантике их составляющих, которые в изучаемых языках потенциально можно компенсировать.

ГЛАВА III

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ НОМИНАЦИОННЫХ ФЕМИНИННЫХ ЛАКУН И ТЕНДЕНЦИЯ ФЕМИНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

3.1. Специфика лакунарности в системе наименований лица с родо-половым маркером

Г. В. Быкова, исследуя явление лакунарности на широком языковом материале, замечает, что появлению новых слов не всегда предшествуют лакуны [Быкова 2003]. Однако специфика исследуемого нами материала свидетельствует о том, что именно лакунарность как категория относительного отсутствия женского коррелята с формальным маркером фемининности спровоцировала зону напряжения на этом участке номинативной системы. В нашем случае имеет место не собственно отсутствие понятия фемининности относительно родо-половых лексем, а лексическая его необъективированность. Женщина по профессии, роду занятий, социальному статусу – уже давно бытующая реалья, которая прежде обозначалась в большинстве исследуемых языков либо описательно (с помощью согласовательных конструкций, аппозитивных синтагм), либо с помощью категории маскулинности (маскулинизм в генерализирующей функции). В нашем случае речь идет главным образом о внутренних преобразованиях в языке. Неофеминативы, которые станут следующим объектом изучения, не обозначают новых понятий, объектов – они возникают для «переименования» в тех фрагментах языковой системы, которые по определенным причинам не удовлетворяют носителей языка и создают определенные неудобства в речевой практике. Говорящие стремятся избавиться от расчлененного или фемининно немаркированного обозначения реалии, пытаются выразить его однословно. Таким образом, в нашем случае речь идет о феминизированном содержании, лишенном до поры однословной звуковой оболочки. В исследовании в качестве рабочего будет принято узкое понимание лакуны: я з ы к о в а я

лакуна - отсутствие в языковой системе однословного фемининно маркированного наименования лица женского пола.

По Ю. Ю. Липатовой, лакунарным может быть и любой компонент и даже отдельная сема лексического значения, и конкретный предмет, и шире – информация, что сопровождает это явление в сознании носителей языка [Липатова 2005]. В нашем случае лакунарным оказывается формальный маркер фемининности как категория отсутствия, которую в последнее время соотносят с понятиями «гендерной опустошенности» словообразовательных парадигм. Сам факт отсутствия женского коррелята к мужскому наименованию называют «незаполненными клетками», «нереализованными единицами», «невербализированными гендерными пустотами», «импликациями», «гендерной лакунизацией», «опустошением женских словообразовательных парадигм»⁴⁶ [Анохіна 2011: 13; Швачко 2012; Горденя 2011: 54; Мінаєва 2007; Нелюба 2009а: 135-140].

Номинативные *маскулинные* лакуны в пределах одного языка относятся к жестким и обнаруживаются там, где в связи с «давлением» неязыковых факторов наименование женского рода представлено как «отдельность», а наименование мужского рода не сигнализируется, т.е. не находит общественно закрепленного (вербального) выражения (В. И. Жельвис). Это наименования *feminina tantum*: укр. *породілля, повитуха, прачка*, рус. *кормилица, фрейлина, рукодельница*, пол. *położnica, położna, frejlina*, чеш. *šestinedělka, úvodnice, kojná, osudnice*.

Номинативные фемининные лакуны имеют место в двух случаях. Первый – связанный с био-социо-культурными «запретами» на парный феминатив, которые являются достаточно жесткими и устойчивыми. Это наименования *masculina tantum*: укр. *бородань, імпотент, бас, двоєженець, кат, кожум'яка*, рус. *усач, кастрат, рогоносець, писар, гардемарин, подкаблучник*, пол. *gwalciciel, zbój, cieć*, чеш. *plešák, kominář, bačkorář, hrobník, feldkurát*, формирующие жесткие лакуны. Во втором случае (нежесткая лакунарность) преобладают ограничители лингвального порядка (фонетико-структурные особенности производящей основы, непродуктивность словообразовательной модели, семантико-стилистическая маркированность отдельных феминизирующих суффиксов, потенциальный конфликт омонимов, языковая традиция и др.): укр. *геолог, картограф*,

⁴⁶ В словообразовании *парадигму* квалифицируют как комплексную словообразовательную единицу, подобную словоизменительной (морфологической) парадигме исходя из того, что особенности словообразования ярко проявляются в процессе его сопоставления с морфологией [Земская 1973: 204]. Специфической особенностью словообразовательных парадигм является то, что они характеризуются наличием потенциально возможных дериватов, то есть отдельные семантические позиции в структуре словообразовательной парадигмы могут быть незаполненными, поскольку их значение выражено не дериватами исходного слова, а другими средствами выражения этого значения [Валух 2011: 137].

водовоз, закарпатець, рус. казнокрад, флегматик, практик, петербуржец, итукатур, грибник, пол. *biegun, szpieg, magister*, чеш. *zoolog, kardiochirurg, kojenec, génius, chemik*. Заполнение таких лакун в конкретных языках осуществляется через устранение женско-половой непрозрачности с помощью компенсаторов, квазиподобных маскулинно-прозрачной единице с помощью инновационных единиц (неофеминативов). Под компенсатором понимается средство априорного устранения коммуникативного дискомфорта, указание на общеродовую сферу непрозрачности (В. Г. Быкова). В межъязыковой лакунарности, под которой традиционно понимается отсутствие какой-либо единицы в одном языке при его наличии в другом, и средствах компенсации больше, чем в каком-либо другом явлении, отражается национальная специфика языка и национально-языковой традиции [Сорокин 1982: 22-28; Рябова 1997]. Тенденции, связанные с этой проблемой, взятые в сопоставительном плане, также способны выявить специфику лингвокультурной интерпретации и компенсации фемининой лакунарности в изучаемых языках.

До недавнего времени так наз. «гендерные лакуны», в нашей терминологии лексические фемининные лакуны (собственно лексические фемининные лакуны, лексико-словообразовательные фемининные лакуны, сегментные фемининные лакуны) и стилевые фемининные лакуны, оставались в латентной зоне, однако в «пиковые» периоды развития языков они оказываются в зоне пристального внимания (20-30-е годы XX века, современный нам период конца XX - начала XXI века), начинают ощущаться как нечто странное, как неоправданное «отсутствие присутствия» феминизированного наименования в номинативной системе языка, которое требует интерпретации и обязательного эксплицирования. Такие лакуны проявляются в различиях мужского и женского картирования действительности, в частности, в различной степени вербальной концентрации и детализации понятий мужчина (человек) и женщина, в несоответствии объемов соответствующих понятий и в определенных стилистических ограничениях на употребление феминизированных наименований в книжных типах речи. Попытки их компенсации связаны с явлением языковой антиномии: почему в одних случаях узуальные коррелятивные пары есть (рус. *преподаватель – преподавательница, диссертант - диссертантка*), а в других – нет (укр. профессор – Ø)? Если они представлены в разговорной речи (укр. *професорка, директориня, філологиня* и под.), то почему их не нельзя употребить и в других стилях речи? Подобные антиномии являются в данном случае причиной и следствием существования лексической лакунарности, но в то же время они становятся стимулами для заполнения языковых лакун.

На современном этапе развития славянских языков в их лексиконе появились как реализованные «потенциальные» слова, фемининные инновации, которые еще не полностью интегрировали в языковые системы в силу определенных причин главным образом лингвального характера. Попытка создания в языке новых слов для уже вербализированной в языке фемининной семантики путем исключения из языка по каким-то причинам «неудобных» средств объективации этого содержания на основании тезиса о языковой экономии и эмансипации женщины в языке служит стимулом для разрешения «динамичного напряжения» в языке: означаемое, реально бытующее в языковом сознании говорящих, ожидает своего однословного феминизированного означающего. Накопление этих элементов под влиянием принципа аналогии определенным образом форсирует развитие тенденции к заполнению наличествующих в номинативных системах лексико-словообразовательных лакун с целью выравнивания несбалансированности маскулинного и фемининного на этом участке языковой системы. Поэтому задачей данного раздела станет проследить динамику языкового развития русского, украинского, польского и чешского языков с помощью среза лакун, путей и средств их компенсации на внутриязыковом и межъязыковом уровнях, исходя из тезисов: «Лакуну необходимо исследовать не в синхронном, но в диахронном контексте» [Муравьев 1975: 23]; «Явление лексической лакунарности непосредственно связано с понятиями система, структура, элемент, то есть коррелирует с понятием структурности системы» [Быкова 2003]; образование неологизма как компенсатора языковой лакуны обязательно предполагает знание номинатором системы языка, наличие у него языкового чувства и языкового такта.

Изучение лакунарности на этом участке номинационной системы важно и в связи с уточнением объема терминов *симметрия* и *асимметрия* в системе номинантов лица, поскольку во многих работах под симметрией здесь понимается простое наличие у маскулиннизма женского коррелята, под асимметрией – его отсутствие. Как было показано выше, симметрия и асимметрия в этой сфере наименований имеют иное терминологическое наполнение, а отсутствие коррелята или его неупотребительность в определенном типе речи – не асимметрия, а языковая номинационная лакуна.

3.2. Неофеминативы в контексте динамических процессов в современных славянских языках: системно-структурный и коммуникативный аспект

Лингвистический статус неофеминативов в славянском языкознании. На рубеже XX – XXI веков в польском, русском, украинском и чешском, как и в других славянских языках, активизировались процессы расширения лексического состава языка. Одним из них стала феминизация языковых систем⁴⁷, в частности и феминизация маскулинизмов⁴⁸ – образование парных существительных женского рода от номинантов с мужским родовым маркером (мужское мовирование) там, где ранее их наличие в языке строго регламентировалось узусом. В каждом из языков процесс мужского мовирования имеет свою специфику: если в чешском языке образование парных существительных женского рода – явление регулярное с незначительным количеством исключений, то в русском, украинском, польском языках большая часть существительных мужского рода не имела женских соответствий, а в случае необходимости указания на женский пол референта каждый из этих языков использовал наличествующие в его системе иные нормативные средства языковой идентификации женщины (маскулинизмы в генерализирующей функции, аппозитивные синтагмы, согласовательные конструкции (рус. *профессор Павлова, молодая инженер*, укр. *жінка-космонавт, жінка-вчений, зоотехнік Стельмах звернулася до колег*, пол. *pani magister, nowa administrator, Maria Kowalska została nowym prezesem stowarzyszenia*)). В словоупотреблении стали активно фиксироваться суффиксальные фемининные дериваты там, где их образование или употребление тормозили ограничивающие и сдерживающие факторы как внеязыкового, так и языкового характера [Łaziński 2006: 252-280; Karpiń-Charzyńska 2006: 261-263; Kubiszyn-Mędrala 2007: 33; Виноградов 1972: 66-72; Ковалик 1962: 3-34.; Фекета 1969; Сучасна українська мова. Морфологія 1969; Тараненко 2005: 3-25; Rusínová 2004: 229-234; Šticha 2011: 575-609].

С одной стороны, такое явление нельзя назвать случайным: в каждом из языков существовал ряд факторов, стимулирующих процесс феминизации. Здесь проявилась общая славянская тенденция называть женщину наименованием женского

⁴⁷ Под *феминизацией* языковых систем (их фрагментов) понимается использование языковых средств, маркированных женским грамматическим родом и наименований *feminina tantum* с целью выравнивания диспропорции соотношения маскулинного и фемининного в языках постпатриархатного типа.

⁴⁸ Под *маскулинизмом* в работе понимается наименование лица, маркированное мужским грамматическим родом, которое вследствие его генерализирующего характера может обозначать лицо мужского и женского пола, человека вообще и мужчину в частности (*администратор, инженер, академик* и под.).

рода, берущая свое начало в гетеронимах, строго различающих пол: *отец - мать, брат - сестра, мужчины – женщины*. Исследователи, опираясь на грамматическую традицию, утверждают: славянские языки всегда отличались богатством наименований женщины, а тенденция к созданию параллельных женских форм от мужских с помощью специальных суффиксов была исконной, глубоко укоренившейся, характерной для польского [Nowosad-Bakalarczyk 2006a: 127], русского, чешского [Виноградов 1972: 66-72; Нецименко 2008: 265], украинского [Нелюба 2011a: 135-145] языков. При этом важным фактором, стимулирующим возникновение и закрепление парных существительных женского рода в языке, оказалась их социальная востребованность. Польский исследователь М. Лазиньский справедливо замечает: «Слов *lekarka* или *profesorka* не существовало в средневековом польском языке, так как в них не было необходимости. Однако когда потребность в женском наименовании появлялась, - *обычно создавался соответствующий дериват*. <...> Деривация по мере надобности не была правилом без исключений, скорее тенденцией в развитии языка, ведь мужские наименования без женских соответствий существовали всегда» [Łaziński 2006: 247].

Вследствие усиления активной роли женщин в общественной жизни и освоения ими «неженских» ранее профессий, должностей и ученых степеней на рубеже XIX-XX столетий языковая ситуация в Польше, России, Украине и Чехии меняется. Если ранее среднестатистический поляк, не задумываясь, отдал бы предпочтение андронимическому варианту *doktorka Kowalska*, то теперь у него возникают сомнения – *doktor* она, или *doktorka*? «Длительный процесс эмансипации, спецификой которого является полное политическое, общественное, экономическое и культурное равноправие, открывает женщине дорогу к любой профессии и должности, усиливает в ней ощущение равноценности мужчине, реакция на которое в обществе отличается повышенной чувствительностью, подозрением. Наверное, именно на этом фоне появляется опасение, что грамматически женское звание несет на себе отпечаток некоего подчиненного положения», - пишет З. Клеменевич. «Начинается война двух точек зрения: традиционной, которая тяготеет к формально различным наименованиям для женских и мужских должностей, и новаторской, стремящейся к сохранению общей, грамматически мужской формы независимо от реального пола» [Klemensiewicz 1957: 110-111]. Стремление к маскулинизации⁴⁹ находит поддержку и в административной среде. Ввиду

⁴⁹ Под *маскулинизацией* понимается употребление названий социально активных лиц мужского рода (мужских лично-родовых номинантов по профессии, научному званию, роду занятий, общественно-политической функции) для наименования лица женского пола [Смольская 1993].

единообразия формы, стандартизации деловых текстов использование мужских наименований оказывается более удобным и практичным. И, несмотря на отчаянные призывы «Poradnika Językowego» в Польше прекратить «насиловать польский язык» маскулинизацией [Poradnik Językowy 1904: 16], желание женщин и норма административного стиля к концу Второй мировой войны в Польше становится законом.

Иная ситуация наблюдается в довоенной Чехословакии. В чешском языковом сообществе, где различие социально-активного лица по полу является аксиоматичным, маскулинизация воспринималась как бессмыслица. Журнал «Naše řeč» остро критиковал номинанты типа *slečna předseda, paní doktor Nováková* и призывал всех чехов к уважению и сохранению давней чешской традиции передавать родо-половые различия аффиксально: «... кто называет женщину *doktor, profesor, poslanec, milovník obrazů* и т.п., убивает образность чешского языка, поскольку наш язык имеет готовые соответствующие формулы» [Paní doktor 1922: 265]. Такая бескомпромиссная позиция, сформировавшаяся с вмешательством Академического сената и Чехословацкой Академии наук [Z našich časopisů 1930: 106-108; Z našich časopisů 1935: 94-96], вызвала нарекания некоторых языковедов [см. Oberpfalcer 1933], а проф. И. Зубатый, Э. Сметанка даже требовали от научного сообщества формирования официального мнения относительно таких фактов. В публицистических текстах того времени, по наблюдениям Г. П. Нецименко, хотя и непоследовательно, употреблялись маскулинизмы для обозначения лица женского пола [Нецименко 1965: 51-65]. Тем не менее, для чешского коллектива говорящих более сильной оказалась роль грамматической традиции, авторитет языковой нормы, декларировавшей обязательность моции.

В русском языке начала XX века в отношении взаимодействия маскулинизации и феминизации наблюдалась иная ситуация. Провозглашение равноправия мужчины и женщины породило настоящий «бум» словообразовательной феминизации. Его результатами стали «новоизмышленные речения», образованные по требованию «феминисток-равноправок» в большинстве случаев вопреки языковым законам. Ощущая их противоречие норме, И. А. Бодуэн де Куртене употреблял наименования «*историчка*», «*филологичка*» в кавычках. Остальные же – *милиционерка, инвалидка, фабзаушница, токариха, авторша, шкрабиха, члениха, завнаробразиха, штиониha, сытариха, кочегарка* и т.п. – активно употреблялись в речи [Янко-Триницкая 1966: 177-182], однако уже в 20-е годы XX века они начали приобретать пейоративные коннотации. Тем не менее, еще длительное время в языке сосуществовали варианты *буржуйка – буржуазка, женотделка – женотдельщица* и под., в том числе и те, которые синтезировали андронимичную и

агентивную семантику (*красноармейка* – «жена красноармейца» и «женщина-красноармеец»). Однако в границах этой тенденции как противовес начинает усиливаться тенденция маскулинизации – называть женщину существительным мужского рода, которая преобладала на рубеже XIX – XX вв. в языке высокообразованной интеллигенции и, соответственно, распространялась на названия высококвалифицированных профессий или высокие социально-политические статусы. Уже в 20-е годы удельный вес существительных мужского рода начинает возрастать, что, в конечном счете, привело к победе в русском языке маскулинизации над феминизацией.

В украинском языке начала XX века наблюдалась сходная ситуация неустойчивости нормы относительно словообразовательных феминативов. В языке СМИ того времени активно функционируют номинанты *редакторка, склепрка, поштарка, директорка, молочарка, організаторка, пожертвувачка, літературна лярватка* и под. Это явление фиксируют и словари. В частности, в «Русско-украинском словаре делового языка» М. Дорошенко, М. Станиславского и В. Страшкевича (СДМ/Дор. 1930) находим феминативы *колективниця, членкиня, кооперативниця, партійниця, кравчиня-цеховичка, продавачка, мальовниця* и др., в Словаре украинского языка Д. Яворницкого (СУМ/Яворн. 1920) – *белярка, бесідниця, ворниця, вимітальниця, глейниця, домовласниця, добруха, здирниця, блюзнірка* и др.⁵⁰ При этом в украинском языке того времени сосуществуют как словообразовательные варианты *членкиня – членка, господариня – господарка, льотчичка – льотчиця, буфетчичтка – буфетниця – буфетчиця*, так и другие средства (в частности и избыточные) языковой идентификации женщины: (*жінка*) *редактор і редакторка, жінка-геройка, жінка-режисерка, жінка-патріотка, читачка-господиня* [Пода 2008: 87-95]. Начиная с 30-х годов XX века, в украинском языке также побеждает тенденция маскулинизации, преобладающая, как и в русском обществе, в среде высокообразованной интеллигенции.

Конец XX и начало XXI века вынуждают носителей польского, русского, украинского языков нарушить полувековую традицию. Женщины-президенты, премьер-министры и хирурги теперь не редкость. Засилье феминистических идей в обществе, демократизация языков, транслируемая СМИ, и многие другие социальные факторы приводят к словообразовательному ажиотажу, возникновению новых наименований лица женского пола там, где их наличие более или менее жестко ограничивала языковая норма,

⁵⁰ Из более поздних изданий словарей украинского языка преобладающее большинство таких феминативов исчезает, часть сохраняется, но с ограничительными пометами розм.

к смене семантической наполненности многих женских наименований, семантическим модификациям старых.

В каждом из языков представлена развитая система феминизирующих формантов, которые, различаясь по продуктивности в различные периоды развития славянских языков, имея стилистические и прагматические отличия, с различной активностью включались в процессы мужского мовирования. В польском таких формантов с их вариантами насчитываем 10, в чешском – 21, в русском языке таких аффиксов 31, в украинском – 19 плюс суффикс/окончание *-a* в каждом из языков.

Мужское мовирование было важным средством языковой идентификации женщины еще и потому, что не все без исключения маскулинизмы способны выполнять генерализирующую функцию: во всех изучаемых языках так наз. демографические наименования по национальному, территориальному, региональному и др. признаку типа *Polak, москвич, украинец, Āech* в единственном числе называют только лицо мужского, но не женского пола. Кроме того, польский, русский и украинский языки ощущают определенные трудности в согласовании глагола в прошедшем времени или условном наклонении, прилагательных, местоимений, причастий с наименованиями мужского рода, употребленными относительно женщины⁵¹ (к примеру: укр. *Інспектор у справах неповнолітніх Марія Горошко провела з ним не одну бесіду*; пол. *Mat spotkanie z pową dyrektor*, рус. *Главный технолог завода Н.Гончар собрала всех на совещание*).

Особое место здесь занимал и национально-языковой пуризм как культивирование тех явлений и тенденций, которые считались исконными и специфичными для каждого языка. Украинские исследователи настаивают, что мовирование в украинском языке не просто исконная, но «освобожденная» от диктата русского языка категория, поскольку иные средства языковой идентификации женщины украинскому языку искусственно «навязаны» нормой соседнего языка, что привело к массовому «опустошению» субстантивных парадигм, и что активизация «женского словообразования» в украинском языке нового времени не имеет ничего общего с феминизмом. Это один из элементов украинского национального языкового возрождения [Нелюба 2011а: 135-136].

С другой стороны, в качестве ограничителей процесса мовирования выступали факторы как неязыкового, так и языкового характера. К неязыковым традиционно относились факторы биофизиологического (пол. *brodacz*,

⁵¹ При этом И.П.Мучник считает, что «нарушение привычных норм согласования слов при синтаксической *sexus*-дифференциации имеет глубокие корни и не является, по сути, нарушением основ» [Мучник 1963: 39-83].

łysek, рус. *тенор, кастрат*, укр. *вусань, кремез*, чеш. *plešák, bradáč*), биосоциального характера (пол. *dziwkarz, rogacz*, рус. *нарцисс, селадон, ходок*, укр. *рогоносець, джигун*, чеш. *paroháč, holkař*), наличие профессий и родов деятельности, традиционно считающихся мужскими (пол. *kleryk, wojewoda, kat*, рус. *священник, писарь, инквизитор*, укр. *гетьман, м'ясник, колодій, кожум'яка*, чеш. *kominář, hrobník, kněz, švec*), отсутствие социального заказа на женские парные существительные (пол. *górník, hutník, ochroniarz*, рус. *шахтер, каменолом, слесарь-сантехник*, укр. *токарь, коваль, ливарник*, чеш. *hutník, sládek, trumpetista, instalatér*). В случае надобности женские наименования могли быть и были образованы (рус. *трактористка, многостаночница, крановщица*, чеш. *soustružnice, betonářka, svářečka*), однако считалось, что создавать слова женского рода для обозначения несуществующего - искусственно и неразумно [Кучеренко 1961: 104].

К собственно языковым факторам сдерживающего характера относились: статус лица мужского пола как человека вообще, генерализирующая функция маскулинизмов (пол. *naukowiec, fotograf*, рус. *академик, строитель*, укр. *видавець, політик*, чеш. *kardiochirurg, zoolog* могут обозначать в единственном числе лицо и мужского, и женского пола, во множественном числе – лиц безотносительно к их полу), фонеморфологические особенности производящей основы, которая порождает на словообразовательном шве громоздкие и труднопроизносимые группы согласных (особенно это касалось основ иностранного происхождения на *-лог, -граф, -соф* и под. (пол. *filolog, biolog, chalkograf*, рус. *фразеолог, философ, топограф*, укр. *онколог, географ*), нульсуффиксальных основ сложных слов (рус. *водовоз, казнокрад*, укр. *блюдолиз*), производящих основ на *-ец* (в русском – *лондонец, гамбургец*, в украинском – *закарпатець*)). Важным сдерживающим фактором во всех языках считался и потенциальный конфликт омонимов (пол. *marynarz – marynarka*, рус. *грибник – грибница*, укр. *вівчар – вірчарка*, чеш. *detektiv – detektivka*). В русском, украинском языках, где андронимические наименования получили иное развитие, нежели в чешском, образованию женских парных наименований препятствовала совмещенная двузначность исконно андронимических формантов (рус./укр. *-ух(а), -ш(а)*), их стилистическая окрашенность. В польском языке форманты *-ica (-уса)* специализировались на мовировании в сфере наименований самок животных, что способствовало их пейоративной семантике относительно антропонимных наименований лица женского пола. М. Лазиньский приводит в качестве примеров такого рода феминатив *kochanica*. Отсутствие пейоративной семантики у подобных феминативов исследователь фиксирует в исключительных случаях (*oblubienica*) [Łaziński 2006: 255].

К сдерживающим факторам относилась также непродуктивность словообразовательной модели на *-ик* (рус. *холерик, трагик*, укр. *стойк, лірик*). В польском и чешском языках, в отличие от русского и украинского, эта модель относительно продуктивна – пол. *choleryk – choleryczka, anorektyk – anorektyczka, lunatyk – lunatyczka*, чеш. *cholerek – cholerička, astmatik – astmaticka, diabetik – diabetička*, но только *agnostik, astrofyzik, tragik* и др. Кроме того, мужские наименования в русском, украинском, польском языках оказались более свободными от экспрессивных наслоений, чем женские (пол. *trowiec Zawodowy kierowca tira – tirówka pogard.* «prostytutka szukająca klientów wśród kierowców TIR-ów»; рус. *подзаборник* «1. Подкидыш, ребенок, которого подбросили кому-нибудь. 2. Бродяга, человек без пристанища» – *подзаборница* «Ж. к подзаборник в знач. 1). 2. Проститутка самого низкого пошиба»; укр. *далекобійник* «Водій автомобіля-трейлера або автобуса, що виконує рейси на значні відстані» – *далекобійниця* жарг. «Повія, що обслуговує далеkobійників на трасах постійних маршрутів»).

Особое место в системе сдерживающих феминизацию факторов в русском, украинском и польском языках принадлежало стилевой норме книжных стилей, влиянию прежде всего официально-делового стиля, в котором пол человека не имел актуального значения. Важную роль играл и языковой консерватизм, стереотип языкового неприятия нового, сопротивление коллектива говорящих на польском, русском, украинском и чешском языках попыткам внедрить в язык средства языковой идентификации женщины, не согласующиеся с языковыми традициями говорящих на этом языке.

Разные ученые по-разному оценивают удельный вес факторов неязыкового и языкового характера, о которых говорилось выше, в ограничении образования женских парных наименований, однако большинство из них склоняются к тому, что приоритетными были факторы языкового характера. Анализ работ ученых, посвященных этому вопросу, показал, что авторы, исходя из собственной исследовательской (пуристической, феминистической) позиции, единственно существенными сдерживающими факторами признаются внешние факторы неязыкового характера (например, А. М. Нелюба утверждает, что нулевая словообразовательная потенция многих маскулинизмов в украинском языке – мнимая, единственным сдерживающим фактором здесь является неактуальность референтов женского пола и «давление нормы» русского языка [Нелюба 2011а: 137], по мнению Я. Пузыренко, такими факторами являются исключительно гендерные стереотипы [Пузыренко 2009: 219-225]). В то же время многие авторы работ по фемининному словообразованию считают, что образование парных

существительных в русском и украинском языках до недавнего времени сдерживалось искусственно (Г. П. Нещименко, А. Пономарив, А. М. Нелюба, М. Брус).

Вопрос о том, как следует квалифицировать новые современные наименования женщин в изучаемых языках типа пол. *adiunktka, teolożka*, рус. *политикесса, философия*, укр. *наркологиня, опозиціантка, фахівчиня*, чеш. *strážnice, chirurgyně, chemička*, на сегодня не имеет однозначного решения. Часть ученых считает их неологизмами, «женскими личными неологизмами», «гендерными неологизмами»⁵² [Kaproń-Charzyńska 2006: 260–270; Klain 2001: 101; Тараненко 2006: 67-71] или, по крайней мере, определяют их как новые единицы лексикона (новые феминативы, новые наименования лиц женского пола, новые женские наименования, новые женские дериваты [Łaziński 2006, K. Handke 1997b: 533-547, M. Nowosad-Bakalarczyk 2006, 2009; Grybosiova A. 2006: 74-79; Opavská 2004: 40-53; Елоева 1994: 63-74; Карева 2008: 102-107; Мазурина 2007; Русское словообразование 2008; Пересторонина, Якимов 2007: 26-29; Савкатова (Кыртепе) 2009: 108-113; Венедиктов, Демин и др. 2008; Нещименко 2009: 10-25; Баданина 2007: 208; Левашов 1987: 167-183]. Настаивая на том, что феминативы, образованные в украинском языке вопреки узусу, есть факты национально-языкового возрождения, никак не связанные с идеями феминизма, А. М. Нелюба называет процесс и результат возникновения таких единиц «женским словообразованием», сознательно избегая термина «феминатив», ассоциируя его с феминистской критикой языка [Нелюба 2011б: 49-59], Г.П.Нещименко, рассматривая это явление с социолингвистической точки зрения как проявление скрытых ресурсов языка, использует термин «феминное словопроизводство» и традиционное обозначение его результата «существительные со значением лица женского пола» [Нещименко 2008: 239-285]. Так или иначе, под такими единицами понимают «наименования лиц женского пола, образованные от названий лиц мужского рода с помощью соответствующих феминизирующих формантов» [Krejša 1964: 129]. Как видим, одни ученые акцентируют «новизну» таких единиц как фактов «нового мышления», другие – нет, имея в виду, что это естественный, вполне закономерный результат действия заложенных в системе языка потенциальных возможностей к развитию.

Феминативы, возникшие в последние десятилетия в славянских языках и ставшие объектом нашего анализа, неоднородны. Одну из групп составляют новые наименования

⁵² Часть ученых считает гендерными неологизмами новые обозначения лица как мужского, так и женского пола, возникшие в языке нового времени, включая в эту группу и единицы, образованные в последние десятилетия, в том числе и от недавно заимствованных слов иностранного происхождения [Маслова 2011: 41-67] или же «гендерные изобретения» типа *Efrauzipation* вместо *Emanzipation*, *herstory* вместо *history* [Залевська 2006]. В. В. Демичева для наименования лиц женского пола предлагает использовать термин «феминативы», для наименования лиц мужского пола – «агентивы» [Демичева 2005].

feminina tantum, называющие новые факты действительности, но не имеющие в языках мужского коррелята по биофизиологическим и социокультурным соображениям: пол. *call girl* «проститутка по вызову», *seksbomba*, рус. *флауер гёл*, *секс-бомба*, *кинодива*, укр. *сурогатка* «суррогатная мать», *інтернет-сваха*, *порнобабуся*, чеш. *erosenka* «женщина, предоставляющая в эротическом салоне эротические услуги», *přebíračka* «женщина, отбивающая мужчин у других женщин», *domácenka* «домохозяйка». К этой же группе можно отнести и примеры чересступенчатого словообразования, при котором наименование лица женского рода образуется непосредственно от существительного, глагола, минуя наименование лица мужского рода: пол. *topless* - <....> - *toplesska* «девушка с обнаженной грудью», *debatować* - <....> - *debatorka*, рус. черлидинг - <....> - *черлингистка* «женщина (девушка), занимающаяся черлидингом - видом спорта, который сочетает в себе элементы шоу и зрелищных видов спорта (танцы, гимнастика и акробатика), и поддерживающая спортсменов во время состязаний», сахар - <....> - *сахарница* «медсестра, осуществляющая забор крови на сахар», укр. *балотуватися* - <....> - *балотеса*, *електорат* - <....> - *електоратка*, чеш. *balet* - <....> *baletka*, *černé vlasy* - <....> - *černovlaska*, *bavit* - <....> - *bavička*. Г. П. Нещименко пишет о том, что отсутствующее существительное мужского рода оказывается как бы в ситуации «отложенного спроса», поскольку в случае необходимости пропущенное звено можно восстановить [Нещименко 2010: 200].

А. М. Нелюба отмечает, что в некоторых случаях пропущенное звено восстановить невозможно: *гранд* – <∅> - *грандеса*, *вітрильник* – <∅> - *вітрильниця*. На основании своих наблюдений исследователь приходит к выводу, что в украинском словообразовании производство названий женщин не от названий мужчин, а непосредственно от названия действий, признаков, предметов и т.п. уже является нормативным, что позволяет автору усомниться в статусе феминизирующих формантов как модификационных [Нелюба 2011б: 55].

Среди новых наименований лица женского пола есть группа единиц, относимых исследователями к «возвращенным», т.е. таким, которые были представлены в языке в начале XX века, но в силу различных причин вышли из употребления. В украинском языке это единицы, которые сегодня заимствуются из языка украинской диаспоры, не давшей им погибнуть (*фахівчиня*, *поетка*, *організаторка*, *засідателька*, *юнка*, *молодчиня*) [Тараненко 2005: 3-25].

В каждом из языков в этой группе широко представлены единицы, возникшие на основе феминизации неологизмов-наименований мужского рода, заимствованных

польским, русским, украинским, чешским языками из других языков относительно недавно, с помощью имеющихся в языках-реципиентах исконных феминизирующих формантов: пол. *bookerka, telemarketerka, wind surfingistka*, укр. *глобалістка, акваболістка, трансвеститка*, рус. *визажистка, винсерфингвистка, пейнтболистка, металлистка*, чеш. *zooterapeutka, galeristka, dýdžejka, píárka, kancléřka, snowboardistka, junglistka*.

Далее следует группа феминативов, которые возникли на основе наименований мужского рода, новых для современных славянских языков, но созданных на базе актуальных и популярных в обществе политических идей, общественных образований, отдельных личностей и представленных в языке их наименований. Сюда относятся наименования мужского, женского, среднего рода, производные от наименований современных политических партий, политических и общественных деятелей, и их мужские и женские корреляты (пол. *PIS-owiec – PIS-ówka, PR-owiec – PR-ówka, Donald Tusk – donaldowiec – donaldówka*, рус. Путин - *путиновец – путиновка*, Медведев - *медведевец – медведевка*, партия «Яблоко» - *яблочник – яблочица*, укр. політичне об'єднання «Свобода» - *свободівець – свободівка*, Народний Рух України – *рухівець, рухівка*, партія «Наша Україна» - *нашоукраїнець – нашоукраїнка*, чеш. Klaus – *klausovec – klausovka, Havel – havlovec – havlovka, ODS – oděsák – oděsačka*). Кроме того, в этой сфере новых наименований женщины в украинском языке наблюдаются и «женские мотиваторы» - имена известных женщин-политиков и наименования политических партий, образованные от имен и фамилий этих политиков: Наталия Витренко – *наташист – наташистка*; «за» Юлю (Тимошенко) – *заюліст – заюлістка*, Б'ЮТ (Блок Юлии Тимошенко) – *б'ютівець – б'ютівка* и под.

В остальных случаях новые наименования лица женского рода возникли в результате мужского мовирования вопреки более или менее жестким ограничениям неязыкового и языкового характера.

В периоды активизации словообразования и интенсивного обновления лексиконов как потенциальных источников компенсации наличествующих в языке номинационных лексико-словообразовательных лакун закономерно возрастает внимание лингвистов к проблемам правильности слова, в частности, регулярности словообразовательных номинаций. Регулярность при этом понимается как воспроизводимость, соответствие формально-семантического построения нового наименования продуктивным образцам словообразования. Таким образом, нерегулярными считаются наименования, образованные вопреки словообразовательным образцам и поэтому невоспроизводимые,

единичные. В последнее время в славистике при определении регулярности / нерегулярности словообразовательных номинаций все чаще пользуются терминами *уз у а л ь н о е - н е у з у а л ь н о е* словообразование. Однако, как справедливо замечают Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, Л. П. Кислюк, понимание *неузuality* относительно лексической и словообразовательной нормы существенно отличается. Считается, что для словообразовательных номинаций, в отличие от лексических, решающая роль принадлежит не их употребительности/неупотребительности или «заданности», «востребованности», а критерию соответствие/несоответствие определенному образцу словообразования: с точки зрения словообразовательной нормы *неузuality* словообразование представляет собой нестандартное образование слов, в то время как с точки зрения нормы лексической его можно трактовать как «образование или существование лексики, как правило, неупотребительной или неустоявшейся в системе языка (*langue*). Таким образом, для лексики оказывается достаточно противопоставления *речь – язык*, для установления *узuality/неузuality* словообразовательных номинаций необходима триада «язык – норма – речь» [Buzássyová, Martincová 2003: 262]. Функцию нормы, своеобразного переходного звена-фильтра берет на себя в таком случае определенный продуктивный, регулярный образец словообразования.

С этой точки зрения оппозицию *узuality – неузuality* словообразование можно понимать и как противопоставление *нормативное – ненормативное* словообразование. Наиболее употребительным термином для обозначения членов таких оппозиций есть противопоставление *п о т е н ц и а л ь н ы х с л о в*⁵³ (потенциализмов) как результатов *узuality* словообразования *о к к а з и о н а л ь н ы м с л о в а м* (окказионализмам) как результатам словообразования *неузuality*. Потенциальные слова соответствуют словообразовательной норме, но часто оказываются аномальными с точки зрения лексической, когда производное слово, потенциально возможное по форме, реализуется с другим лексическим и словообразовательным значением: *пилот* и *пилотка* «головной убор», а не «женщина-пилот». Выделение потенциальных слов – закономерное следствие системного подхода к изучению словообразовательной номинации, поскольку такой подход дает возможность обнаружить лакуны в определенных звеньях словообразовательной цепи, определить возможность возникновения потенциального слова. В широком понимании потенциальное слово – любое производное, которое может

⁵³ Потенциальное слово – слово, которое может быть образовано в соответствии с определенным словообразовательным типом, или такое, которое существует в речи, но еще не вошло в язык. Принадлежит к резерву, за счет которого развивается словообразовательная система языка [Chruścińska 1978: 72; Jadacka 2011: 38; Клименко 2004: 511].

заполнить существующую в словообразовательном комплексе «пустую» клетку безотносительно к продуктивности / непродуктивности образца его возникновения, иными словами, это любая единица, заложенная в системе словообразования, но не реализованная [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 77-80].

Под *о к к а з и о н а л и з м о м* понимают необычное, чаще экспрессивное слово, образованное с нарушениями законов словообразования или языковой нормы, существующее в определенном контексте, в котором оно возникло. Окказионализмы сопоставляются с единицами узуальными; от неологизмов они отличаются тем, что сохраняют свою «новизну» независимо от реального времени их образования [Пустовіт, Клименко 2004: 432]. Н. Я. Янко-Триницкая утверждает, что окказионализмы возникают «не в соответствии с действующими образцами, а по аналогии» [Янко-Триницкая 2001: 462-482]. При этом многие исследователи приходят к выводу, что в окказиональном словообразовании как отступлении от нормы есть своя регулярность, определенные способы нарушения устоявшихся словообразовательных образцов.

Таким образом, новые феминативы в изучаемых языках, возникшие вопреки существующим ограничениям, с одной точки зрения можно рассматривать как потенциальные слова, с другой – как окказионализмы. Исследователи обращают внимание и на то, что в синхронной динамике четкое разграничение неологизмов как фактов языка и окказионализмов как фактов речи не всегда возможно. Окказионализмы можно понимать как новые слова, неизвестные раньше общелитературному языку. Они воспринимаются как незнакомые, необычные независимо от того, с какой целью такое слово образовано и по какой модели (малопродуктивной, непродуктивной или единичной). Это отклонения от словообразовательных образцов, вызванные изменениями языковых вкусов сообщества говорящих. Различение же узуальных и неuzuальных инноваций оказывается очень сложным, поскольку это явление касается развития языка, процесса перехода одного явления (факта речи) в другое (факт языка). Дихотомия окказионализм/неологизм оказывается существенно важной в зависимости от характера исследования и целей исследователя [Стишов 2011: 9-41; Островська 2009: 56-67; Мартинцова 1987: 170-173]. В исследованиях полипарадигмального характера противопоставление факт речи – факт языка могут изучаться в комплексе, в единстве противоречий и взаимосвязей.

Для обозначения новых наименований лица женского пола как потенциальных компенсаторов лексико-словообразовательных фемининных лакун, возникших вопреки комплексу ограничений неязыкового и языкового характера, ученые используют как термины *неологизм*, так и *окказионализм*, *потенциальное слово* (И. Капронь-Харжиньска,

Г. П. Нещименко, Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская и др.). Часто эти термины не различаются, и тогда все новые единицы, возникшие в новое время для наименования лица женского пола, называют более широким термином *инновация* (А. М. Нелюба, К. В. Бритикова, А. А. Стишов, Е. А. Карпиловская и др.). В данной работе мы будем использовать в качестве рабочего термин неофеминатив (неологизм-феминатив) исходя из широкого понимания неологизма В. Г. Гаком. Термин *неологизм* используем еще и потому, что неологизмы, в отличие от окказионализмов, имеют реальные шансы закрепиться в языке [Клименко 2004: 377]. Среди инноваций шанс закрепиться в языковом узусе имеют только те единицы, которые называют актуальные для данного коллектива говорящих на данном этапе понятия [Бритикова 2007]. По В. Г. Гаку, неологизмами можно считать все новое, что характеризует изменения и развитие в языке, «любые лексико-семантические новообразования, узусальные или окказиональные <...> в широком понимании» [Гак 1983: 15-19]. Таким образом, понимание неологизма в контексте нашего исследования практически совпадает с пониманием инновации [Земская 1972: 19-29; Турчак 2005; Колоїз 2002: 78-83; Мазурик 2002; Kořenskú 1998: 27-33; Martincová 2003: 344-354; Smółkowa 2001]. Кроме того, термин неофеминатив более компактен и удобен в использовании.

Феминизация как активный процесс в славянских языках новейшего времени. Философия постмодернизма с ее подчеркнутым вниманием к фактам периферийным, маргинальным породила в конце XX – начале XXI века своеобразный «бум» феминистических идей в европейских социумах и феминистских исследований в научных сообществах, в том числе и в сфере языка. На протяжении последних десятилетий сформировались интердисциплинарные парадигмы исследования представлений о маскулинном и фемининном в социуме, культуре и языке, изучения категорий «мужское» и «женское» на уровне языковой системы и речи и т.п. Особое место здесь принадлежит феминистской (гендерной) лингвистике и феминистской критике языка, уделяющим особое внимание установлению баланса между мужским и женским как устранению дискриминированного статуса женщины в языке. В ходе динамичных процессов развития славянских языков на рубеже тысячелетий сформировалось новое активно обновляемое пространство лексикона славянских языков – феминативы, рассматриваемые в контексте общего процесса феминизации систем современных языков. Активные процессы фемининного словообразования, переориентация семантики лексических единиц, синтаксических конструкций и под., направленные на

сбалансированность в языке маскулинной и фемининной составляющей, становятся неотъемлемой частью языковых трансформаций нашего времени.

Феномен активизации фемининного словообразования возник как реакция на более глобальную и мощную тенденцию языкового развития славянских языков последнего времени, связанную с процессами демократизации языков в целом и либерализации (плюрализации) их нормы. При плюралистическом характере нормы меняется сам статус понятия «отклонение от нормы», - пишет Е. А. Кудинова. – «Отклонение от нормы не противопоставляется абсолютной норме, а сопоставляется с ней, поскольку это та же норма, только оцениваемая с другой точки зрения» [Кудинова 2011: 13, 14]. Такой подход предполагает возможность учета разных мнений относительно целесообразности и уместности новых явлений в языке и речи. Нормативный статус начало приобретать то, что более современно, модно. Возрастание продуктивности фемининного словопроизводства отмечается и в ряде европейских языков (например, немецком, французском), в которых соблюдается так наз. политкорректность и примеру которых славянским языкам рекомендуется следовать. Феминативы типа пол. *prezydentka*, *krytyczka*, рус. *социологиня*, *философка*, укр. *психоаналітичка*, *теоретикиня*, чеш. *chemička*, *rovůženkyně* и под. оказались на границе приемлемого и неприемлемого, однако они в большинстве случаев в лингвокультурных обществах толерируются как проявления политической корректности, хотя нельзя отрицать и существенных противоречий в оценке этого факта как сообществом носителей языка, так и лингвистами.

Заметим, что процесс форсированной феминизации современных языков многие исследователи языковой динамики на рубеже тысячелетий даже не определяют как тенденцию (наряду с тенденциями заимствования иноязычных слов, вульгаризации, жаргонизации языка, активизации словообразовательных ресурсов и т.д.) [Zemskája, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999: 9-18; Валгина 2001; Производство нарицательных имен лиц 1996: 103-107; Григоренко 2005: 76-79].

В большинстве случаев ученые рассматривают тенденцию феминизации как возникшую в первую очередь под влиянием общего процесса демократизации языков, ставя на второе место в числе ее стимулов влияние идей феминистской критики языка. Однако в разных языках соотношение таких факторов может оказаться различным. По крайней мере, именно так видят это соотношение исследователи явления феминизации в русском языке нового времени (Г. П. Нецименко, В. А. Ефремов, Г. В. Бортник, Л. И. Коновалова и др.).

Сложно определить, с чем больше связана тенденция к феминизации в современном польском языке, - является ли она следствием демократизации польского языка на рубеже тысячелетий или проходит под знаком феминистской критики языка. Очевидно, что в польском лингвокультурном сообществе эта тенденция обусловлена взаимодействием названных факторов. Неоднозначно высказываются на этот счет польские исследовательницы М. Карватовска и Й. Шпыра-Козловска. Они, с одной стороны, считают сомнительной идею языковой реформы и создание нового, уже «политкорректного» польского языка, а с другой, - все же предлагают внести в него некоторые коррективы⁵⁴, если не на грамматическом срезе, то хотя бы на уровне лексики, фразеологии и т.п. А. Кемпиньска в статье «Pani prezydent czy pani prezydentka?» высказывается против подобных корректив: «Языковед обязан описывать состояние языка, а не бежать впереди изменений. Такие словоформы как *krytyczka* или *psycholożka* входят в польский язык не по причине их массового употребления, а лишь благодаря сознательным усилиям журналисток и феминисток» [Kępińska 2007: 81].

Украинский исследователь А. А. Тараненко на второе место в ряду стимулов процесса феминизации ставит сильное влияние в украинском языковом сообществе национально-языкового пуризма, считая влияние на феминизацию идей гендерной лингвистики незначительным. Пуризм при этом рассматривается как сознательное культивирование тех языковых явлений и тенденций, которые считаются исконными, специфичными для данного языка. Украинское языковое сообщество в пуризме видит основную движущую силу эволюции языка, который развивался под мощным влиянием другого (русского) языка. К положительным следствиям пуризма относят пропаганду выразительных средств родного языка, использование его возможностей для передачи новых понятий и замены старых, менее удовлетворительных наименований [Тараненко 2005: 3-25; УМЕ: 502-503]. А. М. Нелюба, категорически отрицая влияние на процесс феминизации в украинском языке идей гендерной лингвистики⁵⁵, видит в нем лишь

⁵⁴ См. подробнее Karwatowska M., Szpyra-Kozłowska J., *Lingwistyka płci: ona i on w języku polskim.* – s. 275-283.

⁵⁵ А. М. Нелюба противопоставляет процесс активизации женского словообразования в украинском языке «феминистскому обезьянничанию чужого» и идеям феминистской лингвистики. Женское словообразование в украинском языке не имеет ничего общего с избавлением от языковой дискриминации женщины. Оно идет по своему, украинскому пути, оно, в отличие от других типов номинации, не заражено болезнью «ukrainish как украинского варианта globish» [Карпіловська Нова Україна 2010: 105]. От таких серьезных (необратимых) болезней, по убеждению ученого, уже страдают немцы, американцы, французы, чехи [Нелюба 2011б: 57].

освобождение украинского языка от негативных «чужеродных» влияний⁵⁶. Исследователь пишет, что образование женских парных существительных в украинском языке искусственно сдерживалось «диктатом» нормы русского языка и что «уменьшение количества аппозитивных синтагм и дериватов на *-ш(a)*, с одной стороны, и обращение к собственным украинским суффиксальным средствам, с другой, наглядно свидетельствует о выходе украинского женского словообразования из зоны влияния (диктата, навязывания) русского языка как языка «элитного», «продвинутого», который противопоставляется украинскому как «сельскому», «хуторянскому»» [Нелюба 2011б: 57].

В чешском языке, по убеждению ученых, процесс феминизации на рубеже тысячелетий идет своим естественным путем: моция в этом западнославянском языке всегда была активным модификационным процессом, который и в прошлом был так же актуальным [Hubáček 1996: 271-273; Rusinová 1964: 211; Gregor 1956: 37-44]. Я.Губачек уверен: утверждение о том, что мовирование в чешском языке является особенно актуальным в наше время в связи с участием женщин в различных видах деятельности и профессиях, в том числе и самых современных, и что здесь можно говорить о социальной обусловленной мотивации как демонстрации равноправного статуса женщины и мужчины в современном обществе, ни его исследованием, ни исследованиями других ученых не подтвердилось [Hubáček 1996: 271-273; Архангельська 2011а: 105-112]. Иные попытки феминизации чешского языка («искоренение» resp. «нейтрализация» генерализирующей функции маскулинизмов, феминизация согласовательных конструкций и др.) осуществляются очевидно под влиянием идей феминистской лингвистики и под давлением феминистски ориентированных лингвистов (Я. Валдрова, Б. Кноткова-Чапкова, П. Палчикова и др.). Отношение профессиональных языковедов к такому феминистскому «реформированию» чешского языка представлено в работах Ф. Данеша [Daneš 1995: 416; Daneš 1997: 256-259], С. Чмейрковой [Šmejrková 2002: 263-286], Я. Гоффманновой [Hoffmannová 1995: 80-91; Hoffmannová 1997: 13-18] и др.

Системно-структурный и функциональный подход к явлению феминизации в современных славянских языках.

⁵⁶ На одном их форумов находим интересную мысль: «По правді кажучи, я таки дійсно не сприймаю за взірець для сучасної мови західноукраїнську пресу та словники 1920-30 років. Особливо не сприймаю аргументів типу «тоді все було правильно, а зараз – ні». А із «членкинею» і «філологінею» приблизно та ж сама історія, що і з «генералкою» виходить. Щойно спав на думку ще один варіант - генералиця. Члениця... Академиця (академкиня) ... Можна, звичайно, казати, що це все клятї москалі винні - перервали такий «розвиток» і через це ми позбавлені таких милозвучних слів» (автор Махновець. Форум. Словник. net, 16.12.2008).

Феминизация как процесс образования парных существительных женского рода в сфере наименования лица активизировался на том фрагменте словообразовательной системы, где наличие феминативов блокировалось рядом неязыковых и языковых факторов ограничительного и сдерживающего характера. Оценка и самого процесса, и его результатов исходя из системно-структурного и коммуникативного (социолингвистического) подходов оказались противоречивыми. Социолингвистика, ставя во главу угла коммуникативную ценность новообразований, воспринимает их только как инструмент, знак, средство технического характера. Ставя на первое место употребительность производного слова, социолингвисты утверждают, что в разговорном узусе славянских языков образование и употребление феминативов практически не имеет ограничений, никакие кодификационные запреты здесь не действуют, и поэтому закономерности деривационной системы представлены вполне отчетливо. Повышенная частотность использования в языке СМИ разговорных включений (в том числе и неофеминативов – *Т. А.*) способствует возрастанию их социолингвистического статуса, а также укреплению позиции в конкуренции с адекватными литературными аналогами. Такие единицы удовлетворяют новые коммуникативные потребности, расширяют возможности словотворческого экспериментирования, поиска необходимого вербального решения в проблемной ситуации [Нещименко 2008: 262, 270]. Из такой точки зрения вытекает ведущая роль критерия функционального, инструментального (соответствие требованиям времени) по отношению к системному, который оказывается подчиненным, секундарным.

С точки зрения системно-структурной соотношение критериев оказывается обратным: эффективное функционирование литературного языка требует инструментализации данного средства коммуникации, которое связано с его приемлемостью относительно нормы. Тогда этот критерий оказывается по степени важности на первом месте по отношению к двум остальным [Daneš 2011: 81]. Важно и то, что говорящие ощущают феминизацию как проблему. В сознании человека «заложено» предположение, что все в мире должно иметь определенный порядок, и что этот порядок нужен и желателен [Daneš 2004: 67], поэтому должны существовать предписания, какие средства языкового выражения в современном узусе приемлемы, а какие – нет.

Нет сомнения в том, что язык одновременно статичен и динамичен, также одновременно статична и динамична его норма, которая не должна становиться на пути его развития: она должна изменяться со временем, отвечать познавательным и коммуникативным потребностям общества, удовлетворять новые вкусы и предпочтения.

Однако здесь мы имеем достаточно пеструю общественную динамику, с порой несовместимыми политическими, социальными, культурно-просветительскими проявлениями и предписаниями [Карпіловська 2002: 3-10].

Дискуссии относительно трактовки нормы происходят постоянно, однако всегда обостряются во время важных социальных сдвигов, которые дают мощный толчок интенсивному развитию языка и ставят задачу создания ее нового литературного образца. Словообразовательная норма дает образец образования слов. Относительно словообразования норма является для говорящих одновременно инструментом построения слов и их проверки относительно соответствия действующим образцам. О. Н. Синявский писал: как далеко не каждое сочетание звуков фортепиано дает аккорд, так далеко не механически образуются слова из известных элементов. Только хорошо зная язык, человек может создать новое слово, без намерения, не надуманно, а натурально, «само собой». Однако, как справедливо замечает Е. А. Карпиловская, и знание образцов словообразования, правил деривации не оградит говорящего от неудачи. Нужно еще знать, как данные образцы используются в реальной речи, как они соотносятся с другими средствами номинации [Карпіловська 2004: 43-51] и системой языка в целом. Здесь важно учитывать и критерий, названный И. С. Улухановым результативным [Улуханов 1998: 536-555]. В споре философов о том, что преобладает в языке и обеспечивает ее развитие: аналогия (образец) или аномалия (исключение, отклонение от образца), истина, как всегда, посередине. Языку свойственно и то, и другое, поскольку, как небезосновательно утверждал А. А. Белецкий, аналогисты «стоят» на точке зрения системы, их оппоненты – на точке зрения текста. Е. А. Карпиловская считает, что формулы языковой идентификации женщины подвергаются замене другими – феминативами, которые больше соответствуют новым потребностям и вкусам говорящих [Карпіловська 2004: 43-51].

Словообразовательной норме свойственна чрезвычайная подвижность. Словообразовательная система тесно связана с другими уровнями языка – фонологией, морфологией, синтаксисом и грамматикой в целом. Кроме того, в словообразовании никогда нельзя провести четкую границу между его потенциальными возможностями и фактической реализацией, между синхронией и диахронией [Коць 2010: 52]. О невозможности проведения языковедами четкой границы между нормативным и ненормативным в словообразовании свидетельствует непоследовательное восприятие прескриптивной нормы статуса названий лица женского пола по профессии с суффиксом *-к(а)*, возникших во второй половине XX века. Если в одних украинских

кодификационных источниках⁵⁷ рекомендуются к употреблению образцы *шахтарка*, *вуглярка*, *лікарка*, *відвідувачка*, *редакторка*, то в других⁵⁸ - нет. На изменение этого статуса может влиять тенденция к распространению соответствующих форм во всех стилях литературного языка [Коць 2010: 54].

Примеры подобного рода можно обнаружить во всех изучаемых языках. В польском языке слово *psycholożka* SJP/Sz фиксирует как нейтральное, USJP – как разговорное, в SJP/Dog *psycholożka* вообще отсутствует. В русской лексикографии варианты *бизнесменка* и *бизнесменша* фиксируются как варианты с пометой разг. В ТСРЯ/ЯИ 1998; ТСРЯ/ЯИ 2001; ТСРЯ/АЛ 2006, в словаре Т. Ф. Ефремовой феминатив *бизнесменша* отсутствует (НСРЯ/Ефр. 2001); в словарях ТСРЯ/ЯИ 1998; ТСРЯ/ЯИ 2001 *стриптизерка* фиксируется как нейтральное, *стриптизерша* – как разговорное, в словаре ТСРЯ/АЛ 2006 – только *стриптизерша* и без стилистических помет. В чешском языке словарь SSJČ 1989 фиксирует феминативы *kovářka*, *hodinářka*, очевидно неупотребительные в связи с выразительно «мужским» характером этих профессий, о чем совершенно справедливо пишет Л. Кроупова [Kroupová 1980: 208-216].

Е. А. Карпиловская относит к важнейшим вопросам, требующим внимательного анализа, вопрос о том, как и в какой мере вторжение новых номинаций нарушает равновесие в системе языка, влияет на стратификационную организацию лексикона; какие регуляторы способствуют поддержанию устойчивого равновесия в лексиконе и обновлению его неустойчивого равновесия [Карпіловська 2008: 3-22]. Ученые считают, что устойчивое равновесие языковой системы определяют качественные и количественные соотношения языковых единиц, которые поддерживают типологические признаки языка (В. Матезиус, Г. П. Мельников, Ю. А. Тулдава, Р. Келлер, Е. А. Карпиловская). Кроме остальных факторов, исследователи называют и соответствие новообразования действующим законам построения слова и преимущественное его употребление в различных стилевых и стилистических сферах (Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко). Здесь принципиально важным мы считаем утверждение В. Матезиуса о том, что причины и следствия языковой динамики удастся определить лишь тогда, когда будет твердо установлено, какие явления в ту или иную эпоху были стабильными, а какие – потенциальными [Матезиус 2003: 30].

Неофеминативы оказываются результатом разрешения противоречий на участках «особого напряжения» языковой системы и новыми средствами заполнения

⁵⁷ ОСУМ 1975, 1994; Сучасна українська мова. Морфологія 1969; УОС 1998; ВТССУМ 2007.

⁵⁸ Курс сучасної української мови 1951.

номинационных лакун. Новые слова такого рода становятся не только элементами для обозначения новых для языка концептосфер, но и новыми наименованиями, возникшими вместо единиц, по каким-то соображениям не удовлетворяющим потребности общества. Такие единицы большинство ученых считает проявлением языковой экономии [Нещименко 2003: 288-307; Нелюба 2011в: 63-67]. Их появление связывают с тенденцией парадигматического выравнивания вследствие наличия парадигматических и гнездовых лексико-словообразовательных лакун. При этом ограничители и сдерживающие факторы словообразовательной феминизации и парадигматическое выравнивание являются факторами равновесия в словообразовательной системе [Нелюба 2011в: 65].

Как видим, оценка форсированной словообразовательной феминизации в современных славянских языках с точки зрения системно-структурной и с точки зрения коммуникативной оказываются различными. Ведь, по мнению Г. П. Нещименко, значимыми для современного вербального узуса становятся следующие факторы: потребность в компактных, семантически емких номинациях; радикальное изменение нормативной основы литературного языка с узуса художественных текстов на узус публичной коммуникации; ослабление возможности кодификационного вмешательства в сферу регулируемого речевого поведения [Нещименко 2008: 263]. С точки зрения функционально-коммуникативной такие явления рассматриваются как инновационные: ученым интересно все, что касается активизации скрытых ресурсов языка независимо от того, станет это фактом системы или нет. В таком случае соотношение «факт языка – факт речи» нивелируется, а судьба каждого конкретного слова не имеет ключевого значения. Важны актуальные механизмы их образования и анализ причин, такие единицы породивших. С точки зрения системно-структурной важен вопрос, насколько анализируемое явление дестабилизирует языковую систему и сможет ли инновация адекватно компенсировать соответствующую фемининно «незаполненную клетку» в номинационной цепи. Поиск рационального решения проблемы объективной оценки этого явления становится, таким образом, предметом не только общественной, но и научной дискуссии.

3.3. Проблема подхода к анализу и оценке явления феминизации как прогрессивного vs. дестабилизирующего фактора развития языковой системы

Противоречия в оценке факта феминизации современных славянских языков со структуралистской и социолингвистической точек зрения поставила перед учеными вопрос о необходимости поиска комплексных путей обсуждения и решения проблемы. В обстановке повышающегося уровня полипарадигмальности научных исследований одним из возможных путей разрешения противоречивой ситуации может стать изучение вопроса об оценке роли феминативов в контексте устойчивого равновесия в языке – нарушают или не нарушают такие новообразования «словообразовательное спокойствие» (А. М. Нелюба) и как они соотносятся с системой языка в плане ее стабилизации/дестабилизации – в границах относительно новой межпарадигмальной отрасли научного знания – лингвоэкологии.

В связи с расширением применения термина *экология* в различных сферах жизнедеятельности человека и общества становится возможным говорить об «экологизации» современной науки, в том числе человековедения и лингвистики. На рубеже тысячелетий в контексте общей экологизации научного знания⁵⁹ ученые поставили вопрос о взаимодействии языка и окружающей его среды. Такое взаимодействие стало трактоваться как *взаимное* влияние языка и среды его обитания, в результате которого изменяются оба объекта, поскольку они, будучи взаимосвязанными, образуют своего рода «экологическую систему» [Ионова 2010: 87].

Возникновение лингвоэкологии (эколингвистики, или *ecology of language*) связывают с именем Э. Хаугена⁶⁰, первым поднявшего вопрос о связи экологии и языка. В

⁵⁹ Экоцентричная модель сознания и эколингвистический подход по-новому осмысливает и понятие антропоцентризма, признавая человека не в качестве собственника и царя природы и ее центра, а в качестве одного из полноправных членов и элементов природы [Кислицына 2003].

⁶⁰ Позже это направление углубляли и расширяли в мировой лингвистике М. Халлидей (вопрос об роли языка в освещении проблем окружающей среды), Х. Хаарман (языковое поведение социальных групп), Р. Харре, И. Броемайер, П. Мюльхойслер (взаимодействие языковых структур с окружающим миром), Л.-Ж. Кальве (экологическая языковая политика государства), А. И. Суберто (понятие экологического кризиса и экологической катастрофы в языке). А. Филл разработал терминологию для разных областей эколингвистики, предложив различать *эколингвистику* – общий термин для всех областей исследований, объединяющих экологию и лингвистику; *экологию языка (языков)*, изучающую взаимодействие между языками; *экологическую лингвистику* – науку, изучающую язык как экосистему; *лингвистическую (языковую) экологию*, изучающую взаимосвязь между языком и экологическими проблемами [Fill 2001: 48]. Важными для становления этой науки оказались идеи В. И. Вернадского об информационной среде общества, Д. С. Лихачева (проблемы становления культурной среды), В. А. Звегинцева (понятие психосферы, изменяющейся под воздействием сил, исходящих от человека). Главным тезисом этой отрасли научного знания становится мысль о том, что общество обязано охранять язык от деструктивных

целом же в работах ученых, касавшихся этой проблемы с различных точек зрения, язык рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. Функционирование и развитие языка представляется как экосистема, а окружающий мир – как языковой концепт [Иванова 2007: 41-47]. *Интралингвальный аспект* изучения языка связан с попытками лингвистов целенаправленно повлиять на снятие или ослабление деструктивных тенденций в использовании языка, предотвратить проникновение отрицательного узуса в систему, предотвратить регресс языка в плане обеднения (деградации) его выразительных ресурсов, нивелирования функционально-стилистических и аксиологических оппозиций, исследования принципов экологичности в использовании языка в различных сферах общения. Он связан как с изучением терапевтической функции языка [Солодовникова, Шаховский 2012], так и со сбором, систематизацией и квалификацией тех явлений в языке, которые серьезным образом дестабилизируют равновесие в его системе и структуре. *Интерлингвальный аспект* связан с изучением среды обитания отдельного этнического языка и проблем исчезновения языков, языка как хранителя общечеловеческого исторического опыта и уникальной национальной культуры. *Транслингвальный аспект* соотносится с проблемами межкультурной коммуникации, трансляции культур, межкультурной компетенции, различных форм интеграции языков [Бернацкая 2003: 32-38].

Проблематика лингвоэкологии в различных ее аспектах в последнее время достаточно активно освещается и в польском, русском, украинском, чешском языкознании [Pisarek 1997a, 1997b, 1997c; Wysoczański 1999: 63-76; Пузырёв 2008: 6-8; Сердобинцева 2008: 4-5; Сковородников 2008; Сковородников 1996: 5-9; Бернацкая 2003: 32-38; Скворцов 1994: 81-86; Славгородская 2009: 104–109; Бондар 2009: 79-85; Данеш, Чмейркова 1999: 27-39]. Вопрос оценки неофеминативов и их роли в дальнейшем развитии изучаемых славянских языков может решаться в парадигме лингвоэкологии при рассмотрении их в единой сфере языкового обитания, которая по отношению к языку двупланова: с одной стороны, это языковая среда, в которой существует отдельный человек и социум, с другой, это среда, в которой функционирует язык, т.е. совокупность экстралингвистических факторов или условий, влияющих на его функционирование и развитие [Сковородников 1996: 7] во взаимосвязи системно-структурных и социолингвистических (функционально-коммуникативных) характеристик

воздействий в той же мере, как и биологическую среду обитания.

новообразованных феминативов и процесса феминизации языков в целом. В работе принимается определение лингвоэкологии А. В. Сковородникова, в трудах которого представлено ее понимание как лингвистической дисциплины, тесно связанной с такими разделами лингвистики, как социолингвистика, теория культуры речи, история языка, взаимодействующей с рядом других гуманитарных дисциплин (этнопсихологией, социологией, культурологией), которая исследует проблематику языковой и речевой среды в ее динамике, прежде всего проблематику языковой и речевой эволюции и деградации (факторы, положительно или отрицательно влияющие на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематику языковой и речевой реабилитации. Предметом лингвоэкологии является также вариативность языковых средств, рассматриваемая через призму отношения к языковой среде, в которой она происходит.

Лингвоэкологический подход в данной работе связываем со сбором, систематизацией и квалификацией неофеминативов в современных славянских языках с целью определения того, насколько они стабилизируют равновесие в лексико-словообразовательных лакунах и насколько дестабилизируют равновесие в системе и структуре языка. Наша задача - изучить системные характеристики новообразованных феминативов, проследить их использование в различных функционально-стилистических разновидностях языка, проанализировать общественное мнение и мнение ученых по поводу анализируемого явления, поскольку в таких новообразованиях, с одной стороны, видят положительный результат развития потенциальных внутренних резервов языка, искусственно сдерживаемых комплексом неязыковых и языковых факторов, в частности и внешних («давления» системы и нормы иного языка), с другой, - нежелательное, дестабилизирующее явление, деструктуры, «загрязнители языка/речи», т.е. конкретные языковые/речевые элементы, ухудшающие язык, и, соответственно, дестабилизирующий эффект от его использования (по А. П. Сковородникову, деструктуры - это любые слова или обороты, противоречащие структурно-языковым, коммуникативно-прагматическим или этико-речевым нормам, снижающие качество языка/речи и комфортность речевого общения) [Сковородников 2008].

3.4. Принципы сопоставительного анализа неофеминативов как потенциальных компенсаторов номинационных фемининных лакун в польском, русском, украинском и чешском языках

Сопоставительный метод, ориентированный на поиск отличительных черт между языками (уникалий) и общих черт (универсалий), будет использован в работе под знаком одинакового исследовательского веса уникального и универсального [Кочерган 2004: 12-22; Кочерган 2006]. Здесь важным видится различие не только типологического как общечеловеческого и генетического (национального и локального) [Мокиенко 2007: 49-66], но и более внимательный взгляд на локальное, общеславянское, исходя из тезиса В. М. Манакина о едином «славянском языковом духе», который, так или иначе, отличает славян от европейцев. Здесь славянские языки сохраняют удивительное единство, что свидетельствует о прочных генетических корнях и общности особенностей славянского видения мира, удерживающей эти корни [Манакин 2006: 37-45].

Неофеминативы, возникновение которых активизировалось в контексте общего процесса феминизации славянских языков на рубеже XX – XXI вв., будут рассматриваться в плане многостороннего сопоставления. Анализ предполагает изучение сопоставляемых явлений в четырех славянских языках (двух восточнославянских и двух западнославянских) в их взаимоотношении и соразмеряться на контрастивной основе [Штернеманн 1989: 144-178]. В таком случае ни один из языков не будет рассматриваться в зеркале другого, ни один из языков не будет приобретать статуса эталона или фонового языка, не будет использована «челночная процедура», ни одному из языков не будет отдаваться предпочтение – все языки будут изучаться как равноценные.

Необходимым элементом многостороннего анализа (основой сравнения) является «третий член» - *tertium comparationis* – «внеязыковое понятие, не принадлежащее ни к одной из сопоставляемых языковых систем, дедуктивно сформулированное метаязыком» [Кочерган 2006: 80]. В ходе исследования в качестве *tertium comparationis* будет использована тенденция – «ориентирование языковых процессов или изменения, которые происходят в виде закрепления инноваций или устранения устаревших языковых единиц, конструкций, норм, иными словами, преобладание в проявлениях тех или иных языковых изменений, устойчивости определенных типов инноваций» [Гутшмидт 1998: 15-26]. Таким образом, под тенденцией понимается основное понятие синхронного исследования языка, которое отображает его динамику на определенном отрезке времени.

Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, Л. П. Кислюк считают, что понятие «тенденция» в качестве *tertium comparationis* оказывается не только удобным по степени его абстрагирования от конкретных языковых фактов или фактов конкретного языка, но и по своей процедурной гибкости, поскольку его применение даст возможность избежать наложения описания одного языка на другой [Ohnheiser 2003: 19, 22; Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 94-95]. По И. Онхайзер, использование понятия *тенденция* как параметра сопоставления позволит нивелировать характерологию и определить типологию языковых изменений [Ohnheiser 2003: 22].

Использование параметра сопоставления – тенденции - оказывается удобным не только при межъязыковом описании процесса и результатов феминизации, но и при внутриязыковом анализе разнонаправленных процессов развития в границах одного конкретного языка. В границах определенных тенденций можно изучить не только характер их различных проявлений, состав включенных в них средств, но и установить регуляторы (неязыковые и языковые) сосуществования в лексиконе вариантных номинаций лица женского пола как различных способов языковой категоризации одного понятия, их конкурентоспособность и факторы, обеспечивающие равновесие в этой системе наименований, их востребованность в языковой деятельности общества [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 95].

Важной составляющей нашего исследования будет изучение реакций коллектива говорящих на польском, русском, украинском и чешском языках на предоставленный им «простор для маневра» как возможность выбора наименования лица женского пола в процессе речевой практики; палитра взглядов на целесообразность существования и сохранения неофеминативов в языковой деятельности общества, на отношение не только к проблеме содержательного и формального соответствия обозначаемому понятию, но и к языковой традиции.

Кроме того, такой подход даст возможность проверить на конкретном языковом материале правомерность утверждения Г. П. Нецименко о том, что в славянских языках относительно феминизации маскулинизмов наблюдается конвергентное развитие, общая направленность эволюции деривационной системы языков, при том, что сходные или даже полностью идентичные процессы относительно образования неофеминативов в этих языках разворачиваются в них лишь с неодинаковой скоростью [Neščimenková 2004: 73].

3.5. Фемининные номинационные лакуны и современные средства их компенсации в польском, русском, украинском и чешском языках

Изучаемые языки, как было показано выше, принципиально отличаются в отношении фемининного словообразования как пути нейтрализации фемининной лакунарности. Если в чешском языке мовирование есть явлением системным и регулярным, что порождает минимальное количество лексико-словообразовательных и стилеобразующих номинационных лакун, в польском, русском и украинском языках такого рода лакунарность представлена достаточно широко, что и стимулировало интенсивное образование парных существительных женского рода, которое в этих языках в разной степени ограничено узусом. Поэтому компенсация лингвальных лексико-словообразовательных фемининных лакун в проекции на развитие основных тенденций феминизации в четырех изучаемых языках предположительно будет иметь различную реализацию. Интересным может стать и сопоставительный анализ тенденций к компенсации нелингвальных (социокультурных) фемининных лакун. В целом же процесс фемининной делакунизации в польском, русском, украинском и чешском языках имеет несколько четких векторов.

3.5.1. Лингвальные фемининные лакуны лексического, словообразовательного и стилеобразующего типа. Собственно лексические фемининные лакуны. Под собственно лексической лакуной понимаем, вслед за Б. Харитоновой, отсутствие в системе языка слова или лексемы, несущих понятие, эквивалентное понятию другого языка [Харитонова 1987: 34]. Это наиболее изученный и довольно подробно описанный в отечественной лингвистике тип межъязыковых (интеръязыковых) лакун (Ю. С. Степанов, В. Л. Муравьев, В. И. Жельвис, В. Г. Гак, А. И. Белов, И. А. Стернин, З. Д. Попова, Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, Л. С. Бархударов, Л. А. Леонова, О. А. Огурцова и др.). Такая интеръязыковая лакунарность в сфере номинантов лица женского пола непосредственно связана с процессами заимствования новой лексики вместе с понятием, которое она вербализирует. Однако в нашем случае есть основания говорить о интраязыковой лакунарности относительно феминативов, ведь заимствуется прежде всего маскулинное наименование, которое впоследствии подвергается процессу мужского мовирования уже в границах языка-реципиента.

Наряду с активными процессами проникновения неофеминативов в современную речь, славянские языки чрезвычайно активно заимствуют иностранные слова, в том числе и наименования лица мужского пола, от которых впоследствии с помощью имеющихся в языках феминизирующих формантов образуются наименования лица женского рода. Такие феминативы фиксируют как словари неологизмов или словари инноваций [ТСРЯ/АЛ 2006; НСЗ 2009; СНУ/Нел. 2013; ISJP 2000; NSČ 1998, NSČ II 2004], так и толковые словари, вышедшие в последнее время. В связи с тем, что процессы заимствования новых слов сегодня чрезвычайно активны, лексикографическая практика часто не успевает их фиксировать⁶¹. В таких случаях неофеминатив может быть засвидетельствован только в словоупотреблении (чаще всего в языке средств массовой информации) и, соответственно, в отдельных работах ученых, исследующих это явление. В системе новых как заимствованных, так и различным способом адаптированных изучаемыми языками заимствованных феминативов, сегодня имеет место определенное количество слов *feminina tantum* – единиц, именующих исключительно женщину (рус. *суррогатка* (*сурогатная мать*), *секс-бомба*, *черлингистка*, укр. *топлеска*, *интернет-сваха*, *порнобабуся*, пол. *modelka*, *fotomodelka*, чеш. *au-pairka*, *babysitterka*, *playmatka*, *pin-up girl*, *topleska*). Специально это явление в работе анализироваться не будет, поскольку к исследуемой проблематике симметрии/асимметрии в системе родо-половых (парных, коррелятивных) номинантов оно не имеет непосредственного отношения.

В польском языке последних десятилетий появились в качестве женских коррелятов неологизмы *recepjonistka*, *rehabilitantka*, *merchandiserka*, *managerka*, *copywriterka*, *skinheadka*, *snowboardzistka* и многие другие. Практически все эти наименования кодифицированы *Innym słownikiem języka polskiego* (IJSP/Bań 2000), исключениями являются только *telemarketerka* и *telesekreterka* [Nowosad-Bakalarczyk 2003: 23].

Подобное явление наблюдаем и в русском языке, где в словоупотреблении обнаруживаем *экофеминистка*, *дельтапланеристка*, *скинхедка*, *диджейка*, *софтболистка*, *киберманьячка* и под. Новейший словарь иностранных слов и выражений [НСИСВ 2002] фиксирует феминативы *тинейджерка*, Словарь синонимов (ССРЯ онлайн) – *киллерша*, *маклерша*, Словарь Т. Е. Ефремовой (НСРЯ/ТС 2001) – *террористка*, Орфографический словарь (ОСРЯ 2007) – *сноубордистка*, Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (ТСРЯ/Ож/Шв 1992) – *дельтапланеристка*.

⁶¹ По свидетельству специалистов по неографии, количество лексических инноваций, зафиксированных в периодической прессе на протяжении одного года, может составлять десятки тысяч [Котелова 1978: 18].

Активно образуются феминативы от заимствованных наименований лица мужского рода и в украинском языке: *флористка, флуменістка, серфінгістка, хронікерка, філокартистка, неофашистка, модераторка, саєнтологиня, медієвістка, піаристка* и др. В украинском языке феминативы *гьолфрендка, медієвістка, мариністка* и др. уже зафиксированы Современным орфографическим словарем украинского языка (СОС 2007). Заметим, что, к примеру, один из словарей неологизмов «Нові слова та значення» изданный под эгидой Института украинского языка АН Украины в сравнительно недавнее время (НСЗ 2009), предлагает такие маскулинизмы, как *шахід, флорист, маргінал, корупціонер, мародер, репер* и др. без женского коррелята, в то время как в авторских словарях новой лексики [СНЗ/Нел. 2013] и орфографических словарях (СОС 2007) находим и *реперша, и шахідка, и флористка, и мародерка, и маргіналка*.

Наиболее ярко это явление представлено в чешском языке. Данные двух словарей неологизмов *Nová slova v češtině* и *Nová slova v češtině II* дают полную картину такого освоения чешским языком и заимствованных маскулинизмов: *brand manažerka, light designerka, somatoložka, canisterapeutka, streetworkerka, brokerka, dealerka, bodyguardka, hiphoperka/hiphopačka, metalistka/metalačka, femalistka, postmodernistka, rastamanka, internetistka/internetěrka/internetářka, houmlesáčka* и др.

Такие компенсаторы собственно лексической фемининной лакунарности имеют свою специфику. Они возникают в изучаемых языках с различной интенсивностью на основе соответствующих маскулинных наименований, которые осваиваются языками ранее. К примеру, в чешском - языке с регулярным мовированием - словари неологизмов фиксируют их постепенное образование. В словаре NSČ II 2004 зафиксировано 798 новых маскулинных наименований по профессии, роду деятельности, сфере занятий, социальному статусу и т.п. 173 из них имеют женские корреляты. Но при этом 28 из них – такие, мужская форма которых зафиксирована в предыдущем издании словаря NSČ 1998.

Поскольку в большинстве случаев такие феминативы называют заимствованные понятия, безусловно актуальные для современного носителя языка (женщину в сфере спорта, идеологии, политики, экономики, компьютерных технологий, нетрадиционной медицины и под.), у них есть высокие шансы закрепиться в языке в качестве компенсаторов такого рода фемининных лакун.

Лексические сегментные фемининные лакуны порождены языковыми факторами семантико-морфологического характера, которые ограничивают появление в языке отмаскулинных словообразовательных дериватов-феминативов, омонимичных уже существующим в языке именам существительным неличного

характера, на определенном сегменте лексико-словообразовательной системы. Этот ограничительный фактор является актуальным для всех четырех изучаемых языков. В украинском языке трудно создать, например, женский коррелят мужского наименования *бігун*, ведь существующее в языке слово *бігунка* (розм. заст. «розлад шлунка; понос») явно вызывает не самые приятные ассоциации у его носителей. Тем не менее, в украинском языке встречаем феминатив *бігунка*, обозначающий спортсменку-бегунью: *Бігунка з Огайо прославилася, дотягнувши знесилена суперницю до фінішу* (Факти, 06.06.2012). Вопрос о том, насколько факт совмещенной омонимии является сдерживающим, не имеет однозначного решения. Украинский исследователь А. М. Нелюба считает его мнимым, безосновательным [Нелюба 2009а: 135–140]: на основании украинского номинанта *первак* «перша дитина-хлопчик», по его убеждению, вполне можно образовать *первачка* «перша дитина-дівчинка» (ср. омоним *первак* «неочищенный самогон с резким вкусом и запахом»). И. С. Улуханов считает такие ограничители «языковыми нежесткими ограничителями антиомонимического характера» [Улуханов 1998: 536-555].

«Боязнь омонимии», - именно так интерпретирует блокирующие деривационные процессы в сфере наименований женщин языковые факторы известный польский исследователь М. Лазиньский [Łaziński 2006: 259]. Действительно, многофункциональность славянских феминизирующих суффиксальных формантов (за исключением пол. *–i(y)ni*, рус. *–ин(я)*, укр. *–ин(я)*, чеш. *–унě*) усложняет процесс появления в языке отмаскулированных феминативов, омонимичных уже существующим в языке именам существительным неличного характера.

На порождаемое феминизацией маскулинизмов явление совмещенной омонимии нет единого мнения и в кругу лингвистов. В статье Д. Бжозовской «Категория рода в современном польском языке», появившейся в журнале «*Język Polski*», в разделе «Мужские наименования, не имеющие женских соответствий», читаем: «Многие мужские наименования (например, *podatnik, abonent, kredytobiorca, chlebodawca*) не имеют женских соответствий. Иногда, в случае, когда женские наименования все же употребляются, они реализуют неличные значения, например, *reżyserka* (название помещения), *kierownica* (название движущего механизма), *elektronika* (название отрасли), или *pilotka* (название предмета)» [Brzozowska 2005: 39]. М. Новосад-Бакаларчик в ответ на эту статью пишет: «Во фрагменте статьи под названием «Мужские наименования, не имеющие женских соответствий» автор приводит много примеров мужских наименований, не имеющих женских соответствий. Однако же среди них есть наименования, имеющие хорошо известные корреляты, зафиксированные польскими словарями. Это такие пары, как

abonament – abonamentka, chlebowawca – chlebowawczyni, reżyser – reżyserka, pilot – pilotka, prezes – prezeska, mecenas – mecenaska, ambasador – ambasadorka, redaktor – redaktorka, rolnik – rolniczka, żeglarz – żeglarka, morderca – morderczyni, zabójca – zabójczyni», - пишет автор [Nowosad-Bakalarczyk 2006b: 393-394].

Явление совмещенной омонимии обнаруживаем и в других языках: рус. *грибница* «корневая система, вегетативное тело грибов»; «теплица для разведения грибов» (ср. неофеминатив *грибница* «женщина-грибник»); *сигаретница* «портсигар, сигарница» (ср. неофеминатив *сигаретница* «пожилая курящая женщина»); *передовица* «передовая статья» (ср. неофеминатив *передовица* «женщина-передовик производства»), укр. *гімнастерка* «військова форма сорочка з цупкої тканини з відкладним або стоячим коміром» (ср. неофеминатив *жарг. гімнастерка* «тренер зі спортивної гімнастики»), *перчинка* перен., розм. «кущипливе глузування, уїдлива дотепність» (пор. неофеминатив *перчинка* «дівчина - перець»); *скудельниця* «яма для масових поховань» (ср. неофеминатив *скудельниця* «жінка-гончар»), чеш. *kandidátka* «listina» (ср. неофеминатив *kandidátka* «žena kandidující ve volbách»); *strážnice* «místnost pro stráž» (ср. неофеминатив *strážnice* «policistka»); *chemička* «chemická továrna» (ср. неофеминатив *chemička* «odbornice v chemii»).

В чешском языковом сообществе факты совмещенной омонимии вызывают бурные дискуссии. В случае с неофеминативом *strážnice* К. Зеленкова обращает внимание общественности на то, что найти точный женский эквивалент к мужскому наименованию *strážce* еще никому не удалось. Проблема состоит в том, что академический толковый словарь [SSJČ 1989, D.5: 560] фиксирует два коррелята к маскулинизму *strážce – strážkyně* и *strážce*, последний из которых оказывается маскулинизмом. Однако слово *strážkyně* является коррелятом к иному значению слова *strážce* (*strážce majáku* «смотритель маяка»), в то время как иной допустимый феминатив *strážnice* обозначает помещение, в котором находятся полицейские. *Strážkyně* и *strážnice* – два разных слова, которые в текстах СМИ употребляются параллельно. Иногда вместо них используется *policistka*, однако это слово еще менее уместно, потому что *městská strážnice* и *policistka* различаются не только семантически, но и юридически – по объему полномочий. Поэтому иногда в прессе используют выражение *strážce v sukních*, которое носителям языка напоминает гендерно маркированный стереотип [Zelenková 2007]. Неоднозначно воспринимается чехами и неофеминатив *chemička*. Носители языка иронизируют: как им следует понимать фразу *Z chemičky unkl plyn?* [Říhová 2010].

Несмотря на очевидный конфликт омонимов, в актуальном словоупотреблении находим в польском: «*Agnieszka Odorowicz - Wielka Reżyserka*» (Wojciech Surmacz, Newsweek 24 maja 2010), и «*Pilotka wyprosiła z samolotu pasażera za seksistowskie uwagi*» (Wiadomości WP.PL 2012-05-23), русском: *Значит, гриб перерос или поврежден и в нем могут образоваться яды, — предостерегает опытная грибница* (Информ-Полис, 08.09.2010); *Старая сигаретница с желтыми от курения пальцами недовольно взглянула на собеседника* (Новости Забайкалья, 11.11.2009); *Женщины тут трудятся наравне со всеми, и милое улыбочное фото одной из передовиц производства украшает Доску почета* (Час, 11.06.2012), украинском: *Суфікс разового використання –ерк(а) має і жаргонізм гімнастерка «тренер зі спортивної гімнастики»* (Л. Карпець, А. Нелюба. Словотвірне номінування осіб у спортивному жаргоні); чешском языке: *Mladá chemička navrhuje šetrné čištění odpadních vod* (Rozhlas.cz. Zprávy. 07.02.2011); *Strážnice zjistila, že se jedná o dvaadvacetiletého muže z Rožnova pod Radhoštěm* (TN.CZ, 21.04.2012); *Mladá detektivka Nancy Drew je mezi třemi mimořádnými kandidáty, aby mohla postoupit musí vyřešit předem stanovené úkoly* (Heureka.cz, 02.08.2012).

В польском языке нами зафиксировано явление совмещенной омонимии, которое возникает на уровне нескольких кодифицированных значений многозначного слова. Наравне с уже функционирующими в языке омонимами (*monterka* 1. forma *ż* od *monter*, 2. «praca, zawód montera», *cewiarka* 1. *zaw. włók.* «robotnica obsługująca maszynę do cewienia; cewiaczka, przewijaczka», 2. *włók. techn.* «maszyna służąca do cewienia; przewijarka», *murarka* 1. *bud.* «rzemiosło murarskie, praca, zajęcie murarza», 2. forma *ż* od *murarz*, *dziewiarka* 1. *włók. rzem.* «kobieta zajmująca się zawodowo dziewiarstwem», 2. *włók. techn.* «maszyna włókiennicza do wytwarzania tkanin», *żołnierka* 1. «służba wojskowa, zawód żołnierza; wojaczka, wojowanie», 2. «kobieta żołnierz» (USJP/Dub 2008)) в современном польском языке появляются и нео-омонимы. Среди них *bokserka* (SJP/Sz 1999; USJP/Dub 2008), *saperka* (USJP/Dub 2008), *szoferka* (SJP/Sz 1999; USJP/Dub 2008; SJP/Dor 1996-1997), *cukierniczka* (SJP/Sz 1999; USJP/Dub 2008; SJP/Dor 1996-1997), *dyplomatka* (SJP/Sz 1999; USJP/Dub 2008; SJP/Dor 1996-1997), *szermierka* с пометой редко (SJP/Dor 1996-1997), *magisterka* с пометой редко (SJP/Dor 1996-1997). Такие наименования относительно их целесообразности и корректности употребления вызывают бурную дискуссию в кругу польских лингвистов. М. Лазиньский по этому поводу пишет: «Омонимия является неотъемлемой частью языковой системы. Если слово *magynarka* уже имеет два не запрещенных к употреблению словарных значения, то нет никаких логических причин для запрета употребления слова в третьем значении. Если мы понимаем друг друга, не путая

верхней части костюма – *marynarka1* с флотом *marynarka2*, то можно надеяться, что мы бы не перепутали ни с одним из этих объектов и женщину в морском мундире – *marynarka3*» [Łaziński 2006: 259]. У авторов «Poradnika Językowego» на этот счет другое мнение. В официальном бюллетене Совета по вопросам польского языка его глава сообщает: «В случае необходимости относительно женщины-моряка следует употреблять существительное мужского рода *marynarz* с обязательным *pani* или *kobieta*» [Komunikaty Rady języka polskiego 2002: 73].

Анализ актуальных лексикографических источников свидетельствует о том, что неологизмы со значением лица женского пола, омонимичные уже существующим в языке именам существительным неличного характера, в последние годы активно кодифицируются не только польскими словарями, чаще с пометой *razg.* или *редко*, но, судя по количественному их употреблению в СМИ и прессе, некоторые из них имеют все шансы перейти в разряд межстилевой лексики. В таком случае они смогут реально претендовать на статус компенсаторов такого типа лингвальных системных номинационных фемининных лакун.

Фемининные словообразовательные лакуны. Системные словообразовательные лакуны принадлежат к группе лингвальных, поскольку их существование в языках предопределено ограничителями прежде всего языкового системного характера (труднопроизносимое нагромождение согласных на морфонологическом шве, непродуктивность словообразовательной модели, неблагозвучность производного слова), в том числе и языковой традицией. Этот фрагмент номинационной системы в разных языках содержит различное количество «незаполненных клеток» в словообразовательных парадигмах. Именно здесь возникает «зона напряжения», которая требует компенсации. В роли компенсаторов системных словообразовательных лакун потенциально выступают неофеминативы – новые наименования женщины, образованные в последнее время, с одной стороны, по существующим в языке более или менее продуктивным словообразовательным моделям, с другой стороны - вопреки ограничениям узуса. Сюда же относятся и так называемые возвращенные феминативы - феминизированные маскулинизмы, наличествующие в языке предыдущих периодов, но по различным причинам (главным образом языкового характера) не закрепившиеся в нем на уровне узуса. На этом участке процессы делакунизации происходят наиболее активно, ведь неофеминизация на сегодняшний день является базовой тенденцией текущих лексических изменений словарного состава в с е х и з у ч а е м ы х я з ы к о в .

Лакунарность, вызванная воздействием фонетико-морфологических факторов, сдерживающих образование неофеминативов в польском, русском и украинском языке, в последние десятилетия подвергается компенсации довольно активно. С точки зрения современного языкового сознания носителей русского, украинского и польского языков узуальные (довольно жесткие) ограничения, связанные с возникновением труднопроизносимых согласных на словообразовательном шве, – не помеха в образовании феминизированного наименования. В чешском языке такого рода ограничения не являются препятствием для образования неофеминатива, здесь преградой может стать скорее недостаточная адаптированность иноязычного слова, чаще композитного типа, к языковой системе чешского языка: *kardiochirurg* – *kardiochirurgka*, *neuropatolog* – *neuropatoložka*. В остальных случаях группы согласных на морфемном шве чешским языком принимаются.

Демократизация и плюрализация нормы польского, русского и украинского языков на рубеже веков внесли коррективы в жесткие языковые ограничения этого типа. Нагромождения согласных на фонеморфологическом шве не стали препятствием для образования таких женских наименований, как *adiunktka* и *architektka* в польском языке, *психоаналитичка*, *музыковедша*, *политологша* в русском, *електоратка*, *кінокритичка*, *озвучувачка*, *детективістка*, *психоаналітикиня* в украинском. Нормативные польские грамматики считают их появление нецелесообразным, аргументируя это труднопроизносимостью приведенных выше номинантов. В «Kulturze języka polskiego» конца XX века читаем: «Слово *architektka* не могло бы прижиться в языке, оно слишком трудно произносится» [Buttler, Kurkowska, Satkiewicz 1971: 110]. Х. Ядаска уверенно добавляет к примеру *architektka* и *adiunktka* еще более сложный в произношении отмаскулинный дериват *pediatra* – *pediatrka* [Jadaska 1999: 1767-1768]. Однако же в современных словарях феминатив *architektka* приводится даже без помет (SJP/Sz 1999; SJP/Dog 1996-1997), кроме квалификатора *разг.* в Универсальном словаре польского языка Ст. Дубиша. Русский неофеминатив *философка* находим с пометой *разг.* в словаре Т. Е. Ефремовой НСРЯ/ТС (online-версия). Наименования *adiunktka* и *pediatrka* не зафиксированы словарями общего типа, однако в различных контекстах эти единицы достаточно часто встречаются: *dr Karolina Wigura – szefuje, wraz z Pawłem Marczewskim, działowi «Temat tygodnia». Studiowała socjologię, filozofię i nauki polityczne na Uniwersytecie Warszawskim i Uniwersytecie Ludwiga Maximiliana w Monachium. Adiunktka w Instytucie Socjologii UW* (<http://kulturaliberalna.pl/zespol/>); *Françoise Dolto (ur. 6 listopada 1908, zm. 25*

sierpnia 1988) – francuska pediatrka i psychoanalityczka (http://pl.wikipedia.org/wiki/Françoise_Dolto).

Подобное явление наблюдаем и в русском и украинском языках: *Психологія показала мне грань игрушечного кубика с каким-то квадратным схематическим изображением, приложив сверху к ней рисунок человеческого торса и спросила что-то* (LiveJournal, 08.02.2012), *Почему у психолога жена обычно философка?* (RussianFood.com, 01.08.2012); *Лякання молодих людей антиконцепцією, то на жаль, стандарт в польській школі - говорить д-р Аліція Длуголецька, педагожка та сексоложка* (Політика, 01.01.1990); *Загинула юна водійка скутера* (Чернівці.comments.ua, 12.05.2012).

Бурю дискуссий в кругу польских лингвистов вызывают новообразованные наименования женщин по профессии на *-log*: *socjolożka, psycholożka, filolożka* и др. Еще несколько лет назад считалось, что наименования женщин по профессии на *-log* не подлежат склонению и употребляются исключительно в форме мужского грамматического рода, «например, *Pani psycholog przyszła*» [Gramatyka współczesnego języka polskiego 1999: 422]. Неодобрительные высказывания по поводу образования «*-lożek*» находим еще у В.Дорошевского, считающего такие образования несерьезными и смешными [Doroszewski 1948: 72.], З.Клеменевич пишет, что «от такого серьезного фонологического изменения слова просто коробит, это своего рода *vox hybrida*» [Klemensiewicz 1957: 109]. Примечательно, что многие современные лингвисты повторяют в своих исследованиях аргументы мэтров. Некорректным употребление феминативов на «*-lożka*» считают М. Басай, А. Грибосиова, Р. Гжегорчикова, Х. Ядацка, А. Кемпиньска, А. Нагурко, М. Новосад-Бакаларчик, Р. Пшибыльска, Я. Пузынина, Х. Згулкова. По мнению А. Кемпиньской, женские наименования «*teatrolożka, socjolożka*, несмотря на все более частое их употребление, звучат «скрипуче» и просто ужасно» [Kępińska 2007: 80]. Совсем иначе видят ситуацию Д. Бжозовска, Г. Дуда, И. Капронь-Харжиньска, М. Лазиньский, М. Мыцавка, М. Скаржиньский. «Мы можем сказать, что «*chirurgżka, psycholożka, ginekolożka*» (так же, как *filolożka* и другие женские наименования на *-log*, образованные от мужских) звучат немного странно, но это впечатление вызвано скорее всего их редким употреблением и/или тем, что они в языке новы. Следует сказать и о том, что есть женщины, которые не хотят, чтобы их так называли, потому как формы на *-lożka*, по их мнению, звучат несерьезно. Нельзя сказать одного, - что эти наименования неправильны», - утверждает М. Скаржиньский (<http://www.polonistyka.uj.edu.pl/sys>). Недоумевает и М. Лазиньский: «В качестве аргументов против наименований на «*-lożka*» приводят чаще всего то, что они смешны, а также то, что широкая общественность их не

примет. Такая позиция говорит о своеобразном чувстве юмора поляков, ведь я не могу понять, почему *-ložka* в *filolożce* должна быть смешнее *-tyczki* в *matematycznej* или *informatycznej*?» (<http://poradnia.pwn.pl/lista.php?szukaj=filolo%BFka&kat=18>).

Русский и особенно украинский язык в таких случаях своеобразным образом «реабилитируют» один из древнейших, до недавнего времени непродуктивный феминизирующий формант *-ын(я) // ин(я)*, который дает возможность в ряде случаев избежать неблагозвучного нагромождения согласных на фонеморфологическом шве при образовании феминативов от маскулинизмов на *-лог, -соф, -тик* и под.: рус *геолог – (геоложка) геологиня, филолог – (філоложка) филологиня* и под., укр. *філософ – філософіння, теоретик – теоретикіння, критик – критикіння, психолог – психологиня, психоаналітик – психоаналітикіння, кінокритик – кінокритикіння, нарколог – наркологиня, саєнтолог – саєнтологиня, зоолог – зоологиня, йог – йогиня, єпископ – єпископіння* и др. На рубеже веков вопреки стилистическим ограничениям и прагматическим характеристикам нового слова, образованного с помощью исконно андронимичных формантов *-иха* и *-ша*, в русском языке наблюдаем многочисленные неофеминативы. Эти же форманты присоединяются и к маскулинизмам, именующим человека по более современной профессии или роду занятий, так сказать, «в обход» андронима - *дизайнерша* «женщина-дизайнер», *букерша* «женщина-букер», *борчиха* «женщина, занимающаяся борьбой как видом спорта», *снайперша* «женщина-снайпер» и под.

В современных польских изданиях находим и женские корреляты на *-ka* типа *ortopedka, pediatrka*, образованные с нагромождением согласных на фонеморфематическом шве от мужских наименований на *-a*. Р. Гжегорчикова и Я. Пузынина отмечают маскулинные основы на *-a* как непродуктивные [Grzegorzczukowa, Puzynina 1998: 423], однако, по мнению И. Карпонец-Хажиньской, «с точки зрения словообразования эти лексемы образованы правильно, так же как и дериваты типа *poeta* → *poetka*, которыми сегодня никого не удивишь» [Karpiń-Charzyńska 2006: 267]. В украинском языке нами зафиксированы неофеминативы, образованные подобным образом – *прозаїця, прозаїкіння* (от *прозаїк*).

Наиболее продуктивным в образовании неофеминативов (вопреки этому языковому ограничению) в польском, русском и украинском языках по-прежнему остается суффикс *-ka // -к(а)* (пол. *psycholożka, wicedyrektorka, reżyserka, murarka, prezydentka*, рус. *шахидка, террористка, регионалка, лидерка, единокроссиянка*, укр. *виступантка, логопедка, парламентарка, прем'єр-міністерка, правничка, керманічка, неформалка, кандидатка... наук, педагожка, народничка, літератка, шефка, європка,*

пивникарка, озвучувачка, свинопаска, змагунка, правдописка, поетка, поетичка и др. При этом словообразовательная активность других феминизирующих формантов в изучаемых языках оказывается несколько различной. Менее словообразовательно активными оказались суффиксы *-y(i)ni*, *-essa* и суффикс/окончание *-a* в польском языке, суффиксы *-иц(a)*, *-и(a)*, *-их(a)*, *-ын(я)*, а также заимствованные *-есс(a)*, *-исс(a)* в русском, *-ин(я)*, *-иц(я)*, *-ес(a)*, *-их (a)*, *-и(a)*⁶² в украинском. В украинском наиболее высокой словообразовательной активностью отличаются *-ин(я)*, *-иц(я)* и форманты иностранного происхождения *-ес(a)/-ис(a)*, которые позволяют избежать нагромождения согласных та стыке морфем: *педагогиня, педіатриня, продавчиня, патріархиня, педіатриця, перегониця, піарниця, мирнощиця, кермувальниця, казальниця, виконавиця, мисливиця, мовкиня, лиходолиця, патронеса, метреса, політикеса, ідіотеса* и др.

Среди достаточно активных в польском, русском и украинском языках, как видим, оказался ранее непродуктивный древний славянских формант – пол. *y(i)ni* (*szpiegini, świadkini*), рус. *-ын(я)* (*фразеологиня, политологиня*), укр. *-ин(я)* (*філологиня, фотографиня, біологиня, геологиня, топографиня, психологиня, своякиня*). В польском языке по-особому сложилась судьба древнего славянского непродуктивного в современном узуальном словообразовании форманта *-a* (ср. чешский неофеминатив *mluvča*). *Doktoresa*, как она сама себя определяет, К. Войцеховска всерьез предлагает носителю польского языка вместо привычных возвращенных феминативов *koordynatorka, redaktorka* использовать формы *redaktora, koordynatora*: «Возможно, вы заметили в наших редакционных данных наименования *redaktora, koordynatora* и др. Уверяю вас, что это не ошибка и не опечатка. Это самая правильная, хоть и инновационная форма женских наименований» [Wojciechowska 2004].

Современный чешский язык идет по пути системного фемининного словообразования: феминизация маскулинизмов в этом языке не имеет жестких узуальных, в том числе и стилистических ограничений; феминативы здесь не «привязаны» к разговорному языку, в отличие от польского, русского и украинского, где многие из них считаются нормой разговорного стиля. В чешском языке моция – факт центральный, а не периферийный. Неофеминативы в чешском языке лишь иногда менее устоявшиеся, реже употребительные по сравнению с маскулинизмами [Štejrková 2002: 273], однако они практически всегда лишены дополнительных прагматических приращений.

⁶² Последний феминизирующий формант А. М. Нелюба определяет как формант единичного использования [Нелюба 2011б: 54].

В современном чешском языке в последнее время также возник ряд неофеминативов, образованных вопреки ограничениям узуса: *psycholožka*, *pedagožka*, *občanka*, *vědkyně*, *pediatra*, *lidryně*, *chirurgyně*. Относительно их целесообразности и удобоваримости в языковом сообществе продолжают активные дискуссии [Valdrová 2005: 57-60; Syslová 2010; Šmejkal 2010; Daneš 1995 и др.]. Некоторые неофеминативы предложены представительницами феминистской лингвистики в качестве противовеса мужскому «деспотизму» в языке: *hostka*, *kameražena*, *génijka*, *radová*. По убеждению Я. Валдровой, если такие новообразования кажутся носителям языка странными, их следует употреблять в языке так часто, чтобы они перестали быть странными. Пусть такие феминативы «неправильны» с точки зрения узуса и нормы, но с гендерной точки зрения они – правильные [Valdrová 1997: 87-91].

Обобщая понимание лакун разными авторами, Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина пишут, что признаки лакун могут быть представлены в виде оппозиций, среди которых – *непривычно – привычно*, *незнакомо – знакомо* [Сорокин, Марковина 1983: 37], где правый член оппозиции должен соответствовать предполагаемому компенсатору лакуны. Представляется, что во многих случаях неофеминативы как потенциальные компенсаторы системных словообразовательных лакун таким требованиям не соответствуют.

В то же время общей тенденцией для польского, русского, украинского и чешского языков является неустоявшийся характер формы неофеминатива как потенциального компенсатора этого типа номинационной лакуны. Поскольку большинство феминативов, приведенных выше, образованы вопреки жестким ограничителям собственно языкового характера, практически любой из вариантов вступает в конфликт с нормой. Язык, таким образом, идет методом проб и ошибок, пытаясь «нащупать» наиболее приемлемый из них: в польском языке (по данным словоупотреблений, зафиксированных в нашей картотеке) параллельно сосуществуют (со сходными или разными стилистическими маркерами, зафиксированные или не зафиксированные словарями общего типа) *dyrektorka/dyrektora/dyrektoressa*, *prezeska/prezessa*, *filoložka/filologistka/filologini*, *psycholožka/psychologistka/psychologini*, *ministerka/ministra*, *redaktorka/redaktora*, в русском – *ветеранка/ветерана*, *филологичка/филологиня/филологесса*, *министерша/министресса*, *борчиня/борчиха*, *топографиня/топографистка*, *докторица/докторша*, *врачица/врачиха*, *директорица/директорша/директриса*, *авторша/авторица/авторесса/авторица* и др.; в украинском *професорка/професориня/професориса/професореса/професориця*, *педіатриса/педіатриня/педіатреса*, *директорша/директриса/директриня*, *учителька/учителькиня/учитилеса* и

под., в чешском – *chirurgyně/chirurgička/chirurgžka, strážkyně/strážnice, pediatrička/pediatra, kamerawoman/kameramanka/kameražena*.

Стилеобразующие фемининные лакуны. В контексте стилеобразующих, или стилевых лакун делакунизация реализуется через стилистическое перераспределение уже существующих в языке феминативов, зафиксированных словарями польского, русского и украинского языков с определенными специальными пометами. Те феминативы, которые были квалифицированы кодификационными источниками как разговорные или эмоционально окрашенные, переходят в разряд межстилевой лексики и, таким образом, входят в сферу книжных стилей, в частности **научного и официально-делового**, становясь своего рода компенсаторами узуально узаконенных в этих стилях маскулинных наименований женщины – в этих стилях, как известно, пол актуального значения не имеет.

Так, например, женское наименование *profesorka*, отмеченное в Словаре польского языка М. Шимчака (SJPSz 1999) и Универсальном словаре польского языка Ст. Дубиша (USJP/Dub. 2008) как разг. со значением «*nauczycielka szkoły średniej*», в Словаре польского языка В. Дорошевского (SJP/Dor. 1996-1997) помет уже не имеет, более того, авторы словаря предлагают и второе значение слова «*rzad. kobieta profesor wyższej uczelni*». Феминативы не только массово утрачивают помету «разговорное»: разг. *murarka* (SJP/Sz. 1999) → «*kobieta-murarz*» без помет (USJP/Dub. 2008; SJP/Dor. 1996-1997); разг. *młynarka* (SJP/Sz. 1999; USJP/Dub. 2008) → «*kobieta zajmująca się mieleniem zboża w płynie*» без помет (SJP/Dor. 1996-1997); разг. *szoferka* (SJP/Sz. 1999; USJP/Dub. 2008) → «*kobieta prowadząca samochód, kobieta kierowca*» без помет (SJP/Dor. 1996-1997); разг. *prokuratorka* (SJP/Sz. 1999; USJP/Dub. 2008) → «*kobieta prokurator*» без помет (SJP/Dor. 1996-1997), но в польском языке также происходит стилистическое перераспределение в сторону нейтрализации и на уровне оценочно сниженных существительных, именующих женщину. Например, разг. пренебр. *siksa* (SJP/Sz 1999; USJP/Dub. 2008) → прост. «*młoda dziewczyna, podlotek; smarkula*» (SJP/Dor. 1996-1997); разг. ирон. пренебр. *dziumdzia* (SJP/Sz. 1999; USJP/Dub. 2008) → «*ktoś flegmatyczny, ospały, mało energiczny*» без помет (SJP/Dor. 1996-1997); разг. пренебр. *szczekaczka* (SJP/Sz. 1999; USJP/Dub. 2008) → «*kobieta gadatliwa, krzykliwa, kłótniwa; także: plotkarka*» без помет (SJP/Dor. 1996-1997).

В польском научном дискурсе и официально-деловом стиле языка последних лет наблюдается перераспределение кодифицированных словарями разговорных феминативов в сторону их перехода в разряд межстилевой лексики: ср. *Prokuratorka Lidia Mazowiecka* z

Prokuratury Generalnej podkreślała, że przede wszystkim należy skupić się na pomocy osobom doświadczającym przemocy (Pełnomocnik Rządu do Spraw Równego Traktowania, Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, Konferencja «Standardy Rady Europy dotyczące przemocy wobec kobiet oraz przemocy domowej w polskim prawie i praktyce», 15.11.2013); W panelu wzięła udział Katarzyna Wolska-Wrona z Biura Pełnomocniczki Rządu ds. Równego Traktowania, która przedstawiła treść Konwencji (Pełnomocnik Rządu do Spraw Równego Traktowania, Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, Konferencja «Standardy Rady Europy dotyczące przemocy wobec kobiet oraz przemocy domowej w polskim prawie i praktyce», 15.11.2013); W dniu 30 kwietnia br. nadinsp. Marek Działożyński Komendant Główny Policji spotkał się z dr Agnieszką Kozłowską-Rajewicz, Pełnomocniczką Rządu do Spraw Równego Traktowania (Policja.pl, Spotkanie Komendanta Głównego Policji z Pełnomocniczką Rządu do Spraw Równego Traktowania, 02.05.2013); Kimberlé Crenshaw, amerykańska badaczka i profesorka prawa, idąc tropem Czarnych amerykańskich feministek, wprowadziła pod koniec lat 80. XX wieku do swojej pracy naukowej pojęcie interseksjonalności (intersectionality, od ang. intersection – skrzyżowanie), wykorzystane w owym czasie do opisu przecinania się kategorii rasy i gender, oraz zdefiniowała dyskryminację wielokrotną (multiple discrimination) (Konferencja «Marginesy wykluczenia. Polskie, europejskie i globalne aspekty zjawiska wielokrotnego wykluczenia i marginalizacji społecznej», 29-30.05.2014); 10.15 - 11.00 Etyka równości i różnorodności. Od etyki w życiu prywatnym do etyki w biznesie. Magdalena Środa – Profesorka, Zakład Etyki Instytutu Filozofii UW (Program konferencji Konfederacji Lewiatan «Różnorodność inwestycją w rozwój» - 5 marca 2014 br. Poznań).

Словари современного русского языка дают подобную картину: *врачиха разг.* (БАС 2004) – в словаре ТСРЯ/АЛ 2006 *врачиха* Ж. к врач без помет; *директорша разг.* (БАС 2004) – *директорша* Ж. к директор без помет (ТСРЯ/АЛ 2006); в словарях ТСРЯ/ЯИ 1998, ТСРЯ/ЯИ 2001 *стриптизерка* нейтр. и *стриптизерша* разг., в ТСРЯ/АЛ 2006 – только *стриптизерша* и без стилистических помет. Кроме того, в разных словарях наблюдаем отличия не только в квалификации, но и в представленности феминативов в словарном регистре: ТСРЯ/Ож. 1993, НСРЯ/Ефр. 2001, БТСРЯ 2001, ТСРЯ/АЛ фиксирует только *автор*, в БАС 2004, ТСРЯ/АЛ (онлайн-версия) находим *авторша* разг.; в словарях ТСРЯ/АЛ 2006, БТСРЯ 2001, БТСРС 2005 – только *редактор*, в ТСРЯ/Ож. 1993, НСРЯ/Ефр. 2001 – *редакторша* разг. Следует заметить, что стилистическое перераспределение в сторону нейтрализации на уровне оценочно сниженных существительных, именующих женщину, в русском языке встречается реже: *бомжиха прост.* (БАС 2004), в БТСРЯ 2001 – без помет.

В русском научном дискурсе наблюдаем стилевое перераспределение подобных неофеминативов как элементов разговорной лексики в единичных случаях: *Географини Тома Марьина, Люда Панова, Нина Котельникова связали свою судьбу со спелеологией* (Карстовый бюлетень. №2(10), 2009. Красноярск); *Это был голос Веры Александровны Фоминой, философесса у нас была такая* («Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно...»). Интервью с профессором МГУ В. В. Соколовым. Беседу провел доцент А. П. Козырев. Вестник Московского Университета. Серия. 7. Философия. 2006. № 6); *Синезий, ученик неоплатонической философессы Ипатиш* (Неоплатонизм и христианство. М. А. Старокадомский, профессор, доктор богословия. Богословские труды XII). В отдельных научных работах такие феминативы встречаются, но «закавыченные» и в ироничном контексте: *В 80-е годы прошедшего столетия в городе Минске был широко известен пример деятельности такой родственной «социологини» с лингвистическим образованием на подшипниковом заводе, абсолютно непрофессионально проведшей исследование взаимоотношений работников с руководителями среднего звена...* (М. Хурс. Востребованность социологической науки в контексте перспектив социально-экономического развития Беларуси. Национальная философия в контексте современных глобальных процессов. Минск: Право и экономика, 2011). Таким образом, стилевая лакунарность со стороны феминативов в научном и официально-деловом стилях практически не подвержена процессам компенсации.

В украинской лексикографии наблюдаем аналогичные колебания в квалификации стилистического регистра феминативов: *мисткиня розг.* (СУМ 1970-1980) – в словаре ВТССУМ 2007 *мисткиня* без спец. пометы, *організаторка розм., інженерка розм.* (СУМ 1970-1980) – в словаре ВТССУМ 2007 *організаторка, інженерка* без специальной стилистической пометы, лишь с указанием на редкоупотребительность. СУМ 1970-1980 фиксирует только *президент*, ВТССУМ 2007 – *президентка розм.* и наоборот, *воротарка* - СУМ 1970-1980 без специальных помет, ВТССУМ 2007 *воротарка розм.*

Многие феминативы, образованные по образцу указанных выше, традиционно воспринимаются украинским языковым сообществом как элементы разговорного стиля. Тем не менее, они постепенно, хотя и с различной мерой интенсивности, превращаются в «квазисредства» заполнения стилевых лакун, проникая в другие стили, куда им путь был заказан стилевой нормой, - главным образом официально-деловой и даже научный. Особенно ярко этот факт представлен в украинском научном дискурсе, который, как известно, жестко ограничивает наличие подобных ненормативных наименований женщины: *Філософеса Г. Горак розглядає духовність через поняття духу, як сукупність*

смилових та ідейних надбань людства в процесі його історичного розвитку (Христова Г. О., Кочемировська О. О. Позитивні дії в механізмі забезпечення рівних прав та можливостей жінок і чоловіків: міжнародний досвід та українські перспективи. – Харків: Райдер, 2010); *Російські теоретикині* О.Здравомислова та А.Тьомкіна визначають такі ключові відмінності теорії гендерного конструювання від теорії гендерної соціалізації... (О.Плахотник. між освітою і свободою: аксіологічні перипетії. Гуманітарний часопис, 2009, №1. Фахове видання); *Американська соціолінгвістка* Л. Біланюк наголошує на тому, що для деяких українців суржик – рідна мова... (І. Хом'як. Формування мовної особистості в білінвальному середовищі. Вісник Луганського національного університету. Фахове видання); *Книжка американсько-української поетки, перекладачки, критикині і літературознавиці* д-ра Марії Ревакович із Вашингтонського університету в Сіетлі містить вибрані праці двох останніх десятиліть (М. Ревакович. Критика. Видання за 2012 рік); *Статтю присвячено ювелярці Тетяні Олегівні Приступенко, заступниці Інституту журналістики з навчальної роботи, завідувачці кафедри періодичної преси, успішному науковцеві та журналістові. Подано життєвий і творчий шлях професорки Тетяни Приступенко* (проф. Ю. Ярмиш. Та, що випереджає час. Електронна бібліотека інституту журналістики НАН України); *Інна Совсун - політологиня, координаторка освітніх проектів, викладачка кафедри політології НаУКМА; Лариса Масенко, мовознавчиня...* (офіційний сайт Національного університету «Києво-Могилянська академія»); *Авторський колектив: кандидатка філологічних наук Олена Семиколєнова* (Випускові дані книги «Уповноважувальна освіта 2012») и др. Заметим: многие научные издания такого рода изданы под грифом Министерства образования Украины.

В научных исследованиях украинских языковедов встречаем отнюдь не в качестве примеров феминативы «*політикеса* *Наталія Вітренко*» (А. Нелюба), «*російська критикиня* *Ольга Богуславська*» (Г. Улюра), «*докторка* *філологічних наук... соціологиня* *Леся Ставицька*» (О. Синчак) и под. В программе международной научной конференции «Феминизм. Точка сборки», проведенной в марте 2012 года одним из самых рейтинговых высших учебных заведений Украины – Киево-Могилянской академией - читаем: *Доповідачки: Сара Кроулі — соціологиня, доцентка соціології університету Південної Флориди, США. Анна Лацис — історикиня, учасниця Московської Феміністичної групи, Надя Нартова — наукова дослідниця Центру незалежних соціологічних досліджень в Санкт-Петербурзі, Агата Челстовська — культурна антропологиня, феміністка, квір-*

активістка (<http://ofenzyva.wordpress.com/2012/02/28/mijnarodna-conferencia-feminism-tochka-zborky/>).

В украинской лексикографии также наблюдаем примеры изменения словарных помет, связанных со временем и сферой употребления феминативов, с устар., поет. на разг.: *професорка заст.* (СУМ 1970-1980) – *професорка розм.* (ВТССУМ 2007); *другиня поет. заст.* (СУМ 1970-1980) – *другиня заст.* (ВТССУМ 2007). Но и такого рода феминативы, хотя и снабженные стилистическими ограничительными пометами, достаточно популярны в научных текстах: *Ім'я професорки, академіка Олександри Антонівни Сербенської...* (А. Мамалига. Алмази творчості блискучі. Наукова стаття); *Словом, діяла вона якщо не як янгол-хранитель Кедріна, то безсумнівно як надійна другиня-берегиня* (Г. Прокопенко про Дмитра Кедріна. Наукова стаття).

Публицистический стиль считается наиболее открытым для подобного рода новообразований в контексте ведущей для него функции воздействия на адресата [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Мацько, Сидоренко, Мацько 2003; Здункевич-Единак 2008; Šechová a kol. 2003]. Здесь активное употребление феминативов связано напрямую с социально-коммуникативным заказом социума и ростом эмансипации женщины [Нещименко 2008: 265]. Именно в этом стиле проявляется выразительная (эксплицитная и имплицитная) прагматическая составляющая многих новых наименований женщины, которая отличает объем значения новообразованного феминатива и классического маскулинизма, превращая феминатив в квазикоррелят соответствующего маскулинизма.

Особое место в системе неофеминативов, широко употребляемых в языке современных СМИ, занимают статусные наименования лица женского пола. Еще В. Дорошевский писал: «Если женщина занимает должность премьер-министра, то она обязана исполнять в этой должности то же, что и мужчина-министр... По сути, указание на пол министра так же лишено связи с его общественной функцией, как и цвет его глаз» [Doroszewski 1948: 69]. Недопустимые ранее женские варианты статусных наименований все чаще появляются в языке медиа, несмотря на то, что в этой группе наименований (пол. *doktor, profesor, doktor habilitowany*, рус. *академик, профессор, доцент*, укр. *доктор... наук, кандидат... наук*), согласно предписаниям авторитетных грамматик, обозначение лица по полу контекстуально зависит от синтаксической конструкции предложения: рус. *профессор Алла Кирилина*; укр. *доктор історичних наук, профессор Ганна Черних*. В русском и украинском языках в таких случаях для идентификации пола лица подключается синтаксическое согласование: рус. *Профессор*

Алла Кирилина высказала мнение о том...; Свій ювілей доктор історичних наук, професор Ганна Черних святкувала у колі друзів, які її давно знають.

В русских СМИ статусные наименования лица женского пола в феминизированном виде встречаются достаточно часто: *Мы поспешили утешить Олега Львовича. Мы заверили его, что отданная российской науке жизнь почтенных профессоров и профессорниц из ВАКа — вне опасности* («Нечаянно запомнил чужое» и защитил как свое. Плагиат в кандидатской и докторской диссертациях Олега Митволя. Компромат.ru: http://www.compromat.ru/page_34242.htm); *Таких ищут сильные мужчины, а не бизнес-леди, профессору, или депутатку!* (Перуница. Женская миссия: <http://www.perunica.ru/zdoroviezh/1808-zhenskaya-missiya.html>); *Не один Профессор перлы выдает. У них и профессориня имеется* (Большая Европа - невозможна без Яценюка. И свободного журналиста Лазарева. ХайВей: <http://h.ua/story/229030/#ixzz2wCqUC5Ff>); *Как деканы и деканессы заставляли сотрудников голосовать? И что выборы сдвинули на месяц!* (Тимофей Бутенко. Одолжение Коссовича. Информационное агентство Версия Саратов. Форум, 15.03.2013). Однако нам не удалось найти контекстов словоупотреблений, в которых бы полностью отсутствовал прагматический (недоброжелательный, иронический, саркастический или другой подобный) подтекст. Заметим, что такого рода неофеминативы чрезвычайно популярны в публицистическом стиле как средства иронизации и сарказма: *Многочисленные советы соратников прекратить двусмысленные жесты бесполезны - филологиня* [Ирина Фарион] *не контролирует подсознательное* (Как же они боятся русских! – Правдинформ, 10.8.2013).

Указание на пол носителя определенного статуса, вопреки узусу и норме публицистического стиля, сегодня широко представлено в языке украинских средств массовой информации: *Професорці Луїзе Пуш 69 років, вона має ступінь доктора наук, 30 років досліджує гендерно справедливу мову і є співзасновницею феміністичної лінгвістики* («Шановний пане професорко», або ще одна перемога «жіночих» іменників. Жіночий консорціум України, 01.07.2013); *У Донецьку міліція майже місяць не може знайти зниклу професорку медуніверситету* (УНІАН, 28.11.2013); *Власниця цього папуги - деканка біологічного факультету столичного вишу Людмила Остапенко* (Євген Мотрич. Кореспондент. Тексти новин телеканалів: 28.09.2010 – Телекритика); *Лілія Гонюкова, докторка наук з державного управління, професорка* (Гендерна політика міст: історія і сучасність - Kiev Dialog, 16.03.2014); *Світлана Васюта, головна технологиня маслозаводу* (Євген Мотрич. ТСН. Час ефіру 22:12:05-22:14:40); *Рецептури солодоців інженерка-технологиня не розголошує* (У Луганську винайшли диво-солодоці для

спортсменів. Новини СТБ. Вікна. 15.01.2013). Любопытно, что в украинском языке в настоящее время образованы феминативы практически от всех статусных наименований, поскольку многие ученые считают, что именно в сфере феминизации маскулинизмов украинский язык принципиально отличается от русского (А. Нелюба, А. Пономарив, Я. Пузыренко и др.), однако от номинанта *akademik* нам такую пару отыскать не удалось. В то же время такие статусные наименования лица женского пола в украинском языке новейшего времени претендуют на статус нейтральных компенсаторов стилевых лакун.

В польском языке *docent1, minister1* в сочетании с глаголом в форме женского рода считаются феминативами, омонимичными к аналогичным маскулинным вариантам *docent2, minister2* [Kusała 1978: 55 и др.]. Традиционным способом обозначения лица по полу в польском языке является и употребление обязательного *pani* перед статусным наименованием женщины, «это *pani* становится своеобразным морфологическим индикатором такого рода номинаций» [Kępińska 2007: 79]. Тем не менее, СМИ последних десятилетий, как и научные издания феминистического характера, фиксируют наименования *prezydentka, ministerka, docentka, profesorka, senatorka, doktorka habilitowana*⁶³ и многие другие.

Семантическое ограничение по употреблению некоторых из них (уже существующие в языке статусные наименования типа *dyrektorka, kierowniczk*a отличаются по объему значения от аналогичных маскулинных вариантов - *kierownik Działu Kadr i Płac*, но *kierowniczk*a sklepu odzieżowego, *pani dyrektor departamentu*, но *dyrektorka gimnazjum*) не мешает польскому коллективу говорящих употреблять их в совершенно иных значениях: *dr Anna KWIATKIEWICZ - Dyrektorka Działu Zatrudnienie i Polityka*

⁶³ Ослабевают в польском языке и ограничения (связанные с употреблением в языке устойчивых многокомпонентных наименований типа *profesor habilitowany, radca prawnu* и т.п.). Статистические исследования, проведенные М. Новосад-Бакаларчик среди порядка тысячи учащихся различных вузов Польши, подтверждают изменения, происходящие на этом срезе лексического материала. Грамматически правильное согласование устойчивых многокомпонентных наименований *ad formam* в последнее время все чаще уступает место семантическому согласованию компонентов номинаций. Анкетирование подтверждает различную частоту использования респондентами устойчивых конструкций, согласованных *ad sensum*: грамматическое согласование по женскому роду было избрано анкетлируемыми неоднородно: *pracownik wykwalifikowany* о женщине – 48,02 % респондентов, *pracownica wykwalifikowana* – 51,77 %, *nauczyciel dyplomowany* о женщине – 26,56 % респондентов, *nauczycielka dyplomowana* – 73,13 % [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 104]. Подобная ситуация наблюдается и в группе устойчивых многокомпонентных статусных наименований, где первый компонент употреблен в форме мужского грамматического рода либо мужского рода на *-a*: *radca prawnu* о женщине – 91,74 % информантов, *radca prawna* – 7,01 %, *sędzia śledczy* – 82,01 %, *sędzia śledcza* – 15,48 %, *redaktor naczelny* – 25,42 %, *redaktorka naczelna* – 75,21 %, *doktor habilitowany* – 28,97 %, *doktorka habilitowana* – 71,23 % и другие [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 109].

О сглаживании стилистических барьеров свидетельствует и употребление устойчивых многокомпонентных наименований, обозначающих женщину и согласованных *ad sensum* в научных изданиях последнего времени. Примером такого согласования может послужить статья М. Карватовской и И. Шпыры-Козловской «*Klient nasz pan a wszyscy ludzie są braćmi – seksizm we współczesnej polszczyźnie*» [Karwatowska, Szpyra-Kozłowska 2003: 218], которую авторы подписали не иначе как *doktorki habilitowane*.

Spoleczna (<http://www.bpi-group.com/polska/about/management.html>); *Na początku lipca br. Diana Varnaite, kierowniczka Departamentu Dziedzictwa Kulturowego, zwróciła się do stołecznego samorządu prosząc, by zwrócił uwagę na oplakany stan zabytkowego cmentarza* (<http://www.tygodnik.lt/200931/bliska5.html>). В современных польских СМИ встречаем самые разнообразные варианты статусных наименований женщины: *Prezydentka i transseksualista* (Tygodnik PRZEGLĄD, № 47, 2003); *Warszawa: Referendum znacznie tańsze niż twierdzi prezydentka* (Lewica.pl, 21.08.2013), *Pełnomocniczka ds. niczego* (Tygodnik «Przeгляд», № 10, 2010); *USA: senatorka lesbijka zaprzysiężona! Tammy Baldwin, wyoutowana polityczka z Wisconsin została zaprzysiężona na senatorkę - tym samym jest pierwszą w historii USA senatorką - ujawnioną lesbijką!* (Queer.pl, 04.01.2013); *Agnieszka Kublik: Minister sportu Joanna Mucha prosi, by zwracać się do niej per «ministra».* *Dr Katarzyna Kłosińska: Ministra to forma błędna, to wręcz gwałt na języku! - Feministki od lat forsują «ministra» na panią minister i «premię» na panią premier. - Nie mówimy przecież - «lekara» na lekarkę czy «reportera» na reporterkę. Forma żeńska od minister to «ministerka». Więc jeżeli pani minister Mucha albo jakaś inna pani minister chce używać formy żeńskiej, to tylko «ministerka». - To brzmi mało poważnie, jak mniejszy, taki mniej ważny minister. - A «reporterka» brzmi mało poważnie? Nie. Choć rzeczywiście «ministerka» może się kojarzyć ze zdrobnieniem, bo za pomocą przyrostka «-ka» tworzymy zdrobnienia od nazw żeńskich, np. mała lampa to «lampka». Ale ten sam przyrostek służy też do tworzenia nazw żeńskich od męskich: «dyrektorka», «profesorka», «nauczycielka». Skoro polubiliśmy «reporterkę», to możemy też polubić «ministerkę» - pod warunkiem, że w ogóle będziemy chcieli używać żeńskiego odpowiednika nazwy «minister»... (Gazeta Wyborcza, Mucha to ministerka, nie ministra, Rozmowa z dr Katarzyną Kłosińską, 01.03.2012).*

Как уже было замечено, неофеминативы в польском, русском и украинском языке носят в преобладающем большинстве разговорный характер. Экспансию разговорных женских форм наименований в языке СМИ, с одной стороны, поддерживают, с другой – критикуют многие авторы. Возмущена существующим положением дел А. Кемпиньска, критикующая феминистически настроенных журналисток, пропагандирующих неофеминативы типа *prezydentka* в языке прессы [Кемпиńska 2007: 82]. Среди «несогласных» и А. Грибосиова: «В феминистических интернет-изданиях теперь употребляются формы типа *socjolożka*, а также любые возможные дериваты, например *pełnomocniczka*. Авторы таких текстов принадлежат к молодому поколению, мало знающему теоретические основы культуроведения и языковедения», - пишет автор [Grybosiowa 2006: 78]. С другой стороны, социолингвистической, употребление таких

феминативов в языке СМИ считает уместным Г. П. Нещименко: активизация образования и употребления неоминативов здесь, по ее мнению, стимулируется не только коммуникативной целесообразностью, но и потребностью языковой экономии, поскольку конструкции типа *женщина-бизнесмен* более громоздки, нежели *бизнесменша* или *бизнесменка*, как бы они поначалу ни «резали ухо». Здесь сказывается влияние разговорного языка, в котором фемининное словопроизводство является достаточно регулярным [Нещименко 2008: 266].

Несмотря на противоречивое отношение к таким языковым новшествам, многие неоминативы уже кодифицированы словарями (Универсальный словарь польского языка фиксирует женские наименования *etnolożka*, *socjolożka*, *psycholożka*, словарь Т. Е. Ефремовой (НСРЯ/ТС 2001) фиксирует неоминативы *философка*, *профессорша* и др., Современный орфографический словарь украинского языка (СОС 2007) – неоминативы *філологічка*, *директриса*) и функционируют в прессе. И пусть «несогласные» сокрушаются, что *krytyczka* звучит как «плохая критика» [Керпінська 2007: 80; Warchoń-Schlottmann 2006: 42], а «среднестатистический носитель языка, который и так не уверен, какую выбрать форму - *profesorzy* или *profesorowie*, теперь обязан выбирать между *panią redaktor*, *redaktorką*, *redaktora* и *redaktoressą*, или *panią biolog*, *biolożką*, *biologistką i biologinią*» [Warchoń-Schlottmann 2006: 43], - СМИ и феминистки позицию уже выбрали.

В чешском языке феминативы и по смысловому объему, и по прагматическим, в частности и стилистическим характеристикам, обычно равноценны маскулинизмам, от которых они образованы. Поэтому здесь стилевая лакунарность относительно фемининных наименований не представлена.

Следующий вектор заполнения стилеобразующих лакун связан с неосемантизацией как процессом расширения семантической структуры феминатива. Пополнение лексики польского, русского, украинского и чешского языка новыми феминативами происходит и в этом направлении. Под неосемантизмом понимается «слово, приобретающее новое значение либо используемое для обозначения новых смыслов; семантический неологизм» (SJP/Dog. 1996-1997). Лакунарным в таком случае оказывается компонент лексического значения уже наличествующего в языке слова, который заполняется новым для него смыслом – не «чья супруга», а женщина по профессии, роду деятельности или социальному статусу. Таким образом, неосемантизм рассматривают в сфере вторичной номинации и понимают как разновидность неологизма, новое в семантике слова, форма которого, исконная или

заимствованная, уже известна носителям языка [Карпіловська 2010а: 27]. При этом Е. А. Карпиловская обращает внимание на то, что доступные словари лингвистических терминов восточнославянских языков такой термин не фиксируют, в то время как польские исследователи его активно используют [Markowski 2000: 96–111; Waszakowa 2005].

Стилистическое перераспределение исконно андронимичных феминизирующих формантов. Процесс неосемантизации феминативов во всех изучаемых языках проходит на уровне приобретения новых значений уже существующими языке андронимами – наименованиями жен по профессии, функции, статусу мужа. Феминизирующие форманты –*owa*, –*i(y)na* в польском языке, –*ix(a)*, –*u(a)*, реже – *uц(a)*⁶⁴ в русском, –*ix(a)*, –*u(a)* и реже –*k(a)* в украинском, – *ová*, –*k(a)* в чешском языке изначально были сориентированы на образование женских наименований по мужу с семантикой притяжательности «чья жена» (пол. *majorowa* pot. «*żona majora*»; *inżynierowa* pot. «*żona inżyniera*»; *hrabina* «*żona hrabiego*»; *województyna* histor. «*żona wojewody*»; рус. *майорша* «жена майора», *статская советница* «жена статского советника», укр. *млинариха* «дружина млидаря», *генеральша* «дружина генерала», *солдатка* «мати або дружина солдата», чеш. *kovářka* (*kovářová*) «*manželka kováře*», *koželužka* «*manželka koželuha*», *rasová* «*manželka rasa*»). В начале XX века они практически вышли из употребления, в современном русском и украинском словоупотреблении воспринимаются как архаичные, однако в последнее время активизируют потенциальную способность формировать классические феминативы.

В сопоставительном плане здесь проявляется интересная закономерность: в польском и чешском языках андронимичные суффиксы практически не отягощены стилистически, сохранив лишь оттенок архаичности, напротив, в русском и украинском языке они относятся к стилистически сниженным; им характерен пейоративный оттенок; они тяготеют к разговорно-просторечной сфере.

Исконно притяжательные суффиксы с семантикой «чья супруга» стали основой для формирования целого ряда феминативов-неосемантизмов в польском языке *szefowa* 1. »*kobieta szef; zwierzchniczka, kierowniczk*»; 2. «*poufale do kobiety, zwykle wtedy, gdy jest się od niej w jakiś sposób zależnym*»; 3. «*żona szefa*», *krawcowa* «*kobieta zajmująca się*

⁶⁴ В русском языке наблюдается «социальное неравенство» суффиксов, называющих жену по мужу: суффикс –*ix(a)* использовался для именованья жен низшего статуса (*купчиха, дьячиха*), суффикс –*u(a)* распространился в петровскую эпоху в связи с обязательным участием жен чиновников в ассамблеях (указ о них был издан в 1718 году) в связи с необходимостью именовать жену чиновного или должностного лица (*бригадирша, адмиральша, коллежская ассесорша*). Сферой их функционирования исконно стала военная и чиновничья среда.

zawodowo szyciem», *królowa* 1. »samodzielna monarchini sprawująca najwyższą władzę w królestwie – koronowana władczyni lub żona króla; także: tytuł tej osoby», *sędzina* 1. pot. forma ż od sędziego w zn. 1: «osoba powołana do sądenia, do rozpoznawania spraw i wydawania wyroków w imieniu państwa, posiadająca odpowiednie kwalifikacje, korzystająca z niezawisłości, podlegająca tylko ustawom»; 2. przestarz. «żona sędziego». Все эти неосемантизмы уже вошли в польский язык на правах кодифицированной нормы. Например, о феминативе *szefowa* М. Лазиньский пишет: «*szefowa* – слово, издревле существовавшее в польском языке. Но обозначало оно жену шефа или женщину, управляющую маленьким магазинчиком или баром. Уже лет пятнадцать значение слова *szefowa* не связано с кухней или магазином. Нередко пресса пишет о *szefowej rządu* и *szefowej Narodowego Banku Polskiego*» [Łaziński 2006: 278]. Женское наименование *szefowa* функционирует в СМИ наравне с маскулинным вариантом *szef*, М. Бакаларчик, проводя исследование текстов польской «*Gazety Wyborczej*», констатирует такую статистику: на 15 словоупотреблений женского наименования *szefowa* приходится только два «*szefa*» женского пола [Nowosad-Bakalarczyk 2006a: 130].

Спорным до недавних пор оставался феминатив *sędzina*. «Архаическим наименованием по мужу является слово *sędzina*, которое и сейчас употребляется неправильно в значении женщина-судья», - пишет М. Лазиньский [Łaziński 2006: 255-256]. Авторы «*Poradnika Językowego*» на этот счет другого мнения: «В настоящее время то, кем работает чей-то муж, является маловажным», - пишут они, - «важно то, чем занимается сама женщина. Поэтому теперь словом *sędzina* принято называть не жену судьи, а женщину-судью. Мы поступаем против правил польского языка (ведь суффикс *-i(y)na* должен указывать исключительно на то, что речь идет о чьей-то жене, а не обозначать женщину по профессии), но согласно с необходимостью давать новым реалиям новые имена» [Komunikaty rady języka polskiego 2004: 78]. Глава Совета по вопросам польского языка добавляет, что существует и существительное женского рода (*ta*) *sędzia*, однако, по всей видимости, носители языка признали его неудобным в употреблении, именно поэтому слово *sędzina* получило новое значение женщина-судья [Komunikaty rady języka polskiego 2004: 78]. Тем не менее, феминативы *sędzina*, *szefowa*, *krawcowa*, *królowa* в своих новых значениях уже были зафиксированы словарями и функционируют в современном польском языке без каких-либо стилистических ограничений, компенсируя лакунарность как отсутствие соответствующего феминатива или «неудобность» его в употреблении.

В чешском языке суффикс андронимичной семантики *-ová*, исконно стилистически неотягощенный, изредка используется как средство компенсации

лакуарности для образования феминатива-неосемантизма в случае, если женщина включается в традиционно «мужскую» сферу деятельности (пивоварение): *sládková*⁶⁵ – не только «sládková manželka», но и «žena pracující jako sládek»: *Sládková, jež chce naučit ženy pít pivo* (MF DNES, 21.10.2010). Еще один пример – название статьи И. Бучека в газете «Jihlavské listy» за 31.12.1996 года «Okresní zdravotní *radová*» о женщине в функции *rady* в здравоохранении. Однако такие примеры в чешском языке немногочисленны. Чаще в этой функции используется суффикс –к(а). В статье М. Бучковой о женщинах в неженских профессиях «Ženy v typický mužských profesích» (MF DNES, 21.10.2010) находим неосемантизмы *kovářka* «žena pracující jako kovář»: *Práce kovářky je náročná, pomáhá trenink*, - говорит в интервью автору статьи женщина-кузнец, *hasička* – не «hasičová manželka», а «žena pracující jako hasič»: *Pamatují si na hasičku z Ústí nad Labem, která si stěžovala, že ji kolegové nechtějí pouštět na výjezdy* (М. Marxsová-Tomínová. MF DNES, 21.10.2010), чересступенчатый неосемантизм *farářka* «žena plnící funkcí faráře» (андроним *farářová/farářka* имеет жесткие ограничения конфессионального характера в связи с целибатом священников в католической церкви): *Farářka, která se na studiích živila jako modelka. Petra Šáchová přesvědčena, že i ženy k profesi faráře patří* (MF DNES, 21.10.2010). Благодаря своей стилистической неотягощенности подобные андронимичные форманты не препятствуют вхождению неофеминативов как компенсаторов лакуарности в стилистическое пространство чешского языка.

В русском языке на продуктивность суффиксов –их(а) и –у(а) существенно повлияла их исконно андронимическая семантика с ярким социальным компонентом, оказавшая существенное влияние на их стилистические характеристики. В современном словоупотреблении стилистически окрашенные исконно андронимические форманты – *у(а)*, –*их(а)* заметно активизировались: *режиссерша, банкирша, интервьюерша, марлерша, следовательша, психиаторша, депутатша, предпринимательша, корреспондентша, оппонентша, ассистентша, депутатша, борчиха, вождиха, бомжиха* и др. (ср. *режиссерша* «женщина-режиссер» (а не «жена режиссера»), *психиаторша* «женщина-психиатр» (а не «жена психиатра»), *майорша* «женщина в звании майора» (а не «жена майора») и т.п.), в то время как использование существительных с такими феминизирующими формантами носит всегда сниженный, пренебрежительный, фамильярный, иронический оттенок; они близки к просторечию [Аверьянова 1960: 129-137; Янко-Триницкая 1966: 206-207; Бельчиков 2008: 95-98; Русская грамматика 1980:

⁶⁵ Ранее в чешском языке супруга *sládky* именовалась *sládky*.

202]. Контексты употреблений таких неофеминативов свидетельствуют об их не-нейтрализованных коннотациях.

Во многих случаях такие единицы, фиксируемые современными словарями (*президентша* ж. разг. 1) Женск. к сущ.: президент. 2) Жена президента (НСРЯ/Ефр. 2001)), встречаются с пренебрежительной андронимичной и агентивной семантикой: *В Кремле заявили, что президентша сняла целый VIP-отель на свои «нажитые непосильным трудом» копейки* (о супруге президента Д. Медведева) (Украина криминальная, 09.03.2012); *Что сделала из конфетки президентша Эстонии. Эстонские пищевики негодуют. В самый разгар экономического кризиса супруга президента республики Эвелина Ильвес ополчилась на конфеты местной кондитерской фирмы Kalev. Первая леди назвала знаменитые на всю Прибалтику сласти загадочным словом «karr».* Как подозревают эстонские журналисты, это просто калька с английского «crap», что означает «мусор», «дрянь» (Известия, 27.07.2012); *Юлька - будущая президентша?* (LiveJournal, 17.01.2010); *Будущая президентша снялась в бикини. Глянцевый журнал «Клозер» опубликовал фотографии потенциального кандидата в президенты Франции Сеголен Руаяль в бикини* (Обзреватель, 15.08.2006). Максимальная сфера их стилового расширения – публицистическая. Стилистическая доминанта здесь оказалась настолько устойчивой, что о таких единицах как потенциальных средствах делакунизации на этом участке системы наименований женщины говорить пока трудно.

В современном украинском языке исконно андронимичные форманты – *их(a)* и *-ш(a)*⁶⁶ в связи с их особым стилистическим регистром реже используются в новых отмаскулинных названиях лица женского пола (*бізнесменша, політологша, дикторша, директорша, депутатша, докторша, докторша...наук*), причем здесь можно говорить о стилистической дифференциации вариантных форм феминативов: *професорка, бізнесменка, політологиня, докторка* и под. претендуют на статус нейтрального слова, не отягощенного прагматическими коннотациями, *профессорша, бізнесмениша, політологша* и под. употребляются в контекстах, позволяющих квалифицировать такие слова как разговорные и иронично-уничижительные: *Зі студентських часів пригадую таке жартівливе розрізнення: політологиня - це жінка-політолог, політологша - чиясь жінка чи родичка, що користується рідинною підтримкою, займаючись політологією (або бездарна жінка-політолог), політоложка - це дама, що йде вгору передом на ниві політології* (LiveJournal, 20.02.2010); *«Представлятися треба чітко! – закричала,*

⁶⁶ По мнению И. И. Фекеты, суффикс андронимичной семантики *-ш(a)*, не характерный для украинского языка, был заимствован из русского [Фекета 1969].

звертаючись до журналіста, обурена товста **бізнесмениша** із заднього ряду» (Главред, 28.07.2009). Таким образом, суффиксы андронимичной семантики устойчиво сохраняют оттенок уничижительности и в украинском языке.

Андронимичный суффикс *-их(a)* используется при образовании неофеминативов достаточно редко, с этим суффиксом нами зафиксированы наименования женщин-политиков по их собственной фамилии, аналогично андронимам – традиционным в украинской культуре разговорным наименованиям жены по фамилии мужа на *-ко* и на согласный (*Петренчиха* – жінка (дружина) Петренка, *Кузьменчиха* – жінка Кузьменка, а также *Бондариха*, *Ковалиха*, *Головчиха* и т.п.): *Тимошенчиха* (Юлия Тимошенко), *Вітренчиха* (Наталия Витренко): *Юлька Тимошенчиха їм як кістка в горлі! Вони переступлять через усі ідеології, аби лиш знищити її* (ZondeR, 28.12.09); *Якийсь неповний склад учасників. Є й інші, які бризкають слиною при кожній згадці про Україну і українське: Вітренчиха, Петя Симоненко...* (Історична Правда, 28.09.2011).

3.5.2. Нелингвальные фемининные номинационные лакуны. Уже само по себе появление *reżyserek*, *filolożek* и *doktorek habilitowanych* свидетельствует о частичном ослабевании в изучаемых языках ограничений социально-психологического характера, под которыми мы понимаем нежелание женщин актуализировать сему пола в наименованиях других женщин, в автонаименованиях⁶⁷ по профессии, роду деятельности, социальному статусу ввиду традиционно сниженных характеристик таких феминативов. Отношение к таким наименованиям части женщин созвучно с утверждением польского лингвиста Х. Ядацкой о том, что в польском языке последних десятилетий женские наименования на *-ka* признаны неофициальными, пренебрежительными, неуважительными и снижающими ранг и социальную позицию называемого лица. По ее наблюдениям, в польском коллективе говорящих отмечается массовый отказ от традиции употребления уже существующих феминативов типа *dyrektorka*, *kierowniczka*, *profesorka* в пользу конструкций типа *pani dyrektor*, *pani kierownik*, *pani profesor*, которые используются в именовании женщины как со стороны женщин, так и со стороны мужчин. Женскую грамматическую форму сохранили лишь традиционно парные «женские» устоявшиеся в языке названия по профессии типа *aktorka*, *malarka*, *nauczycielka*, *pisarka*, либо же наименования, свидетельствующие о низком ранге исполнителя и воспринимающиеся

⁶⁷ Здесь имеются в виду случаи, когда женщина с помощью феминизированного слова именуется самой собой.

носителями языка как малопривлекательные, например *ekspedientka, fryzjerka, sprzątaczką*. В современном польском языке нет ни одного престижного статусного наименования, научного титула или звания, имеющего женскую грамматическую форму [Jadacka 1999: 1767]. Де-факто использование мужских наименований для обозначения женщины по престижной профессии либо роду деятельности, высокому социальному статусу с 30-х гг. XX века было для поляков правилом. И в украинском, и в русском языках начало XX века связано с употреблением маскулинизмов для обозначения женщин в высокоинтеллектуальных профессиях и видах деятельности, о чем уже говорилось выше. Тем не менее в последнее время наблюдаем резкое повышение удельного веса феминативов в текстах в СМИ и феминистических изданиях: пол. *posłanka, pełnomocniczka, wicedyrektorka*, рус. *филологичка, филологиня, корреспондентка, кондитерша*, укр. *філософиня, психологиня, держслужбовиця, продавчиня, членкиня, редактриса, редакторка*. Одни женщины считают такие наименования «правильными», «справедливыми» и охотно сами их употребляют как в отношении себя, так и в отношении других женщин, другие – нет (ср. рус. *Женщина! Знай свое место?... Я - Ирина Житникова, авторка статей о правах женщины* (http://issuu.com/silamandarina/docs/beamused_03/60); укр. *Разом з тим, як соціологиня розумію етичні моменти цієї ситуації... З повагою Людмила Гусякова, директорка Гендерного інформаційно-аналітичного центру «КРОНА», національна експертка з гендерної політики* («Гендерні революції» в Харкові - Google Groups, 11.12.2012); *Українська соціологиня Людмила Малес рецензує книжку Юлії Сороки «Свої, чужі, різні: соціокультурна перспектива сприйняття Іншого»* (Ірина Браткович. Часопис «Критика», число № 1-2, 2013). Заметим – чаще всего, говоря сами о себе, сознательно употребляют фемининно маркированную форму представительницы гендерных исследований языка и социума.

Появление и активное употребление таких феминативов свидетельствует, как уже было замечено, лишь об усилении феминизирующей тенденции в польском, русском и украинском языках. Двухнаправленность факторов социально-психологического характера заключается в том, что это факторы выбора. А потому об их ослабевании можно говорить только в том случае, когда использование женского наименования по престижной профессии, роду деятельности или социальному статусу является сознательным выбором говорящего, ведь многие женщины, говоря о себе, предпочитают не актуализировать сему пола ввиду более престижного «звучания» мужского наименования. Почему-то никто не задумается, как назвать женщину-официанта, - *kelnerka* или *kelner* (по результатам

исследования М. Новосад-Бакаларчик, лишь 0,42 % респондентов именовали женщину *kelnerem*, 99,37 % отдали предпочтение варианту *kelnerka*) [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 103], однако более престижная профессия, например *reżyser* (*reżyserka*) уже вызывает споры (*reżyser* – 52,02 %, *reżyserka* – 49,01 %) (там же). Более того, «высокий социальный престиж некоторых профессий допускает употребление мужского наименования, обозначающего женщину, даже тогда, когда в языке существует женский коррелят» [Nowosad-Bakalarczyk 2006: 134], например *Starsza siostra Ewa, profesor pulmonologii, znakomity lekarz, pracowała wiele lat w Instytucie Gruźlicy* (http://forumakad.pl/archiwum/2005/09/25-rody_uczone.htm Forum akademickie, numer 9/2005). Гордятся польские спортсменки и тем, что «*Prawdziwymi mężczyznami w polskim sporcie są kobiety*» (Wprost. Numer: 40/2005 (1192), <http://www.wprost.pl/ar/81491/Sportowa-seksmisja/>).

Подобное явление наблюдаем и в русском, и в украинском языках: говоря о себе, женщины отдают предпочтение мужскому родовому наименованию. Известный врач, доктор медицинских наук Ольга Богомолец говорит о себе в одном из интервью корреспонденту газеты «Высокий замок» Ирине Кушинской: *Я не експерт у цій галузі. Створено спеціальну комісію, яка мусить зі всім розібратися. Як лікар-дерматолог я виконувала обов'язки особистого лікаря Юценка у 2004 та 2005 роках. За той час, поки я була особистим лікарем Президента, нам вдалося полішити стан його здоров'я...* (Высокий замок, 11.06.2008). Или *Поэт* - именно так называла Белла Ахмадулина саму себя. *Самая нежная и мужественная из плеяды шестидесятников, она была и останется одним из лучших лириков 20 века* (Телекомпания ВКТ, 03.12.2010). Однако же довольно часто женщины, говоря о женщинах или «женской» проблематике, сознательно стараются подчеркнуть фемининность своих героинь: *Із тих пір жінки відіграють важливу роль у лібертарному русі – від активісток та організаторок до політичних філософинь та бойовичок* (Резолюція з'їзду АСТ. «Про фемінізм та анархізм». Автономія.net, 08.01.2014); *Урбаністка й філософиня* Ксенія Дмитренко місяць тому видала прозову збірку (Світлана Ільченко. Бетоноландшафт світлозапахів Ксенії Дмитренко. Рецензія. Літакцент, 13.06.2013); *До ефіру в цьому переліку перебувало 10 жінок: кохана Івана Мазепи Мотря Кочубеївна, письменниця Марія Грінченко, актриса Марія Заньковецька, педагогиня Софія Русова, підпільниця Олена Білевич, революціонерка Софія Соколовська, співачка Алла Кудлай, поетеса Надія Галковська, співачка Камалія, лікар-травник Наталія Земна* (Віра Едемська. Чернігівці не пишуться своїми жінками? Чернігівський монітор, 13.03.2014). Заметим, что в последнем случае автор, сознательно

нализывая нормативные и ненормативные феминативы, все-таки не решилась употребить феминизированную форму от аппозитивной синтагмы *лікар-травник – лікарка-травничка*.

Предпочтения в употреблении носителями языка женских наименований относительно грамматически мужских и наоборот зависит от нескольких факторов. Первоочередную роль здесь играют именно факторы социально-психологического характера, интенция говорящего. Однако не менее важным остается и стиль высказывания. Исследование, проведенное М. Новосад-Бакаларчик на материале изданий «Polityka» и женского журнала «Wysokie Obcaszy», подтверждает этот тезис. В «Polityce» автор обнаружила 50,8 % наименований, неспецифицированных по полу, 35,79 % мужских наименований и 13,4 % женских. «Шпильки» дают иную статистику: на 25,9 % наименований, неспецифицированных по полу, и 25,06 % мужских наименований приходится 49,04 % женских, среди которых 49,87 % являются отмаскулинными дериватами [Nowosad-Bakalarczyk 2009: 48-51].

В чешском языке, где традиция мовирования имеет глубокие и прочные корни, а сами корреляты не имеют практически никаких семантических, прагматических и стилистических отличий, говорить о неязыковой фемининной лакунарности социально-психологического характера нет никаких оснований. Образование парных существительных женского рода в чешском языке осуществляется автоматически, это устойчивая системная закономерность, отклонения от которой, являясь эпизодическими, даже могут коробить адресата, свидетельствовать о гиперкорректности текста (ср. в уважительном письменном обращении к женщине *paní doktor* вместо *paní doktorka* [Нещименко 2008: 265]).

Как скоро и воспримет ли вообще такие потенциальные женские наименования литературная норма языка в качестве общеприемлемых компенсаторов фемининных лакун, остается вопросом. По этому поводу А. Кемпиньска справедливо замечает: «Ни я, ни один другой языковед не будем навязывать какую-либо из форм словоупотребления носителям языка, раз уж женщины сами себя хотят называть *socjoložkami* или *krytyczkami*. В любом случае победит общеиспользуемая, узуальная форма, и ничего здесь не поделаешь, - *vox populi, vox Dei*» [Kępińska 2007: 82]. В чешском языке феминизированные формы статусных наименований лица женского пола – явление системное (*profesorka, fizioložka, docentka, akademička, redaktorka, socioložka, gynecoložka* и под.). Однако и в этой сфере наименований появляются новые феминативы, которые не без проблем включаются

в языковой обиход: *pediatra/pediatricka, chirurgyně/chirurgická/chirurgka, frazeoložka, chemička* и др.

Что касается предсказания возможностей дальнейшего образования и вхождения феминативов в языковую узус, то не следует забывать и о влиянии языковой традиции, законов чувства языка, определяющих границы использования продуктивности определенной языковой модели. Это и объясняет, почему на этом участке номинативной системы лакуны так многочисленны в одних языках и немногочисленны в других. Несимметричность фемининных лакун в изучаемых языках можно объяснить именно языковой традицией и отношением к ней носителей языков. Насколько элиминирование фемининной лакунарности в будущем реально, насколько – проблематично, покажет время. Хотя, подводя итоги анализа неофеминативов в изучаемых языках, следует сказать, что с точки зрения лингвоэкологического подхода к их оценке многие из них могут быть определены именно как деструктуры, «загрязнители» языка, искусственно созданные единицы, которые не только не отвечают требованиям компенсаторов лакунарности, но и здравому смыслу. Дальнейшая судьба неофеминативов подобного рода трудно предсказуема, но очевидно, что системно-структурный и функциональный аспекты требуют в перспективе глубокого и непредвзятого анализа как констатирующего, так и прогнозирующего характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование предложенной в работе пятикомпонентной шкалы изучения проблемы симметрии/асимметрии способов и средств выражения грамматического рода и биологического пола в системе наименований лица дала возможность не только уточнить понимание полярных точек шкалы *симметрия* и *асимметрия*, их терминологический статус, но и в сопоставительном плане изучить и квалифицировать все разнообразные проявления симметрично-асимметричных отношений на этом участке номинационной системы, углубив, таким образом, понимание специфики семантики и формы феминатива относительно маскулинизма в языках с регулярным и нерегулярным мовированием. Сопоставительное изучение проявлений симметрично-асимметричных отношений на шкале *симметрия – диссимметрия – антисимметрия – асимметрия – несимметричность (лакунарность)* позволило определить типологическое и генетическое в моделях и структурах маскулинных и фемининных наименований лица, закономерности их образования и функционирования во взаимодействии содержания и формы.

В системах мужских и женских наименований каждого из изучаемых языков симметрично-асимметричные отношения грамматической категории рода и семантической категории пола в плане взаимодействия означающего и означаемого непосредственно связаны с генерализирующей функцией маскулинного наименования, являющейся объективным проявлением андроцентризма этих языков. В чешском языке как языке с регулярным мовированием генерализирующая функция маскулинизма на уровне общеродового значения обнаруживает более низкую активность, чем в русском, украинском и польском, однако проявления внеродовой семантики маскулинизмов имеют место во всех изучаемых языках. При этом каждый из языков, с одной стороны, пытается установить между родом и полом более или менее четкие соотношения по принципу нейтрализации антиномии грамматического рода, с другой – такая нейтрализация имеет в русском, украинском, польском и чешском языках чрезвычайно разнообразные сходные и различные проявления, обусловленные генетическим родством, спецификой языковых систем, языковой традицией.

Исследование подтвердило тезис о том, что категория грамматического рода в системе наименований лица – категория не только со структурной, но и ярко выраженной семантической, в том числе и социальной доминантой. В то же время для отождествления

понятий *родо-половая симметрия/асимметрия* и *гендерная симметрия/асимметрия* нет никаких объективных оснований, поскольку понятие *гендер* предполагает только социокультурную обусловленность пола, принятую в лингвокультурном сообществе. Соотношение между грамматическим родом маскулинного и фемининного наименования и полом (референтной его соотнесенностью) обнаруживает нетождественные проявления в различных семантических и семантико-грамматических группах личных наименований как на внутриязыковом, так и на межъязыковом уровне, при этом однозначного соответствия между родом личного существительного и значением пола нет даже в языках с регулярным мовированием.

Симметричные отношения категорий *genus* и *sexus* в современных славянских языках представлены ограничено. Есть основания говорить только об относительной симметрии, которая имеет место в значительном количестве устаревших парных мужских и женских наименований (патронимов, матронимов, андронимов), представляющих главным образом сферу «семейные отношения», демографических наименований, а также в системе кодировативов-девербативов. В современных славянских языках большинство наименований «семейного» типа архаизировались и пребывают за пределами активного употребления.

Диссимметричные отношения категорий *genus* и *sexus* имеют различные количественные и качественные проявления в чешском как языке с регулярным мовированием и русском, украинском и польском языках, где мовирование – явление иррегулярное, а генерализирующая функция статусных маскулинизмов имеет более широкий спектр проявлений. Сходство на межъязыковом уровне обнаруживается главным образом в сфере существительных общего рода. Различия – в сфере статусных наименований по профессии, роду занятий, социальному статусу, где наличие женского коррелята ограничивается рядом причин лингвального и нелингвального характера, а также в сфере личных существительных с грамматическим маркером среднего рода, которые практически отсутствуют в русском, но представлены в других изучаемых языках.

Антисимметрия как родо-половая транспозиция мужского на женское и женского на мужское широко представлена во всех изучаемых языках, поскольку концептуальное видение мужского и женского в славянских культурах и социумах имеет общие корни. На межъязыковом уровне обнаружена значительная мера сходства в вербальной реализации родо-половой транспозиции на уровне формы и содержания маскулинного и фемининного наименования.

Асимметричные отношения категорий *genus* и *sexus* имеют в русском, украинском, польском и чешском языках разнообразные, отчасти сходные, отчасти различные проявления. Если в чешском языке парные существительные мужского и женского рода практически не обнаруживают семантических, прагматических и стилистических различий, то в русском, украинском и польском языках такая корреляция осложняется семантической их нетождественностью, прагматическими и стилистическими отличиями.

В системе симметрично-асимметричных отношений грамматической категории рода и семантической категории пола наименований лица имеет место явление «пересечения классов»: единицы одной лексико-семантической группы могут включаться в различные отношения на шкале *симметрия* – *диссимметрия* – *антисимметрия* – *асимметрия*.

Использование понятия *тенденция феминизации* в качестве *tertium comparationis* при сопоставительном изучении путей компенсации номинационных фемининных лакун в изучаемых языках можно считать целесообразным. О неофеминизации как выразительной тенденции лексических изменений есть основания говорить во всех изучаемых языках. Однако если для чешского языка такая тенденция является проявлением системного характера феминизации с учетом частных ограничений языкового и неязыкового характера, то в польском, русском и украинском языках она связана с преодолением (во многих случаях – искусственным) более или менее жестких ограничений отмаскулинного словообразования. Неофеминативы как исконного для трех славянских языков характера, образованные вопреки узусу, так и заимствованные в последние десятилетия, могут быть квалифицированы лишь как потенциальные средства заполнения языковых (лексических, словообразовательных, стилеобразующих) и неязыковых фемининных лакун. При этом в каждом из изучаемых языков обнаруживаются как общие, так и специфические векторы, наиболее активизированные в последние десятилетия способы и средства фемининного новообразования, а сами процессы происходят с различной интенсивностью.

Вопрос о целесообразности таких новообразований как компенсаторов фемининной лакуарности, их соответствии системным характеристикам польского, русского, украинского и чешского языков на данный момент не имеет однозначного решения ни в среде лингвистов, ни в среде говорящих на этих языках. Среди возможных путей его решения – лингвистическое прогнозирование с учетом комплекса методов системно-структурной, социолингвистической и лингвоэкологической диагностики неофеминативов как потенциальных компенсаторов фемининных номинационных лакун.

RESUMÉ

Během posledních let se do popředí vědeckého výzkumu dostává antropocentrický přístup. Středem zájmu různých vědních oborů (sociologie, jazykové systémologie, teorie nominace, sociolingvistiky, genderové lingvistiky, lingvokulturologie, lingvoekologie) se stává i systém pojmenování osob mužského a ženského pohlaví v různých jazycích. Současná lingvistika se zabývá mimo jiné otázkami rovnováhy v manifestaci maskulinní a femininní složky lexikálního a frazeologického systému z hlediska androcentrické dominanty v jazyce a kultuře. Jako operační termíny v pracích mnoha vědců se objevují *symetrie* a *asymetrie* (V. I. Koval, V. A. Nikol'skaja, G. P. Něčšimenko, S. Čmejrková, T. J. Moroz aj.), ale obsah těchto pojmů není dodnes přesně vymezený.

Ve vývoji jazykovědy v posledních letech stále více proniká zřetel k vztahovému pojetí, a to jak uvnitř jazyka a jeho jednotlivých rovin, tak i mezi jazykem a mimojazykovou skutečností (J. Filipec). Zvláště strukturní pojetí, tj. pojetí dílčích struktur různých typů u jednotek a jevů jistého úseku reality, se přímo zakládá na vztazích mezi těmito jednotkami a jevy, popř. jejich vlastnostmi, příznaky. Je známo, že pražská škola vypracovala pojetí binárních protikladů, s nimiž důsledně pracoval R. Jakobson. Na základě logických vztahů mezi členy opozice rozlišil N. S. Trubeckoj tři typy protikladů: privativní (kontradiktorní), graduální (kontrární) a ekvipolentní. Manifestace symetrie a asymetrie z hlediska vzájemných poměrů kategorií gramatického a přirozeného rodu (genus a sexus) u osobních jmen se v podstatě opírá o tyto druhy protikladu. Vztahy symetrie – asymetrie mezi formou a významem maskulinního a femininního ve sféře osobních názvů jsou velice různorodé nejen z lingvistického, ale i ze sociokulturního hlediska.

Výzkum v této práci je věnován kompletnímu polyparadigmálnímu studiu symetrických a asymetrických vztahů z hlediska vzájemného poměru gramatického a přirozeného rodu v systému maskulinních a femininních pojmenování v ruském, ukrajinském, polském a českém jazyce a je orientován na synchronně diachronický, systémově strukturalistický, lingvokulturologický a lingvoekologický přístup ke studiu označených jevů.

Předmětem práce jsou pojmenovávací systémy vymezených slovanských jazyků se sémantickými a formálními znaky gramatického rodu (genus) a biologického rodu (sexus) na škále symetrie – asymetrie. Jako **materiál** posloužily lexikální a frazeologické jednotky označující osobu mužského a ženského pohlaví, včetně přechýlených jmen, excerptované z dostupných slovníků (výkladových, frazeologických, historických), slovníků neologismů a

jazykových inovací, textů současných masmédií, zejména elektronických, a odborných textů posledních desetiletí.

Cílem předkládané disertační práce je porovnávací výzkum symetrických a asymetrických manifestací vzájemného poměru kategorií gramatického rodu (genus) a přirozeného rodu (sexus) v systému osobních názvů ruského, ukrajinského, polského a českého jazyka v synchronní dynamice.

Abychom dosáhli vytyčeného cíle, bylo nutno vymezit další **úkoly**:

- určit výzkumné dominanty, které by byly optimální pro objektivní a nezaujatý přístup ke studiu maskulinní a femininní symetrie – asymetrie v systému osobních názvů čtyř slovanských jazyků;

- upřesnit chápání symetrie – asymetrie v jazykovědě a jiných příbuzných vědách, vymezit všechny možné manifestace symetricko-asymetrických a nesymetrických vztahů (nominačních lakun) na vypracované škále;

- určit výchozí výzkumné přístupy a parametry vnitřně jazykového a mezijazykového srovnání symetrických a asymetrických jevů v manifestaci maskulinního a femininního v příslušných systémech osobních jmen;

- vymezit vzájemný vztah gramatického a biologického rodu ve struktuře a sémantice názvů osob mužského a ženského pohlaví;

- uskutečnit synchronně-diachronickou analýzu manifestace symetricko-asymetrických vztahů na excerpovaném materiálu;

- prozkoumat vývoj procesů maskulinizace a přechylování v současných slovanských jazycích z dynamického hlediska na pozadí činitelů omezujících a stimuluujících tyto procesy;

- pomocí systémově strukturního a sociolingvistického přístupu ke studiu vymezit lingvistický status nových pojmenování ženských osob, určit jejich stabilizující vs. destabilizující vliv na současných jazykový postup;

- zjistit možnosti využití výzkumných metod lingvoekologie při studiu současných procesů feminizace slovanských jazyků;

- prozkoumat jev systémové lakunárnosti jako výsledek nesymetričnosti přechylování jmen mužského a ženského gramatického rodu z hlediska možnosti kompenzace jazykových a mimojazykových nominačních lakun.

Teoreticko-metodologickým základem našeho výzkumu se staly práce předních odborníků v oblasti studia jevů symetrie a asymetrie v různých (přírodních, matematických, společenských) vědách (V. S. Gott, A. F. Petrunin, S. O. Karcevskij, P. O. Jakobson, V. G. Gak) a v jazyce (G. V. Bykova, J. A. Sorokin, I. J. Markovina, L. K. Bajramova); studia jazykové

systemovosti (F. de Saussure, V. M. Solncev), vzájemného poměru gramatického a biologického rodu z nominačního hlediska (V. I. Koval, A. V. Kirilina, M. O. Laskova, S. M. Šul'ga, A. A. Taranenko, M. Laziński, G. P. Neščimenko, F. Oberpfalcer aj.), dynamických jevů v současných slovanských jazycích (G. P. Neščimenko, G. V. Bortnik, E. A. Karpilovska, A. M. Neluba, H. Jadacka) a možností lingvoekologického přístupu k popisu současných procesů feminizace (A. P. Skovorodnikov, J. A. Sorokin, A. A. Bernackaja, T. A. Slavgorodskaja, W. Wysoczanski, S. Čmejrková, F. Daneš).

Teoretický význam práce spočívá v rozvoji pojmů symetrie-asymetrie na škále symetrie – dissymetrie – antisymetrie – asymetrie, nesymetričnost (jazyková femininní lakuna) na materiálu názvů osob mužského a ženského pohlaví z hlediska manifestace sémantiky gramatického a přirozeného rodu a v prohloubeném studiu procesů feminizace současných slovanských jazyků ze systémově strukturního, sociolingvistického a lingvoekologického hlediska. Získané výsledky se mohou stát přínosem pro popis a vymezení typologického a genetického v manifestacích maskulinního a femininního nejen na vnitřní úrovni nominativního systému každého jazyka, ale i ve srovnávacím kontextu.

Praktický význam práce je dán tím, že shromážděný materiál a získané výsledky mohou být použity jako základ pro teoretické a praktické kurzy lexikologie, lexikografie, neologie, neografie, slovotvorby, srovnávací slovanské jazykovědy, lingvistické genderologie, lingvokulturologie, mezikulturní komunikace a pro praktickou výuku ruštiny, ukrajinštiny, polštiny a češtiny jako cizích jazyků. Navíc takto orientovaný popis materiálu může přispět k vytvoření čtyřjazyčného slovníku jazykové identifikace ženy a také slovníků nových pojmenování ženy v současném ruském, ukrajinském a polském jazyce.

Metody výzkumu jsou podmíněny specifičností předmětu výzkumu, jazykového materiálu, cílem a úkoly této práce. Byly použity metody analýzy slovních definic, metoda komponentové analýzy a komponentové syntézy, metoda porovnávacího popisu (dvoustranné srovnání přes tertium comparationis podle R. Šternemanna), metody funkčně stylistických a kulturních interpretací, metody systémového diagnostikování jazykové ekologičnosti nových pojmenování ženských osob.

Na základě provedeného průzkumu jsme formulovali následující **teze**:

1. Využití termínů *symetrie* a *asymetrie* vzhledem ke studiu vzájemného poměru a jazykové manifestace gramatického a biologického rodu ve sféře osobních názvů k popisu jejich různorodých vztahů ve slovanských pojmenovacích systémech je nedostačující. Považujeme za účelné při studiu proměn sémantiky a tvaru mužských a ženských osobních názvů využití vícekomponentní škály *symetrie – dissymetrie –*

antisymetrie – asymetrie a (maskulinní vs. femininní) *lakuna* s ohledem na fakty prolínání pojmenovávacích tříd.

2. Studium symetricky-asymetrických manifestací maskulinního a femininního ve sféře osobních názvů předpokládá přístup se zřetelem ke generické funkci maskulinních tvarů, jenž je objektivním výsledkem androcentrické dominanty jazyků postpatriarchálního typu.
3. Různorodé vztahy mužských a ženských osobních názvů v prozkoumaném pojmenovávacím systému prokazují vysoký stupeň izomorfismu. Typologické shody lze vysvětlit genetickou příbuzností čtyř slovanských jazyků. Specifické (genetické) homomorfní jevy byly zaznamenány na úrovni verbalizace maskulinního a femininního v jazykových systémech vzhledem k odlišné jazykové tradice.
4. Srovnávací studium maskulinních a femininních jazykových a nejazykových lakun a nově vytvořených nebo aktualizovaných prostředků jejich kompenzace v současných slovanských jazycích je možné prostřednictvím pojmu *tendence jazykového vývoje* jako *tertium comparationis*. Při řešení otázky o přijatelnosti a životaschopnosti kompenzátorů femininních lakun nabízených dnešní dobou považujeme za účelné využít polyparadigmální přístup k jejich diagnostice jako stabilizujících vs. destabilizujících činitelů jazykového postupu.

Struktura disertační práce. Předkládaná disertační práce se skládá z úvodu, tří kapitol (jedné teoretické a dvou praktických), závěru, seznamu použité literatury a seznamu zkratk.

V **Úvodu** je vytyčen předmět výzkumu, cíle a dílčí úkoly, je popsán teoreticko-metodologický základ a materiál, jsou zpřesněny teoretické a praktické významy, metody vědeckého bádání, jsou vymezeny základní teze.

V **první kapitole** *Teoretické základy výzkumu symetrie a asymetrie manifestace gramatického a přirozeného rodu v systému osobních názvů* je zdůvodňován antropocentrický a androcentrický přístup předkládaného výzkumu a možnosti i perspektivy polyparadigmálního bádání.

Androcentrismus jazyka je chápán jako sociální a kulturní tradice, hluboce zakotvená v jazykovém systému. Jsou vymezeny androcentrické dominanty jazyka: mechanismus inkluze ženského gramatického rodu v mužský rod (teorie příznakovosti – nepříznakovosti členů rodové korelace N. S. Trubeckogo a R. O. Jakobsona, generická funkce maskulinních tvarů). Je prozkoumána otázka sémantické ekvivalence přechýlených jmen na denotativní a pragmatické úrovni. Jsou uvedeny feminizující formanty sloužící k přechylování z mužského rodu do ženského v ruském, ukrajinském, polském a českém jazyce.

Je popsán vývoj chápání symetrie a asymetrie jako univerzálních principů výzkumu přírody a jazyka v současné vědě (S. I. Karcevskij, F. de Saussure, A. A. Kretov, V. G. Gak). Vztahy symetrie – asymetrie tedy nemohou být absolutizovány jako prvotní, realizují se mezi dvěma nebo více objekty na základě jejich jistých vlastností. S ohledem na různorodost manifestace symetricko-asymetrických vztahu gramatického (Gen)⁶⁸ a přirozeného rodu (Sex) na úrovni významu a formy pojmenování muže a ženy je účelnější užit ve výzkumu vícekomponentní škálu: *symetrie* – *dissymetrie* – *antisymetrie* – *asymetrie* a pojem nesymetričnost (*jazyková femininní lakuna*). Toto rozlišení se opírá o typy protikladů (privativní (kontradiktorní), graduální (kontrární) a ekvipotentní (N. S. Trubeckoj, R. O. Jakobson)), jež z plánu formy postihujeme i v plánu obsahu (přesněji formy obsahu) a prezentujeme pojmenovovací jednotky. *Symetrie* je tak chápána jako úplná shoda souznačných částí, manifestace zrcadlové totožnosti a formy jazykové jednotky. *Dissymetrie* – spojení v sjednocené formě sémantických příznaků „člověk bez ohledu na pohlaví“, „osoba mužského pohlaví“ a „osoba ženského pohlaví“. *Antisymetrie* je jev, při němž ve významu pojmenování se sjednocenou formou potenciálně zakotvená možnost obousměrné transpozice gramatického a přirozeného rodu. *Asymetrie* se chápe jako kategorie, v níž se odráží reálná existence objektivních kvalitativních a kvantitativních rozdílů mezi členy rodové korelace⁶⁹ [GenM +SexM] ≠ [GenF+SexF].

Pod jazykovou *femininní lakunou* (v terminologii S.Čmejkové – *mezerou*) rozumíme absenci přechýleného jména s významem ženskosti. Ve sféře maskulinních a femininních názvů se objevují lakuny různých typů, v nichž je přechylování blokováno jazykovými a mimojazykovými činiteli. K nekompensovatelným lakunám řadíme lakuny *maskulina tantum* a *feminina tantum*, v nichž kompenzace není předpokládána z bio-fyziologických a jiných důvodů. Jako kompenzovatelné jsou určeny femininní lakuny *lexikální*, *lexikální segmentové*, *slohotvorné* a *slohotvorné*. Jsou to lakuny jazykové, jejichž existence má hlavně jazykové důvody. Mezi nejazykové jsme zařadili lakuny, jejichž vznik má sociální a psychologickou podstatu.

Druhá kapitola *Symetrie-asymetrie manifestace gramatického a přirozeného rodu v systému osobních názvů* je věnována popisu vzájemného poměru těchto kategorií a analýze

⁶⁸ Vzhledem k tomu, že v češtině na rozdíl od jiných jazyků se pro označení gramatického (genus) a přirozeného (sexus) rodu ustálil termín *rod*, pro upřesnění výkladu nabízíme systém zkratk: **Gen** – genus, gramatický rod; **Sex** – sexus, přirozený rod; **GenM** – gramatický rod mužský; **GenF** – gramatický rod ženský, **GenN** – gramatický rod střední, **GenV** – vespolečné jméno, obourodé pojmenování, **SexM** – přirozený rod mužský, **SexF** – přirozený rod ženský, **Sex M/F** – mužská a ženská rodové reference; **Sex0** – nerodová reference.

uzuálních maskulinních a přechýlených jmen z hlediska symetricko-asymetrických vztahů jejich významu a formy.

Obsahový základ kategorie gramatického rodu (Gen) tvoří univerzální sémantická kategorie přirozeného rodu (Sex). Vzájemný poměr těchto kategorií v systému pojmenování osoby mužského a ženského pohlaví je určen jako sémantická variabilita kategorie gramatického rodu v korelacích maskulinních a femininních názvů.

Úplná symetrie významu a formy v systému maskulinních a femininních názvů osoby chybí v důsledku jejich sociokulturního a pojmenovacího specifika. Dá se hovořit jen o **relativní symetrii** v případech, kdy vztah mezi oběma členy je ekvipotentní (GenM +SexM; GenF + SexF). Takové názvy jsou *sexus-příznakové* a nemohou se navzájem substituovat. Jde o slovtvorné jednotky, odvozené od společného substantivního základu postupem paralelní derivace. Oba jsou rodově (Sex) příznakové, žádný z nich neplní funkci hyperonyma, jak je tomu při pravidelném přechylování. Patří sem demografické názvy (rus. *сомалиец – сомалийка*, ukr. *полтавець – полтавка*), deverbativa (rus. *певец – певица*, čes. *jezdec – jezdka*), patronyma – názvy nedospělých, neženatých synů a neprovdaných dcer podle zaměstnání svého otce (ukr. *бондаренко (бондарчук) – бондарівна, стельмахович – стельмахівна*, čes. *vojvodovic – vojvodovna*), početná matronyma téhož typu (ukr. *мачухівна – мачушенко, вдовівна – вдовенко*), jejichž paralelní derivace je zdůvodněna. Je třeba podotknout, že patronyma a matronyma nejsou úplně totožná z hlediska slovtvorného základu: patronyma jsou deriváty demaskulinní, matronyma – defemininní. Navíc demografická pojmenování mužského rodu (Gen) jsou příznakovými členy korelace jen v čísle jednotném (GenM = SexM). V čísle množném jsou podle rodu (Sex) nepříznačová (GenM – SexM: GenM [Sex 0 – nerodová reference nebo SexM + SexF – vespolně rodová reference]).

Do této skupiny jsme zařadili i přechýlená vlastní jména rus. *Василий → Василиса*, ukr. *Ярослав → Ярослава*, pol. *Mirosław → Mirosława*, čes. *Petr → Petra* a příjmení, jejichž slovtvorný základ tvoří osobní mužské jméno: ukr. *Адамів - Адамова, Андріїв - Андрієва, Гавриловський - Гавриловська*; rus. *Богданов - Богданова, Никитин - Никитина*, pol. *Piotrowski - Piotrowska, Grzesiewicz - Grzesiewiczowa*; čes. *Marek - Marková, Pavlíček – Pavlíčková*. U těchto pojmenování jsou oba tvary vzhledem k hodnotám přirozeného rodu komplementární, tzn. oba jsou příznakové.

K faktům relativní symetrie patří i konstrukce tzv. rozštěpeného rodu – dvojité pojmenování typu rus. *учитель и учительница, учителя и учительницы, читатель и читательница, читатели и читательницы*, v nichž název mužského rodu v čísle jednotném a v čísle množném rodově příznakovou (Sex) a generickou funkci ztrácí, do popředí zde vstupuje

protiklad „mužský přirozený rod” (SexM) – „ženský přirozený rod” (SexF). Takové případy mají v hranicích symetrie okrajové postavení, poněvadž pro maskulinní název tato funkce typická není.

Dissymetrické vztahy s ohledem na korelaci *sexus – genus* manifestují pojmenovací jednotky, spojené s jevem „nulového znaku” (R. Jakobson): GenM [SexM + SexF]; GenV [SexM/F]; GenN [SexM/F]. Mají sjednocenou formu (nepřechýlenou podobu) a referují k člověku (muži a ženě) podle zaměstnání, povolání, druhu činnosti, společenské funkce, charakteristického příznaku bez ohledu na *sexus – genus* (GenM [SexM + SexF]): rus. *доцент, филолог*, ukr. *професор, ангел*, pol. *agrochemik, autorytet*, čes. *kardiochirurg, vodohospodář*. Systém podobných pojmenování má v ruštině, ukrajinštině, polštině a češtině svérázné kvantitativní rozdíly, jejichž podstatou jsou typologické a genetické zákonitosti přechylování z maskulin do feminin a status maskulinizace.

Za fakty disymetrie považujeme i potenciální sjednocení ve stejné formě vespolečného (obourodého) pojmenování (S. Čmejrková) s širokým generickým významem (GenV [SexM/F]) (rus. *индивид, персона*, ukr. *постать, особина* pol. *osoba, postać*, čes. *osoba, bytost*). Patří sem i vespolečná jména s formantem ženského rodu *-a*, u nichž sémantika slovtvorného základu konceptuálně nesouvisí s mužskými a ženskými stereotypy (GenV [SexM/F]): rus. *трудога, невежда, староста, обжора*, ukr. *молодчага, розумака, сирота*, pol. *baryła, sierota, maszyna*, čes. *netrava, potvora, rozumbrada*. Další ukázkou dissymetrie jsou názvy tzv. potenciálního rodu s formantem středního rodu *-o*, které referují k osobám mužského i ženského pohlaví (GenN [SexM/F]): ukr. *батайло, роздайко, міняйло, хвалько*, pol. *ścierwo, zero, ziółko*, čes. *trdlo, zlobidlo, trapidlo, motovidlo, fintidlo*. Vlivem procesu redukce středního rodu v systémech osobních názvů jsou tyto jednotky kvantitativně různě prezentovány v ukrajinštině, polštině, češtině na jedné straně a různě v ruštině na straně druhé.

Antisymetrické vztahy představují názvy se sjednocenou formou, v jejichž sémantice je potenciálně zakotvena možnost změnit věc v její zrcadlový protějšek (A. A. Fokin). Tyto jednotky jsou poznamenány zápornou souvislostí mezi významem a formou, a tak mohou podléhat obousměrné transpozici. Jde o transpozici maskulinní sémantiky a formy na femininní i naopak (GenM → SexF; GenF → SexM; SexM → SexF; SexF → SexM).

Transpozice konceptuálně mužského na ženské a ženského na mužské se může uskutečňovat podle celistvé formy pojmenovací jednotky (GenF → SexM) (o muži – rus. *баба, ветреница, истеричка, гимназистка, кокетка, красна девица*, ukr. *баба базарна, язиката Хвеська, институтка, свекруха*, pol. *nieboga, beksa, dziewczyna, baba*, čes. *pupčocha, kuchyňka, klerpa, stará kurva*; o ženě – rus. *рубаха-парень, мужик в юбке, свой парень*, ukr. *мужик*,

козак, друзяка, гренадер, термінатор, pol. *chłopiec do bicia, chłopek-roztropek*, čes. *kyrysar, regúr, prima chlap*) nebo určitých komponentů formy, axiologický příznakových pro jiný přirozený rod (o ženě – rus. *мужатка, пацанка*, ukr. *мужланка, хлопчурниця*, pol. *chłopczyca*, čes. *mužatka, muženka, hochna, hošice*, o muži – rus. *бабник, бабик, бабень, юбочник, мамин хвостик*, ukr. *бабич, бабію, бабень, мамію, бабонюх*, pol. *babstel, babsztrych, babiarcz, dziewczak, dziwczak*, čes. *babstýl, ženkýl, tamkař, holkař, sukničkář*). Zvláštní pozornost je věnována enantiosemeickým podle významu a formy kompozitům typu pol. *babochłop* 1. kobieta o urodzie bardziej męskiej niż kobiecej; 3. człowiek o wielu cechach płci przeciwnej, odmienny od innych osób swojej płci; čes. *baba chlap, kluk sakramentská, chudák stará* apod.

K antisymetrii patří i vespolečná jména s ženským formantem *-a* a jiným formálním znakem opačného pohlaví, axiologický související s typickými mužskými a ženskými stereotypními charakteristikami: o ženě (SexM → SexF) – rus. *ворюга, забулдыга, громила*, ukr. *злюдога, волоцюга, друзяка*, pol. *toczygęba, pijaczyna*, čes. *chlupatina, kořalista, ochlasta*; o muži (SexF → SexM) – rus. *пакса, рева, тараторка*, ukr. *базика, недоторка, вепецяка*, pol. *cnotka, ciota, nieboga*, čes. *kokta, netýkavka, brepta, mluvka*. V těchto případech se objevují kontradiktorní vztahy mezi významem formy a formálním vyjádřením sémantiky.

Asymetrie sexus - genus ve sféře názvů osob mužského a ženského pohlaví je chápána jako kategorie označující existenci a vývoj (za určitých podmínek) kvalitativních a kvantitativních rozdílů a protikladů uvnitř korelací rodových jmen. Vztah asymetrie souvisí s přechylováním, procesem, při němž se uskutečňuje změna rodu (Gen) podle sexu (Sex). Podstata přechylování (moce) z mužského rodu do ženského a z ženského do mužského spočívá v tom, že se z rodově (Sex) nepříznačových jmen derivují rodově příznačová (SexF). Patří sem pojmenovací jednotky realizující privativní (kontradiktorní) vztahy v souvislosti s jejich sémantikou. V rodových korelacích je jeden z elementů příznačový (SexF), druhý zůstává nepříznačovým, „nulovým znakem“ (R. O. Jakobson), protože nemanifestuje příznak Sex, nýbrž referuje ke skupině osob nebo k osobám mužského a ženského pohlaví (*сынпыга* vždy je žena, pro slovo *сынпыг* význam Sex není závazný. *Сынпыг* může znamenat „muž“, ale také obecně – „kdokoliv z manželů“, „oba manželé“, „jeden z manželů“). Podle R. O. Jakobsona má femininum *сынпыга* nulovou gramatickou funkci, zatímco označuje rod Sex s kladným významem, příznačový (SexF). *Сынпыг* má naopak kladnou morfologickou funkci, ale charakterizuje rod Sex s nulovým významem (SexM).

V této skupině jsou hojně zachyceny příklady přechylování z mužského rodu do ženského, párová rodově nepříznačová maskulina a rodově příznačová feminina, která odrážejí mechanismus privativních (kontradiktorních) vztahů ženského rodu (SexF) a mužského rodu

(SexM): rus. *учитель - учительница, актер - актриса*, ukr. *студент - студентка*, *вихователь - вихователька*, pol. *dróżnik – dróżniczka, pracownik – pracownica*, čes. *inženýr – inženýrka, poslanec – poslankyně*. Asymetrie je v tomto úseku pojmenovacího systému zdůvodněna generickou funkcí maskulinních názvů s různou mírou generalizace: rodově nepříznačková jména se mohou referovat k člověku bez ohledu na pohlaví (člověk je především muž), k celistvé skupině mužů a žen, k osobám mužského a ženského pohlaví. Pojmenovací potence maskulinismů je tak mnohem širší, sémantika přirozeného rodu je zde irelevantní, ženský protějšek je rodově (Sex) příznakový a tím nabývá sémantiky ženskosti.

Slovanské jazyky dávají přednost mužskému rodu (GenM) před ženským (GenF) při vyjádření hromadného významu (rus. *все актеры*, ukr. *усі актори*, pol. *wszystkie aktorzy*, čes. *všichni herci*); v kontextech se všeobecným významem nespécifikovaným podle rodu (Sex) nerodový význam vyjadřují substantiva mužského rodu (Gen) v singuláru (rus. *Дорогой читатель!* ukr. *Дорогий читачу!* pol. *Drogi Czytelniku!* čes. *Drahý čtenáři!*). V plurálu maskulinismy referují spíše k profesním zkušenostem člověka než k ženám a mužům podle jejich pohlaví (rus. *Требуются официанты и шеф-повара...*, ukr. *Пропонуємо високооплачувану роботу будівельникам, малярам-штукатурам...*, pol. *Szukaj fotografów na portalach ogłoszeniowych*, čes. *Hledáme začínající redaktory a fotografy*).

Nesymetrické vztahy manifestují pojmenování muže a ženy, která se v ruštině, ukrajinštině, polštině a češtině liší na úrovni komponentů denotativního a pragmatického významu: rus. *дальнобойщик* 1. разг. „Водитель дальнбоя - тяжёлого большегрузного автомобиля с прицепом-фургоном для междугородных и международных перевозок, которым управляют дальнбойщики, перевозящие грузы на дальние расстояния“, 2. разг. „Тот, кто уезжает на заработки в дальние края на долгое время“, 3. разг. „Бегун на марафонские и сверхмарафонские дистанции“ - *дальнобойщица* разг. „Проститутка, обслуживающая дальнбойщиков“, ukr. *вуличник* заст. „Той, хто не має притулку; безпритульний, бродяга“ - *вуличниця* „Вулична жінка (дівка)“, pol. *chłopiec* 1. „Dziecko płci męskiej“, 2. „Młodzieniec“, 3. „Młody mężczyzna będący sympatią dziewczyny“, 4. daw. „Młody pracownik wykonujący pomocnicze prace“ - *chłopcyca* 1. pot. „Dziewczyna podobna do chłopca lub zachowująca się jak chłopiec“, 2. pot. „Dziewczyna zabiegająca o względy chłopców“, čes. *hampejzník* zhrub. „Návštěvník hampejzu“ - *hampejznice* zhrub. „Nevěstka; majitelka nevěstince“, *profesionál* „Špičkový odborník ve svém povolání“ - *profesionálka* „Prostitutka“.

Jako fakt asymetrie kvalifikujeme i přechylování z ženského rodu do mužského. Tento jev má ve všech jazycích okrajové postavení a může být určen jako porušování zákonitostí

demaskulinního přechylování: ukr. кум ← кума, відьмак ← відьма, стриптизер ← стриптизерка, rus. дояр ← доярка, блудник ← блудница, развратник ← развратница, pol. gwiazdor ← gwiazda, steward ← stewardesa, čes. kmotr ← kmotra, hokynář ← hokyně, macechář ← macecha, záletník ← záletnice.

Celkem mají procesy přechylování z mužského rodu do ženského v různých jazycích odlišnou produktivitu. V češtině je tento proces regulérní, hluboce zakotvený do jazykového systému, a tím jsou možnosti češtiny v derivaci feminin k maskulinním protějškům prakticky neomezené. Oproti tomu v ruštině, ukrajinštině a polštině je přechylování blokováno velkým počtem činitelů jazykové a mimojazykové povahy, a tak některá maskulina femininní protějšky postrádají. V češtině jsou přechýlená jména ve většině případů stejnoznačná na denotativní, pragmatické a stylistické rovině (o X lze vypovědět totéž co o Y + sémantika ženskosti), v ostatních jazycích tento jev je v mnoha případech doprovázen sémantickými kvantitativními a kvalitativními rozdíly, pragmatickými a stylistickými konotacemi, různými typy expresivity (inherentní, poznatelné i bez větné souvislosti; adherentní, vznikající významovou změnou přechýleného jména; kontextovou, způsobenou vzájemným proniknutím stylisticky nesourodého výraziva). Tímto jsou způsobeny ve většině případů kvantitativní rozdíly ve sféře hlavně dissymetrických a asymetrických vztahů gramatického a přirozeného rodu v češtině oproti ruštině, ukrajinštině a polštině.

V **třetí části** disertační práce *Problémy kompenzace pojmenovacích femininních lakun a tendence feminizace v současných slovanských jazycích* jsou zkoumány možnosti kompenzace femininních lakun v případech, kde maskulina vzhledem k jazykovým a mimojazykovým příčinám femininní protějšky postrádají. Femininní lakuny a její kompenzátory byly rozebírány na pozadí feminizace lexikálního systému současných slovanských jazyků a příčin tento proces způsobujících.

Potenciálními kompenzátory femininních lakun jako nenaplněných mezer v systému pojmenování ženy se mohou stát nová pojmenování ženských osob, vzniklá navzdory jazykovým činitelům tento proces blokujícím a tzv. aktualizovaná feminativa, vracená do slovní zásoby ze starších etap vývoje jazyka. Feminizace maskulin se zkoumá ze srovnávacího hlediska (dvoustranné vnitřně jazykové a mezijazykové srovnání). Za tertium comparationis je zvolen pojem *tendence feminizace*.

Středem pozornosti se v disertační práci staly potenciálně kompenzovatelné *jazykové a mimojazykové* lakuny lexikálního, slohového a sociálně psychologického charakteru. Kompenzace **lexikálních lakun** probíhá v ruštině, ukrajinštině, polštině a češtině relativně rovnoměrně, což souvisí s aktivním přejímáním nových cizojazyčných maskulinních názvů

aktuálních v určitých sférách společného života, které jsou přejímány převážně spolu s jimi označenými pojmy. Tato maskulina se pak následně, i když s různou intenzitou, přechylují pomocí přechylovacích prostředků typických pro zkoumané jazyky (rus. *дельтапланеристка*, *скинхедка*, ukr. *неофашистка*, *модераторка*, pol. *merchandiserka*, *managerka*, čes. *streetworkerka*, *brokerka*).

Kompenzace **lexikálních segmentových lakun** je v jazycích blokována činiteli sémantiko-morfologické povahy. Jde o potenciální konflikt homonym vznikající tvarovou shodou nerodového feminina neživotného, už existujícího v jazyce, a nově vytvořeného jména přechýleného: rus. *сигаретница* „пожилая курящая женщина” - *сигаретница* „портсигар, сигарница”; ukr. *бігунка* „спортсменка, що займається бігом” - *бігунка* „розлад шлунка; понос”; pol. *reżyserka* „kobieta reżyser” - *reżyserka* „pomieszczenie w studiu radiowym lub telewizyjnym będące miejscem pracy reżysera”; čes. *chemička* „odbornice v chemii” - *chemička* „chemická továrna”.

Mezi potenciálními kompenzátory **slovotvorných femininních lakun** jsou nejvíce zastoupena nová přechýlena pojmenování ženských osob, vzniklá v důsledku demokratizačních procesů v současných slovanských jazycích v rozporu s jazykovým územ. Kompenzací takových lakun v jazycích s nepravidelným přechylováním blokují zejména činitelé foneticko-morfologické a morfologické (slovotvorné) povahy. Jde o vznik nelibozvučných skupin souhlásek na morfematickém švu, neproduktivnost určitých slovotvorných modelu aj. V jazycích s pravidelným přechylováním, mezi něž patří čeština, toto omezení není důležité. Vlivem procesů demokratizace, liberalizace jazykové normy, národně jazykového purismu (ten postrádá hlavně ukrajinština) a částečně i genderově citlivého reformování slovanských jazyků v novodobé ruštině, ukrajinštině a polštině vznikají četná nová pojmenování ženských osob: rus. *философка*, *психоложка*, ukr. *критичка*, *психоаналітичка*, pol. *adiunktka*, *pediatrka*. V některých případech se jazyky se snaží vyhnout nelibozvučným skupinám souhlásek při přechylování maskulin na *-log*, *-sof*, *-ik* a tak vznikají přechýlené varianty pomocí donedávna neproduktivních feminizačních přípon (rus. *философка* – *философиня*, ukr. *кінокритичка* – *кінокритикиня*, pol. *szpiegini*, *świadkini*).

V češtině je přechylování substantiv od nejstarších dob až do dneška velmi živým jevem, proto je jejich tvoření v rozporu s jazykovým územ zcela výjimečné: *neuropatoložka*, *chirurgýne*, *hostka*. Ale i zde se objevují přechýlené varianty *psychiatřička* – *psychiatryně*, *chirurgžka* – *chirurgyně*.

Kompenzace **slovotvorných femininních lakun** v ruštině, ukrajinštině a polštině souvisí se stylovými posuny, přesahy, přechody do jiných (knižních stylu) nových názvů ženských osob,

které mají v těchto jazycích silný ráz hovorovosti. Tvoří se velmi aktivně, a to v rozporu s jazykovým územ. Vlivem demokratizačních procesů pronikají nové názvy ženských osob nejen do publicistického stylu, který je, jak známo, takovým potenciálním slovům otevřen nejvíc, ale i do vědeckého a administrativního stylu, v nichž se stylová norma podobným novotvarům brání. Jednotlivé stylové typy se v těchto jazycích liší především rozdílným využíváním feminizovaných jazykových prostředků. V největší míře strádá stylovým «rozšiřováním» nových názvů ženských osob ukrajinský jazyk: *Інна Совсун - політологиня, координаторка освітніх проєктів, викладачка кафедри політології НаУКМА; Лариса Масенко, мовознавчиня...* (офіційний сайт Національного університету «Києво-Могилянська академія»), i když podobné případy objeví i v ruštině a polštině (*Синези́й, ученик неоплатонической философы Ипати́и* (М. А. Старокадомский. Неоплатонизм и христианство); pol. *Prokuratorka Lidia Mazowiecka z Prokuratury Generalnej podkreślata, że przede wszystkim należy skupić się na pomocy osobom doświadczającym przemocy* (Pełnomocnik Rządu do Spraw Równego Traktowania, Kancelaria Prezesa Rady Ministrów).

Právě v publicistických projevech nové názvy ženských osob svérázně aktualizují svůj pragmatický a expresivní potenciál na rozdíl od stylově neutrálních uzuálních feminativů: rus. ... *отданная российской науке жизнь почтенных профессоров и профессорниц из ВАКа — вне опасности* (Компрогат.ru).

Stylové posuny doprovázejí i vznik neosémantismů ženského rodu. Impulsem zde se stává nový význam původem andronymického pojmenování ženy „žena podle zaměstnání, povolání, společenské funkce“ aj. V tomto případě jde o stylisticky zatížené sufixy původně andronymické sémantiky – *ixa*, *-ша* u tzv. nových statutních ženských názvů v ruštině a ukrajinštině (rus. *предпринимательша, корреспондентша*, ukr. *депутатша, докторша...наук*). V polském a českém jazyce podobné jednotky příznak hovorovosti zpravidla nemají: pol. *sędzina, szefowa*, čes. *sládková, farářka*.

Kompenzace **nejazykových** potenciálně kompenzovatelných **lakun** se řídí činiteli sociálně psychologického charakteru. Žena mluvící o sobě a o jiných ženách buď respektuje ženskou formu (rodová kategorizace), nebo dává přednost obecnému jménu mužského rodu s ohledem na jeho vyšší prestiž, na zdůraznění účasti ženy v profesní skupině nebo na profesní kategorizaci. Ve všech prozkoumaných jazycích se v těchto případech užívá buď přechýlená podoba, nebo (častěji) maskulinní podoba, zejména když ženy kladou svůj profesionální pohled na věc nikoli do kontrastu k pohledu mužskému, ale do kontrastu k pohledu jiného pohlaví (rus. *Считаю себя профессиональным лингвистом, поэтому не уверена...*, ukr. *Як лікар-*

дерматолог я виконувала обов'язки ..., čes. *Jako filozof soudím...*). Je to problém subjektivní volby.

Odpověď na otázku, zda se potenciální kompenzátory femininních lakun stanou reálnými a získají status úzu, záleží na mnoha faktorech jazykové a psychologické povahy. K jejímu vyřešení může přispět kompletní diagnostika nových názvů ženských osob z hlediska systémově strukturního, sociolingvistického a lingvoekologického. Srovnání údajů z více jazyků umožňuje zobecnění vývoje a výsledků procesů feminizace v ruštině, ukrajinštině, polštině a češtině.

V **Závěru** jsou zobecněny výsledky výzkumu a nabídnuty možnosti dalšího studia tohoto tématu v budoucnu.

Pětikomponentní škála studia problémů symetrie-asymetrie explikace gramatického rodu (genus) a přirozeného rodu (sexus) v systému pojmenování osob mužského a ženského pohlaví představená v disertační práci umožňuje nejen upřesnění pojmového obsahu polárních bodů této škály, ale i výzkum různorodých manifestací symetricko-asymetrických vztahů rodu genus a rodu sexus v tomto úseku pojmenovacího systému ze srovnávacího hlediska. Tento přístup umožní i prohloubení znalostí o specifičnosti sémantiky a formy femininních názvů v porovnání s maskulinními v jazycích s nepravidelným přechylováním.

O tvoření nových názvů ženských osob se v rozporu s jazykovým územím dá hovořit jako o tendenci obohacování femininní slovní zásoby v současných slovanských jazycích. Tendence mít pro osoby mužského a ženského pohlaví samostatná pojmenování se v češtině projevuje jako značně rozsáhlý a ve srovnání s jinými slovanskými jazyky v jazykovém systému velmi produktivním a ustáleným slovotvorným postupem. Zatímco v češtině přechýlené podoby existují potenciálně téměř ke každému maskulinu, kdy to smysl připouští a kde si lze představit příslušnou referenci (omezení jsou výjimečná), v ruštině, ukrajinštině a polštině se přechylování omezuje územím ve více případech a v dnešní době souvisí s překonáním, většinou umělým, více nebo méně přísných předpisů, blokující tvoření nových přechýlených názvů ženských osob. V těchto jazycích zvláštní postavení má generický význam maskulinních tvarů.

Nová pojmenování ženských osob, vznikla na přelomu tisíciletí v ruštině, ukrajinštině a polštině, mohou být považována jen za potenciální kompenzátory femininních lakun. Zároveň v každém jazyce se objevují shodné a odlišné směry vývoje neologických pojmenování ženy, kromě toho aktivní a produktivní způsoby a prostředky femininní derivace a samotné procesy feminizace probíhají s různou intenzitou. Nejvyšší intenzita a různorodost feminizačních procesů je zaznamenána v současné ukrajinštině, nejnižší – v současné češtině jakožto v jazyce s pravidelným přechylováním.

Problém účelnosti a přijatelnosti nových feminativů jako možných prostředků kompenzace femininních lakun, jejich souladu se systémovými rysy ruštiny, ukrajinštiny, polštiny a češtiny dnes bohužel nemá jednoznačné řešení ani mezi jazykovědci, ani mezi uživateli těchto jazyků. Mezi možnými způsoby řešení je možno uvést lingvistickou diagnostiku a lingvistické prognózování vzhledem k systémově-strukturnímu, sociolingvistickému a lingvoekologickému zkoumání potenciálních kompenzátorů femininních lakun jako stabilizujících vs. destabilizujících činitelů femininní a maskulinní rovnováhy v současném ruském, ukrajinském, polském a českém jazyce.

РЕЗЮМЕ

Вопросы соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица в последнее время пребывают в зоне особого внимания исследователей. Повышенный интерес к этой проблематике на рубеже тысячелетий связан с активизацией гендерных исследований в сфере лингвистической гендерологии, феминистской лингвистики, социологии, лингвофилософии, лингвокультурологии, социолингвистики, лингвоконцептологии, в центре внимания которых – женская составляющая в языке, культуре и социуме. Названная проблематика имеет в европейской славистике столетнюю традицию изучения с позиций языка, его системы и структуры, начиная с А. Потебни, О. Есперсена, Р. Якобсона, М. Немировского, Ф. Оберпфальцера, тем не менее на рубеже XX – XXI вв. она приобретает особую актуальность. Система наименований лица на уровне лексики и фразеологии с точки зрения маскулинной и фемининной ее составляющей стала предметом анализа в огромном количестве работ (А. В. Кирилина, С. М. Шульга, М. О. Ласкова, Г. П. Нещименко, А. В. Ефремов, А. А. Загнитко, А. А. Тараненко, С. Чмейркова, Ф. Данеш, П. Гаусер и др.), где оперативным термином выступают понятия «симметрия» и «асимметрия» (В. И. Коваль, В. А. Никольская, Г. П. Нещименко, Т. Ю. Мороз). Во многих работах факт маскулинно-фемининной асимметрии в языке связывают с андроцентричной доминантой постпатриархатных культур, интерпретируя асимметрию такого рода с субъективных, часто – феминистски сориентированных позиций.

Явление симметрии/асимметрии в языке, в частности и с точки зрения соотношения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица, имеет чрезвычайно разнообразный характер и не может быть сведено только к полярным составляющим оппозиции *симметрия – асимметрия*. Необходимость глубокого, всестороннего и непредвзятого изучения этого явления на широком славянском материале с учетом исторических и современных тенденций феминизации объясняется **актуальность данного исследования**.

В центре внимания работы оказались проявления симметрично-асимметричных отношений в лексико-фразеологических системах соотносительных маскулинных и фемининных наименований четырех славянских языков в плане наличия/отсутствия в языковом узусе и современном словоупотреблении коррелятивных пар «наименование лица мужского пола» с формальным маркером маскулинности (маскулинизм) -

«наименование лица женского пола» с формальным маркером фемининности (мужское мовирование, феминатив) в динамике их развития. Названные вопросы изучены с учетом как исторической, так и современной их составляющей, что обусловлено синхронно-диахроничным подходом к данному явлению.

Целью диссертационного исследования стало комплексное внутриязыковое и межъязыковое сопоставительное изучение маскулинизации и явления мужского мовирования в русском, украинском, польском и чешском языках в синхронной динамике с точки зрения проявлений симметрии и асимметрии грамматического рода и биологического пола на этом участке номинативной системы.

Достижение данной цели требовало решения таких **задач**:

- определить оптимальные исследовательские парадигмы, в границах которых возможно наиболее объективное и непротиворечивое изучение явления маскулинной и фемининной симметрии/асимметрии в системе наименований лица;
- уточнить понимание симметрии/асимметрии в языкознании и смежных науках, структурировать все возможные проявления симметрично-асимметричных и несимметричных отношений (лакун) на соответствующей шкале;
- установить исходные исследовательские позиции и параметры внутриязыкового и межъязыкового сопоставления симметричности/асимметричности вербального отражения соотношения маскулинное – фемининное в системе наименований лица;
- определить соотношение категории грамматического рода и семантической категории пола относительно системы наименований лица;
- осуществить синхронно-диахронный анализ проявлений симметрично-асимметричных отношений на материале наименований лица с родо-половым маркером, представленных в лексико-фразеологических системах изучаемых языков;
- проследить развитие процессов маскулинизации и мужского мовирования в синхронной динамике современных русского, украинского, польского и чешского языков на фоне языковых и неязыковых факторов, стимулирующих эти процессы и ограничивающих их;
- с учетом системно-структурного и социолингвистического подхода определить лингвистический статус неофеминативов, их стабилизирующее vs. дестабилизирующее влияние на языковой прогресс;
- изучить возможности применения к анализу современных процессов феминизации славянских языков исследовательских методов лингвоэкологии;

- исследовать явление системной лакуарности как проявления несимметричности в сфере мужского мовирования; изучить возможность приобретения неофеминативами статуса узуальных компенсаторов языковых и неязыковых фемининных лакун.

Анализ симметрии/асимметрии в системе наименований лица с родо-половым маркером осуществлен с точки зрения системы и структуры языка; с точки зрения системного сопоставления языковых явлений и их типологии на внутриязыковом и межъязыковом уровне. Изучена языковая традиция в образовании наименований лица мужского и женского пола и современные тенденции феминизации в славянских языках. Осуществлена попытка применения лингвоэкологического анализа маскулинизмов и феминативов как фактов языка и речи.

Работа выполнена **на материале** личных наименований с родо-половым маркером, зафиксированных в толковых, фразеологических, исторических словарях русского, украинского, польского и чешского языков, словарях неологизмов и в современном словоупотреблении. В сопоставительном плане явление изучено на материале русского, украинского, польского и чешского языков.

Основные положения работы апробированы на 14 международных научных конференциях (Россия, Польша, Украина, Чехия, Германия, Венгрия) и отражены в 16 публикациях, три из которых – в коллективных монографиях.

В **первой главе** *«Теоретические предпосылки исследования симметрии и асимметрии в системе наименований лица»* обоснованы антропоцентрический и андроцентрический векторы изучения материала, возможности полипарадигмального исследования данного явления. Прослежена история изучения явления симметрии/асимметрии в смежных науках и языкознании. Разработана шкала симметрично-асимметричных отношений, оптимальная для изучения соотношения категорий грамматического рода и биологического пола в системе наименований лица.

Во **второй главе** *«Симметрия-асимметрия выражения грамматической категории рода и семантической категории пола в системе личных наименований»* изучен статус грамматической категории рода и семантической категории пола и их соотношение в системе личных существительных четырех славянских языков, рассмотрена типология симметрично-асимметричных отношений (симметрия, диссимметрия, антисимметрия, асимметрия) во взаимодействии означающего и означаемого на материале парных маскулинизмов и феминативов, закрепленных в узусе русского, украинского, польского и чешского языков. Привлечение исторического

материала способствовало комплексному изучению соотношения маскулинного и фемининного в динамике языкового развития в проекции на языковую традицию.

В **третьей главе** «Проблемы компенсации номинационных фемининных лакун и тенденция феминизации в современных славянских языках» внимание сосредоточено лакунарности как проявлении несимметричности в системе личных существительных - отсутствии парных женских наименований к мужским в изучаемых языках и путях компенсации фемининных лакун на современном этапе. Явление языковой и неязыковой фемининной лакунарности (собственно лексические, лексические сегментные, словообразовательные, стилеобразующие лакуны, лакуны социально-психологического характера) рассмотрено в контексте феминизации современных славянских языков и причин, ее вызвавших. Неофеминативы как потенциальные средства заполнения фемининных лакун изучены в сопоставительном плане с точки зрения системы и структуры языка, проблем коммуникации и лингвоэкологии.

Ключевыми в работе стали положения:

1. Употребление терминов *симметрия* и *асимметрия* применительно к изучению взаимодействия грамматической категории рода и семантической категории пола в системе наименований лица требует уточнения. Более целесообразным при анализе соотношения семантики и формы фемининных коррелятов мужских наименований будет использование пятикомпонентной шкалы: *симметрия*, *дисимметрия*, *антисимметрия*, *асимметрия* и несимметричность (*лакунарность*) с учетом явления *пересечения классов*.
2. Изучение явлений симметрии/асимметрии маскулинного и фемининного в системе наименований лица предполагает исследование соотношения семантики и формы языковых единиц с учетом *генерализирующей функции маскулинизмов*, являющейся объективным проявлением *андроцентризма* языков постпатриархатного типа.
3. Проявления отношений на шкале симметрия – асимметрия в изучаемых языках обнаруживают значительную меру сходства, объясняемую генетическим родством славянских языков, и существенные различия, обусловленные языковой традицией.
4. Сопоставительное изучение явления лакунарности в системе фемининных наименований и путей ее компенсации в современных славянских языках возможно через объект сравнения *тенденций языкового развития*. На пути к решению вопроса о приемлемости и жизнеспособности компенсаторов

фемининных лакун рациональным может стать полипарадигмальный подход к их диагностике как стабилизирующих vs. дестабилизирующих факторов языкового развития.

Предложенная в работе пятикомпонентная шкала изучения симметрии/асимметрии семантики и средств выражения грамматического рода и биологического пола в системе наименований лица дала возможность не только уточнить понимание полярных точек шкалы *симметрия* и *асимметрия*, но и в сопоставительном плане изучить и квалифицировать все разнообразные проявления симметрично-асимметричных отношений на этом участке номинационной системы, углубив, таким образом, понимание специфики семантики феминатива относительно маскулинизма в языках с нерегулярным мовированием.

Симметричные отношения категорий *genus* и *sexus* в современных славянских языках представлены ограничено. Есть основания говорить только об относительной симметрии, которая имеет место в значительном количестве устаревших парных мужских и женских наименований (патронимов, матронимов, андронимов - чеш. *vojvodovic* – *vojvodovna*, укр. *мачухівна* – *мачушенко*, пол. *wojewodzie* – *wojewodzianka*), а также в системе девербативов (рус. *невец* – *невица*, чеш. *jezdec* – *jezdkyně*) и демографизмов (укр. *полтавець* – *полтавка*).

Диссимметричные отношения имеют различные количественные и качественные проявления в чешском как языке с регулярным мовированием и русском, украинском и польском языках, где мовирование – явление иррегулярное, а генерализирующая функция статусных маскулинизмов имеет более широкий спектр проявлений (рус. *профессор Алла Кирилина*, укр. *молода інженер запитала*, пол. *tam spotkanie z nową dyrektorką*). Сходство обнаруживается главным образом в сфере существительных общего рода (рус. *мямя*, укр. *нахаба*, польск. *niezdara*, чешск. *nestyda*). Различия – в сфере личных существительных с маркером среднего рода, которые практически отсутствуют в русском, но широко представлены в других изучаемых языках (укр. *базікало*, польск. *romiotło*, чешск. *zlobidlo*).

Антисимметрия как родо-половая транспозиция мужского на женское и женского на мужское широко представлена во всех изучаемых языках, поскольку концептуальное видение мужского и женского в славянских культурах и социумах имеет общие корни: о мужчине - рус. *баба*, укр. *язиката Хвеська*, пол. *spotka*, чеш. *stará klepna*; о женщине – рус. *мужик в юбке*, укр. *хлопчур*, пол. *chłop na szwał*, чеш. *prima chlap*.

Асимметричные отношения категорий *genus* и *sexus* имеют в русском, украинском, польском и чешском языках разнообразные, отчасти сходные, отчасти различные проявления. Если в чешском языке парные существительные типа *inženýr – inženýrka* не обнаруживают семантических, прагматических и стилистических различий, то в русском, украинском и польском языках такая корреляция осложняется семантической нетождественностью (рус. *машинист – машинистка*), прагматическими и стилистическими отличиями (пол. *tirowiec «zawodowy kierowca Tira» – tirówka pogard. «prostytutka szukająca klientów wśród kierowców TIR-ów»*).

Кроме того, здесь имеет место «пересечение классов» (Н. Ю. Шведова): единицы одной лексико-семантической группы могут включаться в различные отношения на шкале симметрия – диссимметрия – антисимметрия – асимметрия.

О неофеминизации как выразительной тенденции лексических изменений можно говорить во всех изучаемых языках. Однако если для чешского языка такая тенденция является проявлением системного характера феминизации с учетом отдельных ограничений языкового и неязыкового характера, то в польском, русском и украинском языках она связана с преодолением (во многих случаях – искусственным) более или менее жестких ограничений отмаскулинного словообразования.

Неофеминативы как исконного для славянских языков характера, образованные вопреки узусу (рус. *филологиня*, укр. *прозаїця*, пол. *prezydentka*, чеш. *genijka*), так и заимствованные всеми изучаемыми языками в последние десятилетия (рус. *экофеминистка*, укр. *черлінгістка*, пол. *recepjonistka*, чеш. *babysitterka*) могут быть квалифицированы лишь как потенциальные средства заполнения фемининных лакун. При этом в каждом из изучаемых языков обнаруживаются как общие, так и специфические векторы, наиболее активизированные в последние десятилетия способы и средства фемининного новообразования, а сами процессы происходят с различной интенсивностью.

Вопрос о целесообразности таких новообразований как компенсаторов фемининных лакун, их соответствие системным характеристикам польского, русского, украинского и чешского языков на данный момент не имеет однозначного решения ни в среде лингвистов, ни в среде говорящих на этих языках. Среди возможных путей его решения – лингвистическое прогнозирование с учетом методов системно-структурной, социолингвистической и лингвоэкологической диагностики потенциальных компенсаторов фемининных номинационных лакун.

SUMMARY

The problems of correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns have become lately one of the biggest scientific areas of research. An increased interest in this subject on the border of millenniums is connected with an activation of gender studies in the field of linguistic genderology, feminist linguistics, sociology, linguistic philosophy, linguoculturology, sociolinguistics, linguoconceptology, which focus on the female component in language, culture and society. The named problematics has a centennial tradition in European Slavistics, it was studied from the standpoint of studying the language, its system and structure (beginning with the works of O. Potebnya, O. Jespersen, R. Jakobson, M. Nemirovsky, F. Oberpfalzer), however at the turn of the century it becomes one of particular importance. The system of personal nouns at the level of vocabulary and phraseology from the point of its male and female component has become the article of analysis in an enormous amount of scientific works (A.V. Kirilina, S.M. Shulga, M.O. Laskova, G.P. Neshimenko, A.V. Efremov, A. A. Zagnitko, A.A. Taranenko, S. Chmejrkova, F. Danesh, P. Gauser and others), where the concepts of «symmetry» and «asymmetry» are identified as an operative term (V.I. Koval, V.A. Nikolskaya, G.P. Neshimenko, T.J. Moroz). In many works the fact of male/female asymmetry in language is associated with an androcentric dominant in languages of postpatriarchal cultures, asymmetry (widely criticized from feminist positions) is often interpreted from the subjective point of view.

The phenomenon of symmetry and asymmetry in language, particularly in terms of correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns has an extremely varied character and cannot be reduced only to the polar components of the opposition *symmetry/asymmetry*. The **actuality of this research** is explained by the necessity of deep, comprehensive and unprejudiced study of this phenomenon on the wide Slavic material considering the historical and contemporary trends of feminization.

The dissertation focuses on the analysis of manifestations of symmetry and asymmetry in lexical and phraseological systems of correlative masculine and feminine nouns in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages in terms of the correlative pairs "male nomination" (with a formal marker signalling masculinity) - "female nomination" (with a formal marker signalling femininity) presence/absence in common linguistic usage and modern discourse in the dynamics of their development. The above-mentioned issues are studied here taking into account both its

historical and contemporary contexts due to the synchronic and diachronic approach to this phenomenon.

The aim of dissertation research is to make the complex intralingual and interlingual comparable study of the phenomenon of masculinization as well as of the phenomenon of masculine motion in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages in the synchronous dynamics in terms of manifestations of symmetry and asymmetry of grammatical and natural sex on this area of the nominative system.

Achieving this goal required the solution of such **tasks**:

- to determine the optimal research paradigms within which there is possible to make the most objective and consistent study of the phenomenon of male and female symmetry/asymmetry in the system of personal nouns;
- to define an understanding of the terms symmetry/asymmetry in linguistics and related disciplines, to structure all the possible manifestations of symmetric/asymmetric and non-symmetric relations (lexical gaps) on the corresponding scale;
- to establish the initial research positions and parameters of intralingual and interlingual comparison of symmetric and asymmetric relations of the verbal reflection of correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns;
- to determine the correlation between the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns of above-mentioned languages;
- to carry out synchronic and diachronic analysis of manifestations of symmetry and asymmetry of grammatical and natural sex in the system of personal nouns presented in the lexical and phraseological systems of studied languages;
- to trace the development of processes of masculinization and masculine motion in synchronous dynamics of contemporary Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages on the background of linguistic and nonlinguistic factors driving and limiting them;
- to establish the linguistic status of new female nominations, to determine their stabilizing vs. destabilizing effect on the development of language taking into account the systematic, structural and sociolinguistic approach;
- to study the possibilities of application of the research methods of linguoecology to the analysis of modern processes of feminization of Slavic languages;
- to investigate the phenomenon of linguistic lacunarity as a manifestation of non-symmetry in the field of masculine motion; to explore the possibility of acquiring by new female nominations the status of common compensators of linguistic and nonlinguistic feminine gaps.

An analysis of symmetry/asymmetry in the system of personal nouns (having feminine or masculine markers) was carried out from the point of systematic and structural character of language as well as from the point of systematic comparison of the linguistic phenomena and their typology at intralingual and interlingual level. In the dissertation there is made an analysis of the linguistic tradition of male and female nominations forming as well as of the contemporary trends of feminization in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages. Here there is made an attempt to apply the linguoecological analysis to the study of pairs of male and female nominations.

The research is made **on the basis** of male and female nominations fixed in explanatory, phraseological and historical dictionaries of Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages, dictionaries of neologisms and in a contemporary discourse. In comparative terms, the phenomenon is studied on the basis of Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages.

The basic statements of dissertation are approved at 14 international scientific conferences (Russia, Poland, Ukraine, Czech Republic, Germany, Hungary) in 16 publications, three of which have appeared in collective monographs.

In the first chapter *"Theoretical background of investigation of symmetry and asymmetry in the system of personal nouns"* there is made an analysis of anthropocentric and androcentric vectors of the linguistic study. Here there are studied the possibilities of multiparadigmatic approach to the phenomena of symmetry and asymmetry in the system of personal nouns. The history of study of the phenomenon of symmetry/asymmetry is traced in linguistics and related disciplines. All the manifestations of symmetrical and asymmetrical correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns are structured on the corresponding scale.

The second chapter *"Symmetry and asymmetry of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns"* analyses the status of grammatical and semantic category of sex in the system of personal nouns of four Slavic languages. There is made a typology of symmetric and asymmetric relations in pairs of nominations (symmetry, dissymmetry, antisymmetry, asymmetry) considering the interaction of signifier and signified on the basis of correlative pairs of male and female nominations in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages. The use of historical material contributed to the comprehensive study of correlation between masculinity and femininity in the dynamics of language development in the projection on the linguistic tradition.

The third chapter *"The problems of compensation of nominative feminine gaps and The trend of feminization in contemporary Slavic languages"* deals with the problem of lacunarity as

a manifestation of non-symmetry in the system of personal nouns. It focuses on the problem of absence of pair male and female nominations as well as on the ways of compensation of nominative feminine gaps in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages. The phenomenon of linguistic and nonlinguistic feminine lacunarity (lexical gaps, lexical segmental gaps, word formative gaps, stylistic gaps, gaps of social and psychological character) is considered here in the context of feminization of contemporary Slavic languages. New female nominations as one of the potential facilities of filling the lexical gaps are studied here in a comparable plan from the point of the system and structure of language, problems of communication and linguoecology.

The basic statements of the dissertation are:

1. The use of terms *symmetry* and *asymmetry* in the study of correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns needs to be clarified. Analyzing a correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns we consider the use of five-component scale (*symmetry*, *dissymmetry*, *antisymmetry*, *asymmetry* and non-symmetry (*lacunarity*)) to be more expedient. Here there was also taken into account the phenomenon of *intersection of classes*.
2. The study of the phenomena of symmetry/asymmetry of masculinity and femininity in the system of personal nouns involves the study of correlation between semantics and form of linguistic units considering the generalizing function of masculinisms, which is an objective manifestation of androcentrism in languages of postpatriarchal cultures.
3. The linguistic manifestations of symmetry and asymmetry in all the studied languages show considerable similarity, which can be explained by the genetic relatedness of Slavic languages, however they show as well many significant differences, explained by the influence of the linguistic tradition.
4. The comparative study of the phenomenon of lacunarity in the system of female nominations as well as of the ways of its compensation in contemporary Slavic languages is only possible in comparison to the *trends of language development*. In order to solve the problem of acceptability and viability of feminine gaps compensators (as stabilizing vs. destabilizing factors in language development) a deep multiparadigmatic approach to their diagnosis is needed.

The proposed five-component scale of study of symmetry and asymmetry of correlation of the categories of grammatical and natural sex in the system of personal nouns gives the opportunity not only to improve the understanding of the polar points of the scale *symmetry* and

asymmetry, but also in terms of the comparative study to qualify various manifestations of symmetric/asymmetric relations on this area of the nominative system, to deepen the understanding of the specific semantics of female nominations in languages with irregular motion.

Symmetric relations of the categories of *genus* and *sexus* in contemporary Slavic languages are represented limitedly. There is a reason to speak only about the relative symmetry which takes place in a significant number of archaic pairs of male and female nominations (patronymics, matronymics, andronymics - Czech. *vojvodovic* – *vojvodovna*, Ukr. *мачухівна* – *мачушенко*, Pol. *wojewodzie* – *wojewodzianka*), as well as in the system of deverbatives (Rus. *певец* – *певица*, Czech. *jezdec* - *jezdyně*) and demographic nominations (Ukr. *полтавець* – *полтавка*).

Dissymmetric relations have various quantitative and qualitative manifestations in the Czech language as a language with regular motion and in Russian, Ukrainian and Polish, where the motion is an irregular phenomenon and the generalizing function of masculinisms has a wide range of manifestations (Rus. *профессор Алла Кирилина*, Ukr. *молода інженер запитала*, Pol. *tam spotkanie z nową dyrektorką*). Similarity is found mainly in the field of common-sex nouns (Rus. *мямля*, Ukr. *нахаба*, Pol. *niezdara*, Czech. *nestyda*). Differences - in the field of personal nouns with neuter-sex marker (which are practically absent in Russian, but widely represented in Ukrainian, Polish and Czech languages (Ukr. *базикало*, Pol. *potiotło*, Czech. *zlobidlo*)).

Antisymmetry as a sexual transposition of male to female and female to male nominations is widely represented in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages, as a vision for male and female characteristics in the Slavic culture and society has common roots: about a man - Rus. *баба*, Ukr. *язиката Хвеська*, Pol. *snotka*, Czech. *stará klepna*; about a woman - Rus. *мужик в юбке*, Ukr. *хлопчур*, Pol. *chłop na schwał*, Czech. *prima chlap*.

Asymmetric relations of the categories of *genus* and *sexus* have various (partly similar and partly different) manifestations in Russian, Ukrainian, Polish and Czech languages. In case that in the Czech language the type of personal nouns *inženýr* - *inženýrka* do not detect any semantic, pragmatic and stylistic differences, in Russian, Ukrainian and Polish languages such a correlation is complicated by the semantic nonidenticalness (Rus. *машинист* – *машинистка*) as well as pragmatic and stylistic differences (Pol. *tirowiec* «zawodowy kierowca Tira» - *tirówka* pogard.« prostytutka szukająca klientów wśród kierowców TIR-ów»).

In addition, there was also taken into account the phenomenon of *intersection of classes* (N.J. Shvedova), which means that a unit of one lexical and semantic group may be included in various relations on the scale *symmetry - dissymmetry - antisymmetry - asymmetry*.

We can speak of the trend of neofeminization as an expressive tendency of lexical changes in all studied languages. However, if for the Czech language such a trend becomes a manifestation of a systematic nature of feminization considering the certain restrictions of linguistic and non-linguistic character, in Polish, Russian and Ukrainian languages, this trend involves breaking out of more or less severe restrictions on male to female derivation.

New female nominations (as of the native for all the Slavic languages character, formed in spite of common usage: Rus. *филологиня*, Ukr. *прозаїця*, Pol. *prezydentka*, Czech. *genijka*, as well as those of borrowed character: Rus. *экофеминистка*, Ukr. *черлінгістка*, Pol. *recepjonistka*, Czech. *babysitterka*) can be qualified as the potential means of filling feminine gaps in above-stated languages. In each of the languages studied there are found both general and specific vectors of new female nominations forming as well as the most intensified in recent decades ways and means of feminization. The processes themselves occur with varying intensity.

The problem of advisability of new female nominations as the compensators of feminine gaps, their compliance to the systematic characteristics of Polish, Russian, Ukrainian and Czech languages has currently no unique solution neither among linguists nor among native speakers. There may be a number of its possible solutions based on linguistic forecasting considering methods of systematic, structural, sociolinguistic and linguoecological diagnostics of potential compensators of nominative feminine gaps.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АВАНЕСОВ, Р.И. (1956): *Фонетика современного русского литературного языка: учебное пособие*. Москва.

АВЕРЬЯНОВА, А.П. (1960): Личные существительные с суффиксом –ш(а). In: *Филологические науки*, № 1, с. 129-137.

АВРАМОВ, Г.Г. (2006): *Учебное пособие по дисциплине специализации «Асимметрия в грамматике и словообразовании современного французского языка» для самостоятельной работы студентов 5 курса факультета иностранных языков*. Ростов-на-Дону.

Античные теории языка и стиля (антология текстов). Гл. ред. И.А. Савин. Санкт-Петербург, 1996.

АРУТЮНОВА, Н.Д. (2007): *Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка)*. Москва.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. (2011): *Сексизм в языке: мифы и реальность*. Olomouc.

АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2007): Маскулінізоване вираження *nomina feminina* та фемінізоване вираження *nomina masculina* у слов'янських мовах: взаємодія свого і чужого. In: *Мовознавство*, № 1, с. 23-38.

АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2011a): Формальне вираження категорії маскулінності: взаємодія родової редистрибуції і родової транспозиції. In: *Мовознавство*, № 1, с. 29-42.

АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2011б): Новотвори-фемінативи в українській мові нової доби: неологізми, okazіоналізми чи ефемеризми? In: *Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах: Монографія*, с. 67-122.

АРХАНГЕЛЬСЬКА, А.М. (2006): Маскулінність та фемінінність як соціокультурні категорії на тлі слов'янського антропонімікону. In: *Мовознавство*, № 1, с. 83–92.

Асимметрические связи в языке: Межвузовский сборник научных трудов Сев.-осет. Гос. ун-т им. К.Л.Хетагурова. Владикавказ, 1987.

Асимметрические связи в языке: Межвузовский сборник научных трудов Сев.-осет. Гос. ун-т им. К.Л.Хетагурова. Владикавказ, 1992.

БАДАНИНА, И. (2007): Проблема расширения лексического состава современного русского литературного языка в связи с выражением гендерных отношений. In: *Международный конгресс преподавателей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность»*. Сборник тезисов.

БАЙРАМОВА, Л.К. (2004): Симметрия и асимметрия в функционировании русского и татарского языков в Татарстане. In: *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы*, с. 134-135.

БАЙРАМОВА, Л.К. (2011): Лингвистические лакунарные единицы и лакуны. In: *Вестник Челябинского гос. ун.-та*, № 25 (240), серия «Филология. Искусствоведение», вып. 58, с. 22-27.

БАРХУДАРОВ, Л.С. (1966): К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем. In: *Вопросы языкознания*, № 4, с. 97-110.

БЕЗПОЯСКО, О.К., ГОРОДЕНСЬКА, К.Г., РУСАНІВСЬКИЙ, В.М. (1993): *Грамматика української мови. Морфологія: Підручник*. Київ.

БЕЛЬЧИКОВ, Ю.А. (2008): *Практическая стилистика современного русского языка*. Москва.

БЕНВЕНИСТ, Э. (1974): *Общая лингвистика*. Москва.

БЕРНАЦКАЯ, А.А. (2003): О трех аспектах экологии языка. In: *Вестник КрасГУ*, серия «Гуманитарные науки», № 4, с. 32-38.

БОДРИЙЯР, Ж. (2000): *Соблазн*. Москва.

БОНДАР, О. (2009): Лінгвістична екологія: становлення нової галузі науки. In: *Вісник Львів. ун-ту*, серія філологічна, вип. 38, ч. II, с. 79-85.

БРАНДНЕР, А. (2003): Особенности выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках. In: *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*, A51, с. 13-24.

БРИТКОВА, К.В. (2007): *Узуальне та оказіональне в інноваціях сучасної української мови: тенденції оновлення лексико-словотвірної категорії особи: автореф... дисс. канд. філол. наук*. Харків.

БУГОРСКАЯ, Н.В. (2003): Антропоцентризм как категория современного языкознания. In: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 18-25.

БУХОНКИНА, А.С. (2002): Типология культурем и их асимметрий в языках разного типа. In: *Романо-германская филология: Межвузовский сборник научных трудов*, вып. 2, с. 44-54.

БЫКОВА, В.Г. (2003): *Лакунарность как категория лексической системологии*. Благовещенск.

ВАЛГИНА, Н.С. (2003): *Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие*. Москва.

ВАЛЮХ, З. (2005): *Словотвірна парадигматика іменника в українській мові*. Київ.

ВАЛЮХ, З.О. (2011): Системно-парадигматичні відношення на морфологічному, словотвірному і синтаксичному рівнях. In: *Проблеми зіставної семантики*, вип. 10, ч. 1, с. 135-141.

ВЕЙЛЬ, Г. (2007): *Симметрия. Перевод с английского*. Москва.

ВЕНЕДИКТОВ, Г.К., ДЕМИН, Е.И., НИКОЛАЕВА, Т.М., ПОПОВА, Т.В. (2008): *Литературные языки в контексте культуры славян*. Москва.

ВЕРНАДСКИЙ, В.И. (1980): О правизне и левизне. In: *Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории*, т. XV1, с. 165-173.

ВЕРНАДСКИЙ, В.И. (2001): *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. Москва.

ВИЛЬДАНОВА, Г.А. (2008): *Гендерный аспект феминизации (на материале английского языка)*. Автореф... дисс. канд. филол. наук. Уфа.

ВИНОГРАДОВ, В.В. (1972): *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. Москва-Ленинград.

Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц языка различных уровней. Межвузовский тематический сборник. Барнаул, 1982.

ВОРОНЦОВА, Е.А. (2004): *Формально-содержательная асимметрия в сфере частей речи как основа их функционального сближения (на материале класса прилагательных в английском языке)*. Барнаул.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ, С.В. (2007): *Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации*. Автореф... дисс. канд. филол. наук. Тверь.

ВРУБЛЕВСКАЯ, О.В. (2011): Межъязыковая симметрия и асимметрия в переводе (русский и польский языки). In: *Актуальные вопросы филологии и культурологии: Материалы международной заочной научно-практической конференции в Новосибирске 3 мая 2011*.

ГАЗИЗУЛИНА, Л.В. (2012): Симметрия и асимметрия базового слоя вариантов концептов «насилие» и «violence». In: *Вестник Челябинского гос. ун.-та.*, № 13 (267), серия «Филология. Искусствоведение», вып. 65, с. 23-28.

ГАК, В.Г. (1977): *Сравнительная типология французского и русского языков*. Ленинград.

ГАК, В.Г. (1983): Новые слова и новые словари. In: *Новые слова и словари новых слов*, с. 15-19.

ГАК, В.Г. (1990): Асимметрия. In: *Лингвистический энциклопедический словарь*, с. 47.

- ГАК, В.Г. (1998): *Языковые преобразования*. Москва.
- ГАЛИМОВ, Б.С. (1981): *Принцип развития в основаниях научной картины природы*. Саратов.
- Гендер и язык*. Гл. ред. А.В. Кирилина. Москва, 2005.
- ГОЛОМИДОВА, М.В. (2005): Русская антропонимическая система на рубеже веков. In: *Вопросы ономастики*, № 2, с. 11-22.
- ГОЛУБЕВА, Н.А. (2008): Структурные особенности дисимметрических систем. In: *Вестник МГОУ, серия «Философские науки»*, № 3, с. 22-29.
- ГОЛУБЕВА, Н.А. (2009): *Диссимметрия «игры в бисер»: введение в метатеорию постмодернизма: Монография*. Москва.
- ГОЛУБЕВА, Н.А. (2012): Диссимметрия – детерминатор процессов трансформации. In: *Казанская наука: Сборник научных трудов*, № 2, с. 137-141.
- ГОРДЕНЯ, К.А. (2011): Гендер в речевом поведении персонажей украинских и британских пьес конца XIX – начала XX вв. In: *Studia Germanica et Romanica*, т. 8, № 3 (24), с. 42-52.
- ГОТТ, В.С. (1972): *Философские вопросы современной физики*. Москва.
- ГОТТ, В.С., ПЕРЕТУРИН, А.Ф. (1967): Симметрия и асимметрия как категории познания. In: *Симметрия, инвариантность, структура (Философские очерки)*, Москва.
- ГРАУДИНА, Л.К., ИЦКОВИЧ, В.А., КАТЛИНСКАЯ, Л.П. (1976): *Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. Москва.
- ГРИГОРЕНКО, О.В. (2005): Современные наименования лиц по роду занятий. In: *Русский язык в школе*, № 3, с. 76-79.
- ГРИЦЕНКО, Е.С. (2008): *Языковое конструирование гендера*. Нижний Новгород.
- ГРОМКО, Т., СТЕЦЮК, Р. (2009): До вивчення синтаксичних норм у фаховій підготовці правознавців. In: *Наукові записки*, вип. 86, серія: Філологічні науки (мовознавство), с. 306-311.
- ГУМБОЛЬДТ, В. Фон (1984): *Избранные труды по языкознанию*. Москва.
- ГУТШМИДТ, К. (1998): Общие тенденции и специфические формы их представления в современных славянских языках. In: *Jazykovědný časopis*, № 49/1-2, с. 15-26.
- ДАНЕШ, Ф., ЧМЕЙРКОВА, С. (1999): Экология языка малого народа. In: *Язык. Культура. Этнос*, с. 27-39.

- ДЕМИЧЕВА, В.В. (2005): *Реконструкция гендерной концептосферы в картине мира среднеанглийского периода: автореф... дисс. канд. филол. наук.* Владивосток.
- ДУМАНОВ, Х.М., ПЕРШИЦ, А.И. (2000): Матриархат: новый взгляд на старую проблему. In: *Вестник Российской Академии наук*, т. 70, № 7, с. 621-627.
- ЕЛОЕВА, Р.К. (1994): Способы обозначения существительных со значением лица женского пола в русском и чешском языках. In: *Вопросы изучения русского языка*, с. 63-74.
- ЕСПЕРСЕН, О. (1958): Пол и род. In: *Философия грамматики*, с. 263-284.
- ЕФИМЕНКО, И.В. (2009): Мужские наименования черниговцев и новгородцев в памятниках письменности XVII ст. In: *Вопросы ономастики*, № 7, с. 36-47.
- ЕФРЕМОВ, В.А. (2010): *Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина».* Санкт-Петербург.
- ЖЕЛЬВИС, В.И. (1977): К вопросу о характере русских и английских лакун. In: *Национально-культурная специфика речевого поведения*, с. 136 - 146.
- ЖЕЛЬВИС, В.И., МАРКОВИНА, И.Ю. (1979): Опыт систематизации англо-русских лакун. In: *Исследование проблем речевого общения.*
- ЗАГНІТКО, А. (2009): Асиметрія в граматиці. Рец. на кн.: Мороз Т.Ю. Явище семантико-граматичної асиметрії в системі морфологічних категорій іменника. In: *Лінгвістичні студії*, вип. 19, с. 337-340.
- ЗАГНІТКО, А.П. (2011): *Теоретична граматики сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис.* Донецьк.
- ЗАГНІТКО, А.П., ВІНТОНІВ, М.О., СЕГІН, Л.В. (2011): *Український синтаксис: навчально-практичний комплекс.* Донецьк-Слов'янськ.
- ЗАЛЄВСЬКА, К. (2006): Чи рівні ми у слові? In: *ХайВей*, 21.01.2006 [Електронний ресурс], Режим доступу: <http://h.ua/story/6650/>.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (1972): Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании. In: *Актуальные проблемы русского словообразования*, с. 19-29.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (1973): *Современный русский язык. Словообразование.* Москва.
- ЗЕНКОВ, Г.С. (1969): Философские основы проблемы актуализации лингвистических единиц словообразовательного уровня языка. In: *Проблемы теории и истории языка и литературы в свете ленинского наследия: тез. докл. межкафедрального республ. симпозиума*, с. 71 -73.

ЗУБКОВА, Е.В. (2011): *Симметрия/асимметрия как механизм самоорганизации концептуальной оппозиции (на примере концептуальной оппозиции ХОЛОД-ТЕПЛО (ЖАР): автореф... дисс. канд. филол. наук. Пермь.*

ЗУБКОВА, Л.Г. (2010): *Принцип знака в свете сущностных свойств языка.* Москва.

ЗУСНКО, Т.М.: Парадигма поняття «лакуна» у світлі лінгвістики. In: *Научный журнал «Аспект», [Электронный ресурс].* Режим доступа: http://asconf.com/rus/archive_view/610.

ИВАНОВ, ВЯЧ.ВС. (1978): *Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем.* Москва.

ИВАНОВА, Е.В. (2007): Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. In: *Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сб. науч. тр., с. 41-47.*

ИЛЧЕВ, С. (1969): *Речник на личните и фамилии имена у българите.* София.

ИОНОВА, С.В. (2010): Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт. In: *Вестник Волгоградского гос. ун-та, серия 2 – Языкознание, № 1(11), с. 86-93.*

КАЛЬНИЧЕНКО, О.А., ПОДМІНОГІН, В.О. (2002): Трактат Фрідріха Шлейєрмахера “Про різні методи перекладу” (“Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens”) та його значення для сучасного перекладознавства. In: *Вчені записки Харк. гуманіт. ін-ту, т. VIII, с. 503–533.*

КАНТОР, Б.З. (1985): *Минерал рассказывает о себе.* Москва.

КАРЕВА, О.М. (2008): Существительные-феминативы в «Неолекс» – электронной базе лексических инноваций русского языка. In: *Активные процессы в современном русском языке, с. 102-107.*

КАРПІЛОВСЬКА, Є. (2010а): Вторинна номінація у сучасній українській мові: тенденції розвитку. In: *Лінгвістичні студії, вип. 20, с. 27-33.*

КАРПІЛОВСЬКА, Є.А. (2002): Сучасна українська словотворчість та її відображення в неологічних словниках. In: *Вісник Львівського держуніверситету ім. І.Я.Франка, серія філологічна, вип. 34, ч.1, с. 3-10.*

КАРПІЛОВСЬКА, Є.А. (2004): Норма в сучасному українському словотворенні: зразок і реальність. In: *Культура слова, № 74, с.43-51.*

КАРПІЛОВСЬКА, Є.А. (2008): Вплив інновацій на стабільність мовної системи: регулятори системної рівноваги. In: *Збірник тематичного блоку «Динаміка та*

стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов» на XIV Міжнародному з'їзді славістів (Охрид, Македонія), с. 3-22.

КАРПІЛОВСЬКА, Є.А. (2010б): Нова Україна в словотвірній номінації: зміни у мовному „кресленні” світу. In: *Відображення історії та культури народу в словотворенні: доп. ХІІ Міжнар. наук. конф. Коміс. зі слов'ян. словотворення при Міжнар. ком. славістів (25 – 28 травня 2010 р.)*, с. 91 – 109.

КАРПОВ, В.А. (2004): *Изоморфизм знаний о мире и языке*. Доклад на Первой российской конференции по когнитивной лингвистике, 9-12 октября 2004, Казань: philology.by/page/karparaw2004izamarphizm.

КАРЦЕВСКИЙ, С.О. (1965): Об асимметричном дуализме лингвистического знака. In: *Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях*, с. 85-90.

КИРИЛИНА, А.В. (2003): Гендерные асимметрии в языке. In: *Женщина Плюс*, №1.

КИСЛИЦЫНА, Н.Н. (2003): Эколингвистика - новое направление в языкознании. In: *Культура народов Причерноморья*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip>.

КЛИМЕНКО, Н.Ф. (2000): Моція. In: *Українська мова. Енциклопедія*, с. 354.

КЛИМЕНКО, Н.Ф. (2004): Неологізм. In: *Українська мова. Енциклопедія*, с. 377.

КЛИМЕНКО, Н.Ф. (2004): Потенційні слова. In: *Українська мова. Енциклопедія*, с. 511.

КЛИМЕНКО, Н.Ф., КАРПІЛОВСЬКА, Є.А., КИСЛЮК, Л.П. (2008): *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі: Монографія*. Київ.

КОВАЛИК, І.І. (1958): *Питання слов'янського іменникового словотвору*. Львів.

КОВАЛИК, І.І. (1962): Словотворчий розряд суфіксальних загальних назв живих істот жіночої статі у східнослов'янських мовах порівняно з іншими слов'янськими мовами. In: *Питання українського мовознавства*, кн. 5, с. 3-34.

КОВАЛЬ, В.И. (2007): *Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. Монография*. Гомель.

КОЖИНА, М.Н., ДУСКАЕВА, Л.Р., САЛИМОВСКИЙ, В.А. (2008): *Стилистика русского языка*. Москва.

КОЛОЇЗ, Ж.В. (2002): До питання про диференціацію основних понять неології. In: *Вісник Запорізького ун-ту, серія Філологічні науки*, № 3, с. 78-83.

КОЛОСОВА, Т.А. (2008): *Русские сложные предложения асимметричной структуры*. Новосибирск.

КОНОВАЛОВА, Л.И. (1997): Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины. In: *История русского языка: Словообразование и формообразование*, с.72-79.

КОПЕЛИОВИЧ, А.Б. (1977): К вопросу о кодификации имен существительных общего рода. In: *Грамматика и норма*, с. 178-192.

КОРБУТ, А.Ю. (2005): *Текстосимметрия как раздел общей теории текста: авто-реф. дис... д-ра филол. наук*. Барнаул.

КОТЕЛОВА, Н.З. (1978): Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов. In: *Новые слова и словари новых слов*, с. 5-26

КОЦЬ, Т. (2010): Про прескриптивну і дескриптивну норму в граматиці. In: *Культура слова*, вип. 72, с. 47-55.

КОЧЕРГАН, М.П. (2004): Зіставне мовознавство і проблема мовних картин світу. In: *Мовознавство*, № 5-6, с. 12-22.

КОЧЕРГАН, М.П. (2006): *Основи зіставного мовознавства: Автореф... дисс. канд. филол. наук*. Київ.

КРЕТОВ, А.А. (2010): Асимметрия в лингвистике. In: *Вестник ВГУ, серия лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, с. 5-11.

КРОНГАУЗ, М.А. (1996): Sexus, или проблема пола в русском языке. In: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А.А.Зализняка*, с. 510-524.

КРОНГАУЗ, М.А. (2001): *Семантика*. Москва.

КУДИНОВА, Е.А. (2011): *Языковой субстандарт: социолингвистический, лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты интерпретации: автореф. дисс... докт. филол. наук*. Нальчик.

Курс сучасної української мови. За ред. Л.А.Булаховського. Київ, 1951.

КУЧЕРЕНКО, І.К. (1961): *Теоретичні питання граматики української мови*. Київ.

ЛАСКОВА, М.В. (2001): *Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Монография*. Ростов на Дону.

ЛЕВАШОВ, Е. (1987): Лексико-фразеологические и семантические новообразования. In: *Новые слова и словари новых слов*, с. 167-183.

ЛИПАТОВА, Ю.Ю. (2005): *Лакуны в русском языке: диахроническое исследование на материале разновременных переводов английской литературы сер. XIX-XX вв.: дис. канд. филол. наук*. Чебоксары.

ЛИТНЕВСКАЯ, Е.И. (2000): *Русский язык: краткий теоретический курс для школьников*. Москва.

ЛОСЬ, А.Л. (2010): Проблема асимметрии организации значения на примере лексических единиц, репрезентирующих светлое и темное в русском языке. In: *Вестник Томского гос. ун.-та*, № 1(17), с. 13-18.

ЛЮТИЙ, Т. (2010): Подвійність як світоглядно-антропологічний принцип. In: *Наукові записки. Філософія та релігієзнавство*, т. 102, с. 13-19.

ЛЯПИНА, Л.В. (2010): *Проявление категории симметрии/асимметрии в синтаксических единицах письменной речи мужчин и женщин на материале французского языка (лингво-статистическое исследование): автореф... дисс. канд. филол. наук. Москва.*

МАЗУРИК, Д.В. (2002): *Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і р. ХХ ст.): автореф... дисс. канд. філол. наук. Львів.*

МАЗУРИНА, Н.К. (2007): *Словообразование существительных со значением лица в русском языке XI – XIV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.*

МАЛИЧКОВ, С.Г. (2010): *Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке: автореф... дисс. канд. филол. наук. Москва.*

МАНАКИН, В. (2006): Лексика української та інших слов'янських мов у зіставному вивченні. In: *Ucrainica II. Současna ukrajinstika: Problémy jazyka, literatury, kultury*, с. 37-45.

МАРР, Н.Я. (1930): *Родная речь – могучий рычаг культурного подъема.* Ленинград.

МАРТИНЦОВА, О. (1987): Окказиональные слова в сопоставительном аспекте. In: *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, с. 170-173.

МАРТИНЮК, А.П. (2002): К вопросу об андроцентризме языка. In: *Вісник Харківського нац. ун.-ту ім. В.Н. Каразіна*, серія «Романо-германська філологія», № 2, с. 275-282.

МАРУТАЕВ, М.А. (2005): Гармония Мироздания. Общий закон. In: *Приложение к журналу «Сознание и физическая реальность»*, том 10, № 6, с. 61.

МАСЛОВА, Ю.П. (2011): Гендерні неологізми в мові сучасних друкованих українськомовних СМІ. In: *Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах: Монографія*, с. 41-67.

МАТЕЗИУС, В. (2003): О потенциальности языковых явлений. In: *Избранные труды по языкознанию*, с. 3-30.

МАУЛЕР, Ф.И. (1987): Виды асимметрии между сторонами языкового знака. In: *Асимметричные знаки в языке*, с. 12-15.

МАХОНИНА, А.А. (2002): К вопросу о классификации межъязыковых лагун. In: *Язык и национальное сознание*, вып. 4, с. 40.

МАХОНИНА, А.А., СТЕРНИНА, М.А. (2005): Опыт типологии межъязыковых лагун. In: *Лагуны в языке и речи: Сборник научн. тр.*, вып. 2, с. 54-55.

МАЦЬКО, Л.І., СИДОРЕНКО, О.М., МАЦЬКО, О.М. (2003): *Стилїстика української мови*. Київ.

МИЛОСЛАВСКИЙ, И.Г. (1981): *Морфологические категории современного русского языка*. Москва.

МИНКИН, Л.М. (1982): Синтаксическая симметрия/асимметрия и знаковая природа предложения (на материале французского языка. In: *Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц*, с. 6-12.

МИНАЄВА, Е.В. (2007): *Гендерна концептологія: мовна репрезентація концептів „Дім” і „Любов” у жіночій поезії. Дис... канд. філол. наук*. Сімферополь.

Мова і духовність нації. Львів, 1992.

МОИСЕЕВ, А.И. (1959): Соотносительность личных существительных мужского и женского рода и способы их выражения. In: *Ученые записки Ленингр. унив.*, № 277, с. 176-189.

МОКИЕНКО, В.М. (2007): Языковая картина мира в зеркале фразеологии. In: *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*, с. 49-66.

МОРКОВКИН, В.А. (1988): Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию. In: *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*, с. 131-136.

МОРОЗ, Т.Ю. (2009): *Явище семантико-граматичної асиметрії в системі морфологічних категорій іменника*. Харків.

Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Под ред. М.В. Панова. Москва, 1968.

МОСКАЛЬЧУК, Г.Г. (2010): *Структура текста как синергетический процесс*. Москва.

МОСКАЛЬЧУК, Г.Г. (2011): Общенаучные понятия в исследованиях текста. In: *Вестник Челябинского гос. ун.-та*, № 24(239), серия Филология. Искусствоведение, вып. 57, с. 92-94.

МОСКВИЧЕВА, С.А. (2010): Категория полисемии через призму сущностных характеристик языкового знака. In: *Психологические исследования*, № 2(10), [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n2-10/312-moskvichyova10.html>.

МУРАВЬЕВ, В.Л. (1975): *Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков)*. Владимир.

МУЧНИК, И.П. (1963): Категория рода и ее развитие в современном русском языке. In: *Развитие словообразования современного русского языка*, с. 39-83.

НЕЛЮБА, А. (2011а): «Гендерна лінгвістика» і малопродуктивні словотворчі засоби. In: *Лінгвістика: Збірник наукових праць*, вип. 1 (22), Ч.2, с. 135-145.

НЕЛЮБА, А. (2011в): Прихована економія в словотвірній системі української мови (найзагальніші уваги). In: *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць*, вип. 23, с. 63-67.

НЕЛЮБА, А.М. (2009а): Стримувачі у словотвірних процесах української мови. In: *Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць*, вип. 18, с. 135-140.

НЕЛЮБА, А.М. (2009б): Обмежувачі у словотвірних процесах: проблема відмежування й типологізації. In: *Мовознавчий вісник: Зб. наук. праць на пошану проф. К.Городенської з нагоди її 60-річчя*, вип. 8, с. 159-167.

НЕЛЮБА, А.М. (2011б): Інноваційні зрушення й тенденції в українському жіночому словотворі. In: *Лінгвістика: Збірник наукових праць*, № 2(23), с. 49-59.

НЕМИРОВСКИЙ, М.Я. (1938): Способы обозначения пола в языках мира. In: *Памяти академика Н. Я. Марра (1854–1934)*, с. 196-225.

НЕУПОКОЕВА, А.В. (2008): Мовирование номинаций лиц по признаку пола как способ словообразования в немецком языке. In: *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, № 34(74), с. 368-371.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (1960): Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке. In: *Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР*, т. 16, с. 159-202.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (1965): Тенденции употребления существительных женского рода со значением лица в литературном чешском языке. In: *История славянских литературных языков. Краткие сообщения института славяноведения*, вып. 43, с. 51-65.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (1966): Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке. In: *Советское славяноведение*, № 2, с. 31-40.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (1999): Разговорный язык как импульс инновационных изменений в языке. In: *Slavia*, т. 68, № 1, с. 25-31.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (2003): Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы (на материале восточно- и западнославянских языков). In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*, с. 288-307.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (2008): К вопросу о динамике современной литературной нормы (на материале сопоставления русского и чешского языков). In: *Литературные языки в контексте культуры славян*, с. 239-285.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (2009): Существительные женского рода со значением лица в русском и чешском языке: тенденции развития. In: *Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. научн. статей, посв. памяти заслуженного профессора МГУ А.Г. Широковой*, вып. 38, с. 10-25.

НЕЩИМЕНКО, Г.П. (2010): Отражение «гендерных» проблем в славянском словообразовании. In: *Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доп. XII Міжнар. наук. конф. Коміс. зі слов'ян. словотворення при Міжнар. ком. славістів (25 – 28 трав. 2010 р.)*, с. 192-297.

НИКИТЕВИЧ, В.М. (1963): *Грамматические категории в современном русском*. Москва.

НОВИКОВА, Л.И. (2001): Своеобразие древних русских имен. In: *Русский язык. № 10*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.1september.ru/index.php>.

ОВЧИННИКОВ, Н.Ф. (1966): *Принципы сохранения*. Москва.

ОГУРЦОВА, О.А. (1979): К проблеме лакунарности. In: *Функциональные особенности лингвистических единиц: Сб. трудов Кубанского ун-та*, вып. 3, с. 77 - 83.

ОСЕТРОВ, И.Г. (2009): Симметрия и асимметрия: онтологический и лингвистический аспекты. In: *Вестник МГОУ, серия Русская филология*, № 2, с. 55-60.

ОСЕТРОВ, И.Г. (2011): Принципы асимметрического анализа грамматических явлений. In: *Вестник МГОУ, серия Русская филология*, № 6, с. 36-40.

ОСТАШ, Р.І. (1990): Власні особові імена у функції прізвищевих назв. In: *Українська лексика в історичному та ареальному аспектах*, с. 155-163.

ОСТРОВСЬКА, Ю.К. (2009): Дослідження семантики оцінних неологізмів: засади добору мовного матеріалу. In: *Типологія мовних значень у діахронічному і зіставному аспектах: Збірник наукових праць*, вип. 19, с. 56-67.

ПЕНТИЛЮК, М.І., МАРУНИЧ, І.І., ГАЙДАЄНКО, І.В. (2011): *Ділове спілкування та культура мовлення. Навч. посіб.* Київ.

ПЕРЕСТОРОНИНА, И.Л., ЯКИМОВ, В.А. (2007): Образование женского рода существительных, обозначающих профессии. In: *Проблемы романо-германской*

филологии, философии, педагогики и методики преподавания иностранных языков, с. 26-29.

ПЕТРОВСКИЙ, Н.А. (1966): *Словарь русских личных имен*. Москва.

ПИЦАЛЬНИКОВА, В.А. (1999): Симметрия и асимметрия текста как синергетической системы. In: *Единицы языка и их функционирование: Межвузовский сборник научн. трудов*, вып. 5, с. 3-12.

ПЛОТНИКОВ, Б.А. (1989): *О форме и содержании в языке*. Минск.

ПОДА, О.Ю. (2008): Фемінативи і маскулінітиви як гендерні маркери журнальних заголовків у контексті гендерної політики західноукраїнських часописів для жінок. In: *Держава і регіони: науково-виробничий журнал*, № 3, с. 87-95.

ПОНОМАРЕНКО, И.Н. (2005): *Симметрия/асимметрия в лингвистике текста: автореф... дисс. докт. филол. наук*. Краснодар.

ПОСПЕЛОВ, Н.С. (1957): О лингвистическом наследстве С. Карцевского. In: *Вопросы языкознания*, № 4, с. 46-56.

ПОСПЕЛОВ, Н.С. (1968): О соотношении грамматических значений глагольных форм времени в русском языке. In: *Проблемы современной лингвистики*, с. 111-137.

Производство нарицательных имен лиц. In: *Русский язык конца XX ст. (1985-1995)*, Москва, 1996, с. 103-107.

ПУЗЫРЁВ, А.В. (2008): Проблемы экологии и русского языка в системном осмыслении. In: *Экология русского языка: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции*, с. 6-8.

ПУЗЫРЕНКО, Я. (2009): Маскулинизация как фактор влияния на агентивно-профессиональную номинацию женщин. In: *Kalba, diskursas, kultūra: problemas ir sprendimai*, с. 219-225.

ПУСТОВИТ, Л.О., КЛИМЕНКО, Н.Ф. (2004): Оказіоналізми. In: *Українська мова. Енциклопедія*, с. 432-433.

РЕДЬКО, Ю.К. (1966): *Сучасні українські прізвища*. Київ.

РОЗЕНТАЛЬ, Д.Э. (1989): *Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати*. Москва.

Русская грамматика. Москва, 1980.

Русский язык и культура речи. Под. ред. В.Д. Черняк. Москва, 2002.

Русское словообразование: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2008.

РЯБОВА, В.Н. (1997): *Русские интраязыковые лакуны (формально-семантический аспект): автореф... дисс. докт. филол. наук*. Краснодар.

САВЕЛЬЕВА, О.С. (2011): Личные существительные как часть семантической структуры категории предметности. In: *Сборник материалов международной заочной научно-практической конференции «Современные гуманитарные, общественные и социально-экономические науки: актуальные проблемы и тенденции развития» (15 сентября – 25 сентября 2011 г., Москва)*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://konf.ychitel.com>.

САВКАТОВА (КЫРТЕПЕ), А.М. (2009): Семантика производных слов со значением женскости. In: *Личность – Язык – Культура: материалы II Всеросс. научно-практич. конф. (27-28 ноября, г. Саратов)*, с. 108-113.

САВЧЕНКО, В.Н., СМАГИН, В.П. (2006): *Начала современного естествознания: тезаурус*. Ростов на Дону.

СЕРДОБИНЦЕВА, Е.Н. (2008): Законы общей экологии и язык. In: *Экология русского языка: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции в Пензе*, с. 4-5.

СИМОВИЧ, В. (2005): Наша товариська мова. In: *Сімович В. Праці у 2-х т. Т.1. Мовознавства*, с. 283-289.

СИМОВИЧ, В. (2005): *Праці у 2-х т. Т.1. Мовознавство*. Чернівці.

СКВОРЦОВ, Л. (1994): Язык, общение, культура (экология и язык). In: *Русский язык в школе*, № 1, с. 81-86.

СКОВОРОДНИКОВ, А. (1996): Лингвистическая экология: проблемы становления. In: *Вестн. МГУ, серия Филологические науки*, № 2, с. 5-9.

СКОВОРОДНИКОВ, А.П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.

СЛАВГОРОДСКАЯ, Т. (2009): «Культура речи» или «лингвоэкология»? In: *Современный русский язык: динамика и функционирование: материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции*, с. 104–109.

СМОЛЬСКАЯ, А.К. (1993): *Развитие именного словообразования в сербохорватском литературном языке (феминативы): автореф... дисс. канд. филол. наук*. Москва.

СМОЛЬЯНИНОВА, И.И., ВОЛИНКИНА, О.В. (2011): Ономастикон (антропонимия) в творках Бориса Гринченка. In: *Современные научные исследования и инновации*, № 2, [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/640>.

СОЛНЫШКИНА, М.И. (2005): Асимметричные проявления концепта в языке. In: *Вестник МГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*, т. 3, вып. 1, с. 59-64.

СОЛОДОВНИКОВА, Н.Г., ШАХОВСКИЙ, В.И. Терапевтическая функция языка. In: *Ecolinguistics: человек, язык и окружающая среда*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// ecolinguistics.ru/index.php](http://ecolinguistics.ru/index.php).

СОНИН, А.С. (1987): *Постижение совершенства: симметрия, асимметрия, дисимметрия, антисимметрия*. Москва.

СОРОКИН, Ю.А. (1977): Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур. In: *Национально-культурная специфика речевого поведения*, с. 120 - 136.

СОРОКИН, Ю.А. (2005): Еще одно лакунологическое исследование: “Лакунарность как категория лексической системности”. In: *Лакуны в языке и речи*, вып. 2, с. 3–7.

СОРОКИН, Ю.А., МАРКОВИНА, И.Ю. (1983): Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты. In: *Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. трудов*, с. 35 - 52.

СОРОКИН, Ю.С. (1982): Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности. In: *Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*, с. 22-28.

СОССИЮР, ФЕРДИНАНД ДЕ (1977): *Труды по языкознанию*. Москва.

СТЕПАНОВ, Ю.С. (1975): *Методы и принципы современной лингвистики*. Москва.

СТЕРНИН, И.А., ФЛЕКЕНШТЕЙН, К. (1989): Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Учеб. пособие. Halle.

СТИШОВ, О.А. (2011): Назви осіб в українській мові кінця ХХ – початку ХХІ століть (на матеріалі ЗМІ). In: *Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах: Колективна монографія*, с. 9-41.

Сучасна українська мова. Морфологія. За ред. І.К Білодіда. Київ, 1969.

ТАММАРУ, Ю.В. (1965): К вопросу о философском содержании понятия симметрии. In: *Ученые записки Тартуского государственного университета*, с. 65-71.

ТАРАНЕНКО, О.О. (1993): Динаміка слов'янських іменних класифікацій у діахронії і синхронії (на формально-семантико-граматичному та словотвірному рівнях). In: *Слов'янське мовознавство*, с. 74 – 98.

ТАРАНЕНКО, О.О. (2005): Принцип андроцентризму в системі мовних координат і сучасний гендерний рух. In: *Мовознавство*, № 1, с. 3-25.

ТАРАНЕНКО, О.О. (2006): «Я» (Сукупність принципів атропоцентризму, соціально активної особи та андроцентризму) в організації слов'янських іменних (родових) класифікацій. In: *Мова. Людина. Світ: До 70-річчя М.П.Кочергана: Збірник наук. праць*, с. 67-71.

ТОЛСТОЙ, Н.И. (1995): *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва.

ТОМПСОН, М. (2001): *Восточная философия*. Москва.

ТРУБАЧЕВ, О.Н. (1959): *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. Москва.

ТРУБЕЦКОЙ, Н.С. (1960): *Основы фонологии*. Москва.

ТУРЧАК, О.М. (2005): *Оказіоналізми у мові української преси 90-х років ХХ ст. автореф... дисс. канд. філол. наук*. Дніпропетровськ.

ТЭЙЛОР, Э.Б. (1896): *Первобытная культура Изслѣдованія развитія мифології, філолософії, релігії, языка, искусства и обычаевъ*. Санкт-Петербург.

УЛУХАНОВ, И.С. (1998): О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках. In: *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации*, с. 536-555.

УНБЕГАУН, Б.О. (1972): *Русские фамилии*. Лондон.

УРМАНЦЕВ, Ю.А. (1964): О значении для философии проявлений симметрии в природе. In: *Вопросы философии*, № 4, с. 170-174.

УРМАНЦЕВ, Ю.А. (1974): *Симметрия природы и природа симметрии (Философские и естественно-научные аспекты)*. Москва.

УШАКОВА, Н.И. (2012): Русская ономастика в курсе лингвострановедения для иностранных студентов-филологов. In: *Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: сборник научных работ*, с. 314-318.

ФЕДОТОВА, М.Е. (1997): Лексические инновации в сфере наименований женских профессий. In: *Слово в динамике: Сб. научн. тр. Тверского гос. университета*, с. 90-96.

ФЕКЕТА, И.И. (1969): *Личные женские названия в украинском языке (образование и употребление): автореф. дисс. ... кандидата филол. наук*. Киев.

ФИЛИППОВ, К.А. (1996): Асимметрия культурных концептов и языковое выражение. In: *День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов*, с. 395-397.

ФОКИН, А.А. (2010): *Этническая ментальность и проблемы перевода (на материале творчества И.Бродского): автореф. дисс. ... кандидата филол. наук*. Иваново.

Формально-содержательная асимметрия единиц языка: Сборник научных трудов.
Ижевск, 1982.

ХАРИНА, Е.С. *Явление симметрии/асимметрии языкового знака*, [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pglu.ru/lib/publications/University.../uch_2008_V_00042.pdf.

ХАРИТОНОВА, Б. (1987): *Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей “Человек”, “Быт” и “Народное хозяйство” учебника “Русский язык” для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): Дисс... канд. фил. наук.* Воронеж.

ХОМСКИЙ, Н. (1995): Язык и проблемы знания. In: *Вестник МГУ, серия Филология*, № 4, с. 130–157.

ХОРОШАВИНА, С.Г. (2005): *Концепции современного естествознания. Курс лекций.* Ростов на Дону.

ЧЕРЕМИСИНА-ЕНИКОЛОПОВА, Н.В. (2001a): Симметрия / асимметрия как глубинный универсальный бинарный лингвистический и общенаучный закон. In: *Общие методологические проблемы филологии: Науч.-метод. семинар «Textus»*, вып.6, с. 26-29.

ЧЕРЕМИСИНА-ЕНИКОЛОПОВА, Н.В. (2001б): Симметрия / асимметрия как глубинный универсальный закон в языке и других отраслях знания. In: *Человек. Язык. Искусство: матер. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14–16 ноября 2000 г.*, с. 256-257.

ЧУЧКА, П.П. (2000): Андронім. In: *Українська мова: Енциклопедія*, с. 26.

ЧУЧКА, П.П. (2000): Патронім. In: *Українська мова: Енциклопедія*, с. 426.

ШАТИН, Ю.В. (1997): Языковая диссимметрия и Винни-Пух. In: *Дискурс*, № 3-4, с. 21-27.

ШАХМАТОВ, А.А. (2001): *Синтаксис русского языка.* Москва.

ШВАЧКО, С.О. (2011): Статус лакунарності у мові та мовленні. In: *Зб. наук. праць «Знак – свідомість – знання»*, вип. 1, с. 40 – 45.

ШВАЧКО, С.О. (2012): *Сяйво забутих слів: Монографія.* Суми.

ШЕЛЯКИН, М.А. (2005): *Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы.* Москва.

ШТЕРНЕМАНН, Р. (1989): Введение в контрастивную лингвистику. In: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XXV, с. 144-178.

ШУБНИКОВ, А.В., КОПЦИК, В.А. (2004): *Симметрия в науке и искусстве.* Москва-Ижевск.

ШУЛЬГА, М.В. (1984): О причинах устранения родовых различий во множественном числе у родоизменяемых слов. In: *Вопросы языкознания*, № 3, с. 98-104.

ШУЛЬГА, М.В. (2003): *Развитие морфологической системы имени в русском языке: Монография*. Москва.

ШУНЕЙКО, А.А. (2005): Лакуна и нулевой знак. In: *Лакуны в языке и речи: Сборник научн. тр.*, вып. 2, с. 3-7.

ЯКОБСОН, Р. (1985а): Нулевой знак. In: *Р. Якобсон. Избранные работы*, с. 222-230.

ЯКОБСОН, Р. (1985б): О структуре русского глагола. In: *Р. Якобсон. Избранные работы*, с. 210-221.

ЯКУБИНСКИЙ, Л.П. (1953): *История древнерусского языка*. Москва.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н.А. (1966): Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода. In: *Развитие словообразования современного русского языка*, с. 167-210.

ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н.А. (2001): Окказиональное словообразование. In: *Словообразование в современном русском языке*, с. 462-482.

BASAJ, M. (1996): Determinanty płci żeńskiej w języku polskim i czeskim. In: *Żena - Jazyk – Literatura*, s. 274-278.

BÍLEK, J. (2001): Přechylování je neuctivé. In: *Lidové noviny (Praha)*, 24.01.2001.

BŘEBEŇ, C. (1998): Přechylovat - ano či ne? In: *Týdeník Rozhlas (Praha)*, č. 21, 18.-24.05.1998.

BRZOZOWSKA, D. (2005): Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim. In: *Język Polski*, LXXXV 1, s. 36-42.

BUTTLER, D., KURKOWSKA, H., SATKIEWICZ, H. (1971): *Kultura języka polskiego*. Warszawa.

BUZÁSSYOVÁ, K., MARTINCOVÁ, O. (2003): Neuzuální slovtvorba v západoslovanských jazycích. In: *Słowotwórstwo/Nominacja*, s.262-276.

BYSTROŃ, J.ST. (1927): *Nazwiska polskie*. Lwów.

ČECHOVÁ, M., CHLOUPEK, J., KRČMOVÁ, M., MINÁŘOVÁ, E. (2003): *Současná česká stylistika*. Praha.

ČERMÁK, F. (1995): Dvoujazyčný slovník a korpus: některé poznámky. In: *Manuál lexikografie*, s. 230-248.

CHRUŚCIŃSKA, K. (1978): O formacjach i orazjonalimach. In: *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*, s. 69-79.

- ČMEJRKOVÁ, S. (2002): Rod v jazyce a komunikaci: specifika češtiny. In: *Slovo a slovesnost*, r. 63, č. 4, s. 263-286.
- ČMEJRKOVÁ, S. (2010): Postoje k jazyku: výzkumy a interpretace. In.: *Užívání a prožívání jazyka*, s. 297-303.
- DANEŠ, F. (1995): Nonsexismus v jazyce. In: *Vesmír 74. Jazykový koutek*, № 7, s. 416.
- DANEŠ, F. (1997): Ještě jednou «feministická lingvistika». In: *Naše řeč*, r. 80. č. 5. s. 256-259.
- DANEŠ, F. (2004): Preskripcie – anebo Nechte svůj jazyk na pokoji? In: *Čeština. Univerzalia a specifika* 5, s. 166-174.
- DANEŠ, F. (2009): *Kultura a struktura českého jazyka*. Praha.
- DEMBSKA, K. (2012): *Tendencje rozwojowe polskich i rosyjskich nazw zawodowych kobiet na tle języka czeskiego*. Toruń.
- DOKULIL, M. (1958): K otázce morfologických protikladů. In: *Slovo a slovesnost*, r. 19, s. 81-103.
- DOKULIL, M. (1962): *Tvoření slov v češtině I*. Praha.
- DOROSZEWSKI, W. (1948): *Rozmowy o języku*. Warszawa.
- EISNER, P. (1997): *Chram i tvrz*. Praha.
- EISNER, P. (1998): *Čeština poklepem a poslechem*. Praha.
- FILIPEC, J. (1967): K otázce vztahů v jazyku, vzláště vztahu podobnosti. In: *Slovo a slovesnost*, r. 28. č. 4. S. 373-378.
- FILL, A. (2001): Ecolinguistics. State of the Art 1988. In: *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*, p. 43-54.
- FLEISCHER, W. (1969): *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig.
- GREGOR, A. (1956): Přechylování v staročeštině. In: *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*, r. 5, s. 37-44.
- GRYBOSIOWA, A. (2006): Feministyczne reinterpretacje językowego obrazu świata Polaków. In: *Poradnik Językowy*, z. 6, s. 74-79.
- GRZEGORCZYKOWA, R., LASKOWSKI, R., WRÓBEL, H. (1999): *Gramatyka współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
- GRZEGORCZYKOWA, R., PUZYNINA, J. (1998): Problemy ogólne słowotwórstwa. Słowotwórstwo rzeczowników. In: *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, s. 361-388; 389-468.

HANDKE, K. (1997b): Stosunek Polek do nurtów feministycznych i języka. In: *Rozważania i analizy językoznawcze: wybór prac wydany z okazji 65. urodzin Autorki*, s. 533-547.

HANDKE, K. (1997a): Przyczyny ograniczania fleksji nominalnej we współczesnej polszczyźnie. In: *Rozważania i analizy językoznawcze: wybór prac wydany z okazji 65. urodzin Autorki*, s. 99-107.

HOFFMANNOVÁ, J. (1995): Feministická lingvistika? In: *Naše řeč*, r. 78, č. 2, s. 80-91.

HOFFMANNOVÁ, J. (1997): *Stylistika a ... Současná situace stylistiky*. Praha.

HORTVÍKOVÁ, E. (2012): *Lexikální neekvivalence jako negativní interference při osvojování španělštiny. Diplomová práce*. České Budějovice.

HRUŠKOVÁ, Z. (1967): Jména přechýlená. In: *Tvoření slov v češtině II. Odvozování podstatných jmen*, s. 556-561.

HUBÁČEK, J. (1996): K tvoření názvů přechylených. In: *Žena – jazyk – literatura*, s. 271-273.

JADACKA, H. (1999): Tytuły (naukowe, służbowe, zawodowe) kobiet. In: *Nowy słownik poprawnej polszczyzny*, s. 1767-1768.

JADACKA, H. (2001): *System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000)*. Warszawa.

KAPROŃ-CHARZYŃSKA, I. (2006): Żeńskie neologizmy osobowe z formantem -ka we współczesnej polszczyźnie. In: *Język Polski*, LXXXVI, z. 4, s. 260–270.

KARWATOWSKA, M., SZPYRA-KOZŁOWSKA, J. (2005): *Lingwistyka płci: ona i on w języku poskim*. Lublin.

KARWATOWSKA, M., SZPYRA-KOZŁOWSKA, J. (2003): «Klient nasz pan a wszyscy ludzie są braćmi – seksizm we współczesnej polszczyźnie». In: *Etnolingwistyka 15*, s. 195-219.

KEPIŃSKA, A. (2007): Pani prezydent czy pani prezydentka? In: *Poradnik Językowy*, z. 3, s. 79-84.

KLAIN, I. (2001): Neologisms in Present-day Serbian. In: *Intern. Journ. of the Sociology of Language*, № 151, p. 101.

KLEMENSIEWICZ, Z. (1957): Tytuły i nazwy zawodowe kobiet w świetle teorii i praktyki. In: *Język Polski*, XXXVII, s. 101-119.

KNAPPOVÁ, M. (1980): Osobní jména v českém jazykovém systému. In: *Naše řeč*, r. 63, č. 5, s. 225-231.

KNAPPOVÁ, M. (1992): Přechylování příjmení jako problém kodifikační a legislativní (návrh doplňkové kodifikační úpravy). In: *Naše řeč*, r. 75, č. 1, s. 12-21.

- KNAPPOVÁ, M. (1996): *Jak se bude vaše dítě jmenovat?* Praha.
- KOLÁŘ, B. (1996): Problémy s – ová. In: *Hanacké noviny (Olomouc)*, 08.02.1996.
- KOŘENSKÝ, J. (1998): Metodologické problémy zkoumání proměn současných slovanských jazyků. In: *Jazykovědný časopis*, № 49/1-2, s. 27-33.
- KREJA, B. (1964): Słowotwórstwo nazw żeńskich we współczesnym języku polskim. In: *Język Polski*, z. 44, s. 129-140.
- KRJP (2002): Komunikaty Rady języka polskiego przy Prezydium polskiej Akademii nauk. Forma żeńska rzeczownika *marynarz – marynarka?* In: *Poradnik Językowy*, z. 7, s. 72-73.
- KRJP (2003): Komunikaty rady języka polskiego przy Prezydium Polskiej Akademii nauk. Przyrostki żeńskie nazwisk typu *Nowak, Mickiewicz, Zaręba*. In: *Poradnik Językowy*, z. 6, s. 73-74.
- KRJP (2004): Komunikaty rady języka polskiego przy Prezydium polskiej Akademii nauk. *Sędzina*. In: *Poradnik Językowy*, z. 7, s. 77-78.
- KROUPOVÁ, L. (1980): Žena v zaměstnání a povolání. In: *Slovo a slovesnost*, r. 41, s. 208-216.
- KUBÍK, M. (1956): Ženské osobní názvy v ruštině a češtině. In: *Bulletin vysoké školy ruského jazyka a literatury 1*, s. 115-130.
- KUBISZYN-MĘDRALA, Z. (2007): Žeńskie nazwy tytułów i zawodów w słownikach współczesnego języka polskiego. In: *LingVaria*, r. II, Nr 1 (3), s. 31-40.
- KUCAŁA, M. (1978): *Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny*. Wrocław.
- ŁAZIŃSKI, M. (2006): *O panach i paniach. Polskie rzeczowniki tytularne i ich asymetria rodzajowo-płciowa*. Warszawa.
- LEHMANN, V. (1955): Die Rekonstruktion von Bedeutungsentwicklung und-motiviertheit mit Functoinalen Operationen. In: *Slavistische Linguistik*, s. 255-289.
- MARKOWSKI, A. (2000): Jawne i ukryte nowsze zapożyczenia leksykalne w mediach. In: *Język w mediach masowych*, s. 96–111.
- MARKSOVÁ-TOMÍNOVÁ, M. (2008): Příjmení českých žen a emancipace. Dostupný z: <http://blog.aktualne.cz/blogy/michaela-marksova-tominova.php>.
- MARTINCOVÁ, O. (2003): Obecna charakteristika lexikografického přístupu k neologismům. In: *Słowotwórstwo/Nominacja*, s. 334-354.
- Mluvnice Češtiny I. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov*. Praha, 1986.
- NEŠČIMENKOVÁ, G. (2004): K zinteživněni tendenci konvergenčního vývoje současných slovanských jazyků. In: *Čeština. Univerzália a specifika 5*, s. 67-76.

- NEUMANN, S.K. (1999): *Dějiny ženy*. Praha.
- NITSCH, K. (1951): Uwagi o nazwiskach kobiet zamężnych i panien. In: *Język Polski*, XXXI, s. 62-68.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2003): Płeć a rodzaj gramatyczny we współczesnych ofertach pracy. In: *Poradnik Językowy*, Nr 5, s. 21 – 38.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2006a): Tendencje w sposobie wyrażania żeńskości we współczesnej polszczyźnie. In: *Język Polski*, z. 2 (LXXXVI), s. 126 – 136.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2006b): Jeszcze o rodzaju. Uwagi do artykułu D. Brzozowskiej „Kategoria rodzaju we współczesnym języku polskim“, *Język Polski*, s. 36-42. In: *Język Polski*, LXXXVI, s. 393-395.
- NOWOSAD-BAKALARCZYK, M. (2009): *Płeć a rodzaj gramatyczny we współczesnej polszczyźnie*. Lublin.
- OBERPFALCER, F. (1932): *Jazykozpyt*. Praha.
- OBERPFALCER, F. (1933): *Rod jmen v češtině*. Praha.
- OHNHEISER, I. (2003): Цель и концепция тома *Словотворство/Nominacja*. Komparacja współczesnych języków słowiańskich 1. In: *Словотворство/Nominacja*, s. 17-26.
- OPAVSKÁ, Z. (2005): Nová pojmenování ženských osob. In: *Neologismy v dnešní češtině*, s. 40-53.
- Paní doktor. In: *Naše řeč*, r. 6, 1922, s. 265-266.
- PASTYŘÍK, S. (2010): *Rukověť pro onomastické semináře. Slovníček*. Hradec Králové.
- PISAREK, W. (1997a): Ekologia polszczyzny / rozm. popr. A. Szostakiewicz. In: *Tygodnik Powszechny*, Nr 1, s. 4.
- PISAREK, W. (1997b): Rada Języka Polskiego i jej zamierzenia. In: *Nauka*, z. 4, s. 207-218.
- PISAREK, W. (1997c): Językowe sumienie Polaków / rozm. popr. J. Lekki. In: *Wiadomości kulturalne*, Nr 9, s. 23.
- PLESKALOVÁ, J. (1998): *Tvoření nejstarších českých osobních jmen*. Brno.
- ŘÍHOVÁ, B. (2010): Pediatra a chemička. Ministerstvo školství učí genderově korektní jazyk. In: *iDnes.cz. Zprávy*, 25.02.2010.
- RUSINOVÁ, Z. (1964): Názvy nositelů vlastností v staré češtině. In: *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*, r. 12, s. 211-215.
- RUSÍNOVÁ, Z. (2004): Moce (přechylování) jako modifikace významu. In: *Konstanty a proměny v českém jazyce a literatuře XX. století*, s. 229-236.

- ŠMEJKAL, P. (2010): Proboha a probohyni, za bukem či za bukyní číhá pediatra. In: *Respekt – iHned*, 15.04.2010.
- ŠMILAUER, V. (1971): *Novočeské tvoření slov*. Praha.
- SMÓŁKOWA, T. (2001): *Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej*. Kraków.
- STICH, A. (1994): Polské knížky o češtině. In: *Naše řeč*, r. 77, č. 5, s. 265-267.
- ŠTICHA, F. (2011): *Kapitoly z české gramatiky*. Praha.
- STRUTYŃSKI, J. (1997): *Gramatyka Polska. Wydanie nowe rozszerzone*. Kraków.
- SYSLOVÁ, J. (2010): Hostka, chirurgyně. Nová slova z genderové příručky štvou odborníky. In: *MF DNES*, 27.04.2010.
- SZOBER, S. (1969): *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa.
- TRUBETZKOY, N. (1931): Die phonologische Systeme. In: *TCLP IV*, s. 96-116.
- VALDROVÁ, J. (1997): K České genderové lingvistice. In: *Naše řeč*, r. 80, č. 2, s. 87-91.
- VALDROVÁ, J. (2003): Rod ženský v jazyce. In: *Rod ženský: Kdo jsme, odkud jsme přišly, kam jdeme*, s. 277-288.
- VALDROVÁ, J. (2005): Gender a jazyk. In: *Gender ve škole. Příručka pro vyučující*, s. 57-60.
- VAN VALEN, L. (1962): A study of fluctuating asymmetry. In: *Evolution*, vol 16, No 2, p. 125-142.
- WARCHOŁ-SCHLOTTMANN, M. (2006): Dlaczego pani psycholog Nowak nie chce być psycholożką Nowak? In: *Alma Mater*, Nr 825, s. 42-45.
- WASZAKOWA, K. (2005): *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa.
- WOJCIECHOWSKA, K. (2004): Redaktora, czyli miniwykład o formantach feminatywnych i deminutywnych. Dostupný z: <http://www.pinezka.pl/pryzmat-archiwum/549-redaktora-czyli-miniwyklad-o-formantach-feminatywnych-i-deminutywnych>.
- WYSOCZAŃSKI, W. (1999): Ekologia Języka jako dyscyplina heterogenicznego opisu języka. In: *Biuletyn PTJ*, z. LV, s. 63-76.
- ZDUNKIEWICZ-JEDYNAK, D. (2008) : *Wykłady ze stylistyki*, Warszawa.
- ZIKOVÁ, M. (2003): K podstatě slovtvorného procesu přechylování. In: *Lingua Brunensia. Sborník prací FF Brněnské univerzity*. A 51, s. 125-132.
- Z našich časopisů. In: *Naše řeč*, r. 14, 1930, s. 106-108.
- Z našich časopisů. In: *Naše řeč*, r. 19, 1935, s. 94-96.

ZELENKOVÁ, K. (2007): Genderová lingvistika a generické maskulinum: Mediální praxe říká: NE. In: *Ženy a média*, 21.03.2007.

ZEMSKAJA, E., ERMAKOVA, O., RUDNIK-KARWATOWA, Z. (1999): Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia. In: *Slavia*, r. 68, s. 9-18.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

A S C S (2000): *Akademický slovník cizích slov*. Pod. ved. V.Petráčekové a J.Krause. Praha.

Č S V S / H a l. (1969-1983): *Český slovník věcný a synonymický: V 4 d.* Zpr. J.Haller. Praha.

D S M / B a r t. (1905-1906): *Dialektický slovník moravský*. Bartoš F. Praha.

E S Č (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J. Praha.

I S J P (2000): *Inny słownik języka polskiego*. Pod. red. M. Bańki. Warszawa.

J B D J / K n a p. (2002): *Jak se bude vaše dítě jmenovat?* Knappová M. Praha.

M S C (1978): *Malý staročeský slovník*. Bělič J., Kamiš K., Kučera K. Praha.

N S Č I (1998): *Nová slova v češtině: Slovník neologismů 1*. O. Martincová a kol. Praha.

N S Č II (2004): *Nová slova v češtině: Slovník neologismů 2*. O. Martincová a kol. Praha.

P E H G (2001-2014): *Polska Encyklopedia Historyczno-Genealogiczna*. <http://www.genealogia.okiem.pl/glossary/glossary.php>.

P S J Č (1935-1957): *Příruční slovník jazyka českého*. Red.: Hujer, O., Smetánka, E., Weingart, M., Havránek, B., Šmilauer, V., Získal, A. Praha.

S Č S F / B e č. (1982): *Slovník českých synonym a frazeologismů*. Bečka V. Praha.

S J P / S z y m. (1995): *Słownik języka polskiego*. Pod red. M. Szymczaka. Warszawa.

S J P / D o r (1996-1997): *Słownik języka polskiego*. Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa.

S J P / L i n d e (1807): *Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumila Linde*. Warszawa.

S J P / S z 1999: *Słownik języka polskiego*. Pod red. M. Szymczaka. Warszawa.

- S P P (1980): *Słownik poprawnej polszczyzny*. Pod red. W. Doroszewskiego i H. Kurkowskiej. Warszawa.
- S S / U r b . (1953–2002): *Słownik staropolski*. Red. S. Urbańczyk. Kraków.
- S S Ć / G e b . (1903 - 1906): *Slovník staročeský*. Gebauer J. Praha.
- S S Ć Š V (2003): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Mejstřík V. Praha.
- S S J Ć (1989): *Slovník spisovného jazyka českého*. Za ved. B. Havránka: zprac. lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český CSAV. Praha.
- U S J P / D u b (2008): *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Pod. red. St. Dubisza. Warszawa.
- W S F / K ł o d . (2008): *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Kłodzińska, A., Sobol, E., Stankiewicz, A. Warszawa.
- Б А С (2004): *Большой академический словарь русского языка*. Гл. ред. К.С.Горбачевич. Москва.
- Б С Р П / М о к . (2007): *Большой словарь русских поговорок*. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Москва.
- Б С Р Р Р / Х и м . (2004): *Большой словарь русской разговорной речи*. Химик В.В. Санкт-Петербург.
- Б Т С Р С (2005): *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы*. Под ред. Л.Г.Бабенко. Москва.
- Б Т С Р Я / К у з н . (2001): *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург.
- Б Т С Р Я / К у з н . (2008): *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург.
- Б Т Ф С Р Я / М и х . (2005): *Большой толково-фразеологический словарь русского языка*. Михельсон М.М. Москва.
- В І Л / С к р и п . (1996): *Власні імена людей. Словник-довідник*. Скрипник, Л.Г., Дзятківська, Н.П. Київ.
- В Т С С У М (2007): *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Гол. ред. І.Т. Бусел. Київ.
- Г П Р Р (2004): *Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов*. Граудина, Л.К., Ицкович, В.А., Катлинская, Л.П. Москва.
- Е С У М (1982 - 2006): *Етимологічний словник української мови*. Гол. ред. О.С. Мельничук. Київ.

К П С С И / К а л а б . (1 9 9 8) : Краткий понятийный словарь по гендерным исследованиям. In: *Социальный пол: экономическое и демографическое поведение. Учебно-методические материалы по курсу.* Калабихина И.Е. Москва.

Л Э С (1 9 9 0) : *Лингвистический энциклопедический словарь.* Отв. ред. В.Н. Ярцева. Москва.

М А С (1 9 9 9) : *Словарь русского языка.* Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва.

М С Д Р Я / С р е з . (1 9 0 3) : *Материалы для словаря древнерусского языка.* Срезневский И.И. Санкт-Петербург..

Н С З (2 0 0 9) : *Нові слова та значення: словник.* Укл.: Туровська, Л.В., Василькова, Л.М. Київ.

Н С И С В (2 0 0 2) : *Новейший словарь иностранных слов и выражений.* Москва.

Н С Р Я / Е ф р . (2 0 0 1) : *Новый словарь русского языка: Толково-слообразовательный.* Ефремова Т.Ф. Москва.

О С Р Я / С о л . (2 0 0 3) : *Орфографический словарь русского языка.* Соловьев Н.В. Москва.

О С У М (1 9 9 4) : *Орфографічний словник української мови.* Київ.

Р С С / Ш в е д . (2 0 0 2) : *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений.* Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва.

С В І М / С к р и п . (1 9 7 6) : *Словник власних імен людей: Українсько-російський і російсько-український.* За ред. Л.Г. Скрипник. Київ.

С Г В Р Я / Г р а у д . (2 0 0 8) : *Словарь грамматических вариантов русского языка.* Граудина, Л.К., Ицкович, В.А., Катлинская, Л.П. Москва.

С Г Т (2 0 0 2) : *Словарь гендерных терминов.* Под ред. Денисовой А.А. Москва.

С Д М / Д о р . (1 9 3 0) : *[Російсько-український] Словник ділової мови. Термінологія і фразеологія (Проект). Матеріали до української термінології та номенклатури.* Дорошенко, М., Станиславський, М., Страшкевич, В. Київ – Харків.

С Д Н О / Г о д . (2 0 0 9) : *Словник-довідник назв осіб за видом діяльності.* Годована М.П. За ред. Л.В. Туровської. Київ.

С И С / К о м л . (2 0 0 6) : *Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений.* Комлев Н.Г. Москва.

С Л Т / А х м . (2 0 0 5) : *Словарь лингвистических терминов.* Ахманова О.С. Москва.

- СЛТ/Ахм. (1969): *Словарь лингвистических терминов*. Ахманова О.С. Москва.
- СЛТ/Жереб. (2010): *Словарь лингвистических терминов*. Жеребило Т.В. Назрань.
- СНСЗ/Троф. (1993): *Словарь новых слов и значений в английском языке*. Трофимова З. Москва.
- СНУ/Нел. (2013): *Словотворчість незалежної України. 1911-2011: Словник*. Укл. А. Нелюба. Харків.
- СОС (2007): *Сучасний орфографічний словник*. Укл. О.Ю. Петраковський. Харків.
- СРЛИ/Петр. (1966): *Словарь русских личных имен*. Петровский Н.А. Москва.
- СРЯ/Ожегов (1985): *Словарь русского языка*. Ожегов С.И. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва.
- ССІМ/Скоп. (2006): *Сучасний словник іношомовних слів*. Укл. Скопенко, О.І., Цимбалюк, Т.В. Київ.
- ССЛТ (2003): *Сучасний словник літературознавчих термінів*. М.Ф. Гетьманець. Харків.
- СУМ (1970-1980): *Словник української мови. В 11 т.* Київ.
- СУМ (2011): *Словник української мови. В 20 т.* Київ.
- СУМ/Грінч. (1907): *Словарь української мови*. Упор. Б. Грінченко. Київ.
- СУМ/Яворн. (1920): *Словник української мови*. Яворницький Д.І. Катеринослав.
- ТСЖВРЯ/Даль (1955): *Толковый словарь живого великорусского языка*. Даль В.И. Москва.
- ТСИС/Крыс. (2008): *Толковый словарь иноязычных слов*. Крысин Л.П. Москва.
- ТСНЖ/Кол. (2002): *Толковый словарь наименований женщины*. Колесников Н.П. Москва.
- ТСРЯ/АЛ (2006): *Толковый Словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. Под ред. Г.Н. Складневской. Москва.
- ТСРЯ/Ож/Шв (1992): *Толковый словарь русского языка*. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Москва.

ТСРЯ/Уш. (1935-1940): *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва.

ТСРЯ/ЯИ (1998): *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г.Н. Складерской. Санкт-Петербург.

ТСРЯ/ЯИ (2001): *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*. Под ред. Г.Н. Складерской. Москва.

УМЕ (2004): *Українська мова. Енциклопедія*. Київ.

ФСРЛЯ/Фед. (2008): *Фразеологический словарь русского литературного языка*. А.И. Фёдоров. Москва.

ФСРЯ/Тих. (2003): *Фразеологический словарь русского языка*. Сост. Тихонов, А.Н. (рук. кол. авт.), Ломов, А.Г., Ломова, Л.А. Москва.

ФСУМ (1999): *Фразеологічний словник української мови*. Київ.

ФЭ (1960-1970): *Философская энциклопедия*. Гл. ред. Ф.В. Константинов. Москва.

ФЭС (1984): *Физический энциклопедический словарь*. Гл. ред. А.М. Прохоров. Москва.

ФЭС (1989): *Философский энциклопедический словарь*. Москва.

ЭССЛТП (2008): *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий*. Тихонов, А.Н., Хашимов, Р.И., Журавлева, Г.С. и др. Москва.

Я/БЭС (1998): *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Отв. ред. В.Н. Ярцева. Москва.